

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ГИПЕРСЕТЬ

Василий Васильевич Головачев

Гиперсеть (сборник)

Серия «Абсолютное оружие»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31265901

В. В. Головачёв. Гиперсеть / [Сборник]: ООО «Издательство «Э»;

Москва; 2018

ISBN 978-5-04-092886-6

Аннотация

Любите погружаться в виртуальную реальность? А хотите... по-настоящему? Майор Бекасов, сотрудник специального отдела контрразведки ФСБ, поневоле втягивается в противостояние с теми, кто нашу реальность превращает в «увлекательную компьютерную игру», больше напоминающую жесткую контртеррористическую операцию. Причем в роли «террористов» оказываются сам Бекасов и его друг, талантливый изобретатель Рудницкий, слишком близко подошедшие к осознанию истинных целей влиятельных геймеров, рвущихся к абсолютной власти. Ведь в Гиперсети Мироздания социум Земли – всего лишь один из уровней, и далеко не высшей иерархии, а люди – программы, «тени» ее Создателя. Если они выходят из повиновения, проявляя свободу воли, естественный шаг вышестоящих контролирующих служб – корректировка или устранение...

Диалогия "Гиперсеть" ("Криптозой") в одном томе.

Содержание

Савва и ангелы	5
Глава 1. Интродукция	6
Глава 2. Охота за нефтяниками	21
Глава 3. Игры ангелов	30
Глава 4. Заботы людей	36
Глава 5. Две стратегии	53
Глава 6. Сюрприз	65
Глава 7. С небес на грешную землю	84
Глава 8. Продолжение банкета	89
Глава 9. Покой нам только снится	117
Глава 10. Золотое правило: молчи!	141
Глава 11. Сингапур навывлет	156
Глава 12. Кофейный экстрим	173
Глава 13. Чем чёрт не шутит	187
Глава 14. Усиление ПСП	205
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Василий Головачёв

Гиперсеть

Сборник

© Головачёв В. В., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Савва и ангелы

И если у Вселенной благая цель, почему в ней кроется подобное безумие?

Тим Леббон. *«Многоликий ужас»*

Но в мире присутствовала и другая воля, которой я не видел, и исходила она не от людей.

В. Пелевин. *«Любовь к трём цукербринам»*

Но бог, когда он покровительствует королям, пользуется людьми для исполнения своих намерений.

А. Дюма. *«Десять лет спустя»*

Глава 1. Интродукция

Ицах отодвинулся назад и вниз, покрываясь туманной вуалью. Стало видно, что он располагается на колоссальной, прозрачно-голубой, вспыхивающей опаловыми искрами сфере. Примерно так бы выглядел земной остров посреди океана, будь сама Земля сплошной водяной каплей. Кое-где на дымчато-размытой поверхности сферы виднелись сложнейшие материальные образования, состоящие из пересечений разных геометрических форм, и громадные горные массивы неопределённых очертаний.

На горизонте сферы, называемой Метцах, появился серебристо-чёрный паучок, превратился в сверкающую драгоценными камнями многолучевую «морскую звезду».

Гость, наблюдавший трансформацию пейзажа, сосредоточился на «звезде» и оказался внутри неё. Это был замок Независимого Оператора метареальностей по имени Даблинга, пригласившего в гости коллегу по иезоду контроля Гиперсети по имени Ювинга. Оба исполняли обязанности контролёров одного из уровней Гиперсети, хотя давно догадались, что являются «живыми» программами, подчинёнными замыслу Создателя, но приняли условия Игры и с удовольствием корректировали метажизнь реальностей нижних уровней, образующих систему инвариантов сущего. На их деятельность было наложено ограничение в виде префакти-

ческого принципа обратной связи, что делало их зависимыми от воли Господина, называемого Выразителем Несогласия с Первозамыслом, но они были вполне самостоятельны в вопросах решения судебных нижних слоёв Гиперсети и довольствовались этим.

Разумеется, Ювингу ждали, иначе защитные системы замка Диаблинга не пропустили бы гостя, несмотря на его статус. Поэтому вышел он из «струны» виртуального движения непосредственно в главном гостевом зале замка, своеобразной гостиной, существующей одновременно в разных пространственных измерениях Метцаха. Эта гостиная служила также и модулем иезода, откуда оператор Диаблинга забавлялся тем, что «гонял» по границам метареальности ниже уровнем операторов этой реальности, заставляя их устранять возникающие спонтанно дисгармонии, бифуркации, неустойчивости и волеизъявления психики существ, обитающих в метареальности.

Гость с любопытством осмотрел гостиную, которая в настоящий момент представляла собой великолепный каньон, по дну которого извивалась голубая лента реки. Солнце стояло достаточно высоко, и величественные слоистые стены каньона были видны на всю его глубину, до галечных речных берегов.

С одного из склонов каньона посыпался на дно поток камней, порождая дробное гулкое эхо.

Кто-то засмеялся.

Ювинга оглянулся.

На соседней скале стоял хозяин замка, похожий на ожившую металлическую статую, и смотрел на гостя. Оба они – с виду люди с текучей – в пределах формы человеческого тела – наружностью, были похожи друг на друга впечатляющей мускулатурой и классическими, геометрически правильными абрисами лиц, но если Диаблинга не имел волос на лобастой голове и предпочитал коричнево-чёрную гамму внешней одежды, по сути – лучистой энергетической субстанции, то на голове Ювинги красовалась замысловатая причёска из серебристых волос, и он больше тяготел к золотисто-оранжево-красной цветовой гамме.

– Земля? – повёл подбородком гость на склоны каньона.

– Шестая метареальность, – кивнул Диаблинга.

Разговаривали они мысленно, хотя генерируемые ими мыслеформы звучали в сфере мыслеобмена как произнесённые вслух.

Каньон исчез. Зал гостиной замкнулся гнутыми, ребристыми, ажурными стенами, купол потолка засветился опаловым свечением, посреди зала соткалась из воздуха необычной формы конструкция – кожистое яйцо, обвитое спиралью выпуклых геометрических узоров и лепестков с нишами. Это была проекция иезода контроля, хотя сам иезод находился в миллионах лиг отсюда, на поверхности мира Ювинги – Ицаха.

Вокруг яйца одно за другим выскочили из пятнистого, зе-

лёного с чёрным, пола кресла, столик из прозрачного материала, напоминающего искрящийся хрусталь, на столик опустилось блюдо с напитками и фруктами, многие из которых напоминали земные.

– Присядем, – пригласил гостя хозяин.

Кресла скользнули к ним, бережно приняли седоков.

Ювинга налил себе в кристаллический бокал фантоника: сосуд наполнился фиолетовой искрящейся пеной. Диаблинга предпочёл тёмно-рубиновый слэш, вскипающий дымными фонтанчиками.

– Слушаю тебя, брат, – сказал гость, поднимая бокал. – Надеюсь, ты оторвал меня от важных дел не ради философской беседы о смысле жизни?

– Смысл жизни мне недоступен, – усмехнулся Диаблинга, пригубливая свой напиток и цокая языком. – Превосходный вкус! Хотя и смысл смерти мне не понятен в абсолюте. Наш Создатель явно сам не знал, что такое смерть – наказание, возмездие или награда. Как ты думаешь, он карает нас или добивается справедливости? В то время как мы служим Его замыслу верой и правдой.

– Нас карают только те боги, которым мы поклоняемся.

– Но ведь кара и награда – не одно и то же?

– Всё в мире относительно, – пожал плечами Ювинга, – смерть в том числе. Но я просил бы перейти к делу, у меня действительно мало времени.

– У кого его много? Разве что у Вечности. Но ты прав, нет

смысла философствовать накануне очередной бифуркации в Гиперсети. А она грядёт.

Ювинга тоже сделал глоток. Во рту зашипело, струя щекотливого сотрясения пронзила пищевод, разбрызгивая нашатырную свежесть со вкусом ягод таманика по всем сосудам. Захотелось бросить вызов кому-нибудь, и в особенности – Господину, опиравшемуся больше не на разум и знания, а на страсти и эмоции. Но Ювинга сдержал порыв, хотя подумал, что когда-нибудь он не устоит перед соблазном восстать.

– Есть предпосылки?

– Я их вижу.

– Уровень?

– Шестой, Метагалактика в периоде интенсивного аллогенеза, жёлтая звезда Солнце в периоде обслуживания социума на планете Земля. Ты давно туда не заглядывал?

– Два сезона точно.

– Обрати внимание. Социум кипит, войны сотрясают не только пространство, но и психику, коллективное бессознательное разрывается на фрагменты, что усугубляет процесс сильнейшей стагнации исторической памяти. Но меня больше интересует самое большое государство Земли – Россия.

– Чем же?

– Русский этнос больше всех настроен на создание сильных операторов, Персон Воли и Фигур Влияния, и есть признаки того, что такой оператор вот-вот появится.

– Почему это тебя взволновало?

– Не то чтобы уж, но игровая программа любого уровня не должна бунтовать, исполняя команды оператора высшего уровня, в данном случае – моего ставленника.

– Для тебя это проблема?

– Ты же знаешь моё отношение к проблемам.

– Если проблему можно разрешить, не стоит о ней беспокоиться, так?

– Если она неразрешима, беспокоиться о ней бессмысленно. – Диаблинга сделал большой глоток, зажмурился, передёрнул плечами. – Пробивает насквозь, однако... Короче, я подумываю об активации СККО¹ и спуске программы в нижние уровни Сети.

– Разве ты её не запустил? – с недоверием поднял бровь Ювинга.

– Я запустил ПСП². Но ты же знаешь, игровую зону Земли корректируют операторы пятого уровня, а у них возник спор. Один стоит за слабый императив, оставляющий шанс естественному развитию событий, второй за более жёсткий вариант.

– Насколько мне известно, ПСП на земном уровне уже работает. Медицина, культура, язык – упрощаются, ТВ, Интернет, гаджет-технологии – усложняются, что способствует контролю. Чего ты хочешь ещё?

¹ СККО – система контроля критических отклонений.

² ПСП – программа сужения параметра.

– Ускорить процесс развития человечества. Лучшие умы, к счастью, не дотягивающие до уровня Фигур Влияния, уже создали своё игровое пространство – Интернет, слабенькое подобие наших игровых пространств, на очереди нанотехнологии, которые открывают возможность селективно воздействовать на определённые этнические группы, климатическое оружие, геофизическое воздействие, но этого мало, нужен толчок, который ускорил бы прогресс, – Диаблинга допил слэш, глаза его почернели, – а вместе с ним и завершил бы процесс глобального управления цивилизацией.

– Как ты собираешься это сделать?

– Скину оператору земного иезода корректирующую программу, начну с ликвидации зависимости человечества от природных ресурсов – нефти, газа, каменного угля. Пора переводить энергетику на уровень термояда. Жаль, что мы не можем вмешаться в жизнь нижних слоёв Сети персонально и вынуждены корректировать реальность с помощью подконтрольных систем – вещей, самих людей, технологий, социальных революций. А так было бы славно – спуститься вниз и навести порядок! Нет же, и над нами, как дамоклов меч, висит Искон!

– Протокол ограничений создан не нами.

– Абсолютно ненужная вещь!

– Иначе мы наломали бы дров, – покачал головой Ювинга.

– С благими намерениями? – надменно выпрямился Диаблинга.

– Ты забыл, чем устлана дорога в ад?

– Эта формулировка не для нас.

– Для всех живущих. Прими дружеский совет: проконсультируйся с тем, кто стоит над нами. Я чувствую дискомфорт в ситуации, но не понимаю, насколько велика угроза коррекции. Кто из операторов земной метареальности жаждет ускорить процесс? Самсунг или Амазон?

– Первый. – Дьяблинга скривил губы. – Само Совершенство... как он себя величает. – Оператор Метцаха медленно выдохнул, глаза его начали светиться. – Впрочем, второй недалеко ушёл, называя себя Архангелом, целуй его душу!

Ювинга улыбнулся.

– Знали бы они, на каком уровне обитают Ангелы. У твоего Совершенства есть игровой оператор?

– Конечно, есть, полковник Петров, Главное управление МВД России. Самсунг трусоват, несмотря на жёсткую риторику, в земную зону не полезет, спустит матрицу ПСП. Уже спустил.

– Я плохо знаю особенности земной игровой зоны, однако... не торопишься ли ты?

– Возможно, я и в самом деле перегибаю палку, как выражаются русские на Земле, но уверен, что оценил ситуацию верно. Мне не нужна Фигура Влияния в России, способная изменить всю игровую конфигурацию их уровня.

– Насколько мне известно, гиперслои Земли был создан как испытательный полигон именно для исследования вари-

антов взаимодействия волевых операторов. Почему ты опасаешься появления ещё одного?

– Волевых операторов там достаточно: политиков, бандитов, террористов, убийц, – но все они легко поддаются контролю и манипулированию, а Персона Воли с экстравозможностями вряд ли потерпит контроль.

Ювинга допил тоник, не меняя выражения лица.

– Тебе говорили, что ты – копия Господина?

– В каком смысле? – Диаблинга пришёл в себя, хотя глаза оператора ещё продолжали шататься.

– Он тоже не терпит Персон Воли, не поддающихся контролю. Возможно, именно поэтому люди Земли называют его дьяволом.

Диаблинга пренебрежительно покачал пальцем.

– Оценки подпрограмм меня не волнуют. Хотя хочется услышать совет друга: какую дополнительную ПСП спустить в иезод земного контроля? Мягкую или жёсткую? Нейтрализовать угрозу волевой опухоли или посмотреть, что сделает Самсунг?

Ювинга положил в рот ломтик хамсы.

– Я не люблю давать советы, брат. У тех, кто им следует, появляется возможность обвинить дающего в ошибке. Я уже дал совет – найди консультанта поопытней. Но на твоём месте я бы не торопился с коррекцией земной реальности. Во всяком случае – до появления Фигуры Влияния.

– Будет поздно.

– Не знаю. Дай свободу Самсунгу, он ответит за всё.

Диаблинга рывком поднялся – текучий жидкий металл внутри фигуры человека, исчез и появился через несколько мгновений, уже определённой формы, с лицом телесного цвета и проваливающимися «внутрь себя» глазами. Но стыла в них не обида или неприязненное высокомерие, а задумчивость.

– Благодарю за советы, брат.

Зал приёма гостей снова превратился в каньон, уходивший, казалось, в бесконечность. Над ним пролетела птица, почти не шевеля роскошными огромными крыльями. С небес донёсся орлиный клёкот.

Ювинга встал, дружески протянул руку коллеге, кинул взгляд на птицу и усилием мысли воспарил над скалами, вылетел за пределы гостиной. Ещё раз, более внимательно, оглядел фрактально-безукоризненную «медузу» владений Диаблинга. Однако на этот раз она показалась ему мрачно-зловещей, источающей флюиды угрозы и недовольства. Впечатление было такое, будто в замок вселилась некая сущность, которой не нравилась нерешительность хозяина, ищущего оправдания своей активности в нижних слоях Гиперсети. И, возможно, это было следствие посещения Метцаха самим Господином, остро реагирующим на поведение созданных им подпрограмм – живых обитателей метареальностей.

Вокруг тела Ювинги соткалось полупрозрачное облако

несущего модуля, замок Диаблинги отодвинулся, превратился в паучка на безмерной сфере Метцаха. Затем сфера иной реальности, в которой источником энергии являлся процесс инфляционного расширения времени, повернулась и прыгнула навстречу, всасывая в себя модуль с пассажиром, и Ювинга оказался над немыслимо сложным городом со множеством вычурных башен. Это было место обитания Ювинги, живущего в реальности гораздо более высокого порядка, нежели земная метареальность, хотя и его вселенная не была абсолютно независимой, представляя собой один из слоёв Гиперсети.

Сосредоточившись на цели перехода, он заставил модуль двигаться быстрее и в состоянии «луча света» пересёк Ицах, пока не вонзился в свой замок, не менее совершенный и красивый, чем «медуза» Диаблинги.

Зал для приёма гостей был наполнен полутьмой и невидимым кипением тонких энергий, создающих впечатление таинственного многомерного бытия, доступного лишь существам с таким же многомерным восприятием. Под давлением мысли хозяина это невидимое нечто всколыхнулось и породило сияющую даль, почти мгновенно распавшуюся на удивительный мирный ландшафт: зелёные кущи, цветущие луга, величественные реки, цепи гор с белыми сверкающими вершинами, синее небо и две округлых глыбы в его глубине – спутники планеты, давшей материнскую – первородную матрицу для программирования Гиперсети.

Над зелёным ковром лесов возник невесомый золотистый мост, уходящий на горизонте в небесные пространства. По нему мчались странные экипажи наподобие того, что принёс Ювингу к дому, хотя пассажиров внутри полупрозрачных стремительных капсул видно не было.

Ювинга, склонив голову к плечу, любовался пейзажем, движением бровей убрал его, возвращая залу прежний вид, и подошёл к опрокинутой ажурной чаше, внутри которой тлел клочок тумана; это была проекция кокона иезода контроля, отличавшаяся от той, что стояла в гостиной Диаблинги, только формой. Оба могли оперировать программами подконтрольных уровней Сети, не перемещаясь в операционную зону самого иезода, называемую Всевидящим Оком.

«Откройся!» – мысленно приказал Ювинга.

Светящийся клуб тумана в коконе проекции вскипел, за несколько мгновений соткал из ничего трон контроля, и Ювинга занял его, привычно терпя прикосновения эффекторов, одевающих тело и голову в гиперслой игровой консоли. Ювинга почувствовал себя впаянным, как пчела в янтарь, в сферу непреодолимой силы, способной творить чудеса.

Кольцо тумана перед ним превратилось в разворачивающийся тоннель, в который он выпал вместе с тронem управления, и спустя мгновение оператор вылетел из тоннеля в бесконечное пространство, пронизанное красивой светящейся вуалью. Это была сетчато-волоконистая структура Метавселенной, давшей приют цивилизации шестого уровня –

человеческой, обитавшей на планете Земля.

Мысль Ювинги оживила Мета вселенную, по сути представлявшую собой виртуальную игровую реальность Гиперсети. Спирали и волокна гигантской системы, состоящие из галактик и звёзд, поплыли навстречу. Одна из них заняла всю видимую полусферу перед глазами оператора, начала увеличиваться, распадаться на скопления галактик, пока не осталась одна галактика – Млечный Путь, названная так людьми, обитателями планеты, двигающейся по орбите вокруг жёлтой Звезды – Солнца.

Вид галактики подействовал на Ювингу завораживающе. Большим эстетом он себя не считал, но потратил не одну минуту на чуть ли не мистически-восторженное созерцание многорукавной звёздной системы, подумав, что Создатель Гиперсети всё же обладал талантом художника, создав такие совершенные с эстетической точки зрения объекты.

Галактика помчалась навстречу, распадаясь на звёзды, пока перед взором оператора не возникла звезда, вокруг которой поплыли шарики планет и хвосты астероидов. Ювинга нашёл Землю, «прыгнул» к ней, привычно развернул планету в «бабочку», одно крыло которой представляло поверхность Земли со всеми материками и океанами, второе – развёртку внутреннего строения планеты.

Первое крыло ринулось навстречу, расплзаясь пятнами зелени, морской сини и коричневых горных цепей.

Ювинга окинул взглядом застывшие в воздухе самолёты,

остановившиеся потоки машин на дорогах и улицах городов, толпы пешеходов. Так выглядело игровое пространство метареальности, поддерживаемое базовой программой развития Гиперсети. Ювинга находился вне этого пространства и не зависел от него, поэтому мог свободно останавливать время Земли – всю программу – и вообще выключать терминал управления. Хотя жители Земли эти остановки не ощущали, подчиняясь законам метареальности. Лишь редкие личности с большим метафизическим потенциалом осознавали своё положение и могли вмешиваться в программу – те, кого Диаблинга называл Персонами Воли и Фигурами Влияния. Тогда возникали локальные трансфузии – разрывы реальности, которые надо было «сшивать», чтобы уровень Сети не разрушался полностью. И занимались этим Высшие Геймеры – одиннадцать сущностей в иезоде контроля, старшими среди которых были Диаблинга и Ювинга.

Поскольку он давно не интересовался программой шестого уровня, на изучение ситуации на Земле и, в частности, в России пришлось потратить какое-то время.

Ювинга пропустил через сознание поток информации, сосредоточился на выявленных фигурах роста, способных преодолеть программный барьер, задумчиво пролистал их персональные характеристики.

Таких людей было немного, всего пять, причём во властных структурах России они не засветились, все занимали довольно скромные служебные должности в производственных

центрах и узлах обслуживания программы. Но потенциал их был велик.

Ювинга пробежался по другим континентам Земли, отмечая «пси-опухоли» критических отклонений, и спустился в иезод пятого уровня, операторы которого непосредственно вели программу шестого слоя – вместе с Землёй.

В коконе управления иезода сидели три оператора.

Ювинга выбрал того, чьё имя звучало как Амазон – Арбитр-Мажор Зоны, хотя отзывался он и на короткое Архангел, несмотря на столь многозначительный псевдоним. Вряд ли Архангел понимал, что он тоже контролируется операторами выше уровнем, зато вполне мог вмешиваться в игровую программу, создающую Вселенную людей.

Внедрившись в его психику, Ювинга полистал «файлы» памяти оператора, занятые информацией о поддержке пассионарности России, поразмышлял над его планами и решил слегка подкорректировать их. Захотелось подтолкнуть несколько «пси-опухолей» русского этноса к самореализации, они вполне были готовы подняться выше своего уровня и стать Фигурами Влияния. Личностные параметры некоторых подпрограмм «светились» в диапазоне «божественных заповедей» и выглядели симпатично. Ювинга не прочь сам был бы иметь таких друзей.

Решено, подумал он, мимолётно представив озабоченную физиономию Диаблинги и улыбнувшись, посмотрим, что получится...

Глава 2. Охота за нефтяниками

Артём Клементьевич Голубенский любил отдыхать в компании с приятелями, среди которых были как работники Администрации президента, так и высокопоставленные чиновники, губернаторы и мэры многих городов России. В том числе – мэр Норильска, сорокачетырёхлетний Борис Ханюкович, с которым Голубенского связывали общие интересы, а именно – разработка нефтяных месторождений на Крайнем Севере.

Голубенский, владелец компании «Севернефть», вкладывал в это дело немалые деньги. Ханюкович помогал ему чем мог. Особенно – в сфере строительства «вспомогательных объектов дохода», то есть разрешал заниматься ещё и игорным бизнесом. Голубенский же поддерживал мэра во всех общественных начинаниях и помог Борису Дмитриевичу выиграть выборы.

Конечно, Голубенский предпочитал отдыхать за границей, имея коттеджи и фазенды в разных уголках мира, а также яхты и самолёты. Но и в родном Норильске он чувствовал себя комфортно, ибо отдых его был недоступен рядовым гражданам города. Во всяком случае, летняя резиденция Артёма Клементьевича «Крутая балка», расположенная всего в пятнадцати километрах от Норильска, на берегу небольшой речушки, впадающей в озеро Пясино, мало чем

отличалась от президентской дачи «Бочаров ручей». Она имела всё, что нужно было человеку для VIP-отдыха, в том числе великолепный бассейн-пруд с подогреваемой водой, тренажёрный зал, комнаты отдыха, зал для приёма гостей, бильярдную, преферансную и множество подсобных помещений.

Тринадцатого июля, в пятницу (это число берём за точку отсчета), Голубенский отправился в свою резиденцию раньше обычного – сразу после обеда.

Во-первых, у него была запланирована там встреча с губернатором края и с важным китайским чиновником, который уже уговорил губернатора отдать в аренду часть норильской земли и теперь жаждал уговорить владельца «Севернефти» принять в альянс по разработке нового нефтяного пласта китайских бизнесменов.

Во-вторых, надо было отойти от вчерашнего отдыха в кругу друзей: Артём Клементьевич был приглашён на день рождения к известному бизнесмену и меценату Весельману, и торжество для него закончилось в пять часов утра. Со всеми вытекающими. Пришлось даже прибегать к услугам личного доктора.

В-третьих, в резиденции Голубенского ждала одна молодая особа, недавно выигравшая конкурс «Мисс Норильск». Естественно, это обстоятельство весьма подогревало интерес Голубенского к жизни вообще и к даче «Крутая балка» в частности.

В половине пятого Артём Клементьевич был уже в резиденции. Встретился с Ларисой – так звали «мисс Норильск», с удовольствием выпил вина и кофе. Дождался гостей и пригласил их в сауну. После чего настал черёд купания в бассейне.

Природа вокруг была потрясающе красива, светило солнце, температура воздуха поднялась до двадцати четырёх градусов по Цельсию, но воду в бассейне всё же пришлось подогревать. И никто не заметил, что к нему в густой траве тянутся зелёные проводки, исчезающие под плитами бортика. В самом бассейне эти проводки были оголены.

Особенно суетился вокруг хозяина дачи его телохранитель, бывший сотрудник спецназа МВД, капитан в отставке Вениамин Глыбов по кличке Глыба. Он несколько раз проверял температуру воды в бассейне и даже предупредил Артёма Клементьевича, что надо бы подождать, пока она согреется. Но Голубенский, уже хвативший коньячку, предупреждению не внял и полез в воду, демонстрируя неплохую фигуру: всё же он не зря занимался фитнесом и поигрывал в теннис.

Вслед за ним рискнул прыгнуть в бассейн и приезжий китайский чиновник по имени Лю Чжао. Алкоголь он не употреблял, но очень хотел показать свою готовность следовать за владельцем «Севернефти», куда бы тот ни направлялся.

Все гости с интересом смотрели на это шоу, не обращая внимания на Глыбу. Телохранитель же сделал кому-то ка-

кой-то знак и стал демонстративно раздеваться у бассейна, якобы собираясь последовать за хозяином.

Голубенский театрально взмахнул руками, нырнул, с шумом вынырнул, поплыл кролем. И в этот момент что-то произошло.

Ойкнул Лю Чжао, завертелся юлой на воде, пытаясь вытолкнуть застрявший в лёгких воздух.

Судорожно дёрнулся под водой Артём Клементьевич, сделал несколько странных движений и... стал погружаться в воду, безвольно обмякнув, раскинув руки и опустив голову.

– Что случилось? – удивлённо посмотрел на свиту обнажившийся до плавков мэр.

Глыба шагнул на бортик и по его ноге скользнула голубая электрическая змейка. Он заорал, подпрыгнул, упал на плитки, свалился с них на землю.

– Назад! – рявкнул губернатор, запоздало сообразив, что происходит.

Гости шарахнулись прочь.

Электрические искры веером разлетелись по стенкам бассейна и погасли.

На дно его опустились два тела – Голубенского и Лю Чжао. Их убил мощный разряд электрического тока, прошедший через воду.

Спасти обоих не удалось.

Эти буровые вышки, выросшие на восточном берегу Обской губы, недалеко от посёлка Новый Порт, можно было по праву назвать вершиной инженерной мысли. Они были разработаны русскими инженерами, и в их конструкции учитывались новейшие достижения науки и техники. Выглядели они потрясающе – как скелеты механических динозавров или как десантные корабли пришельцев, замысливших покорение Сибири.

Запуск новой нефтедобывающей станции состоялся четырнадцатого июля. Естественно, на это мероприятие слетелись и съехались десятки должностных лиц, отвечающих за развитие нефтегазовой промышленности России, в том числе – первый вице-премьер, отвечающий за нацпроекты. Вместе с ним смотрел за фонтаном «чёрного золота» и владелец нефтяной компании «Ямалнефть» Вячеслав Феллер, которому принадлежала идея разработки нефтяных залежей на Ямале.

Пуск буровых прошёл гладко, без происшествий. Гости измазали ладони в нефти, выпили шампанского и разбрелись по вертолётам, которые унесли их к аэропортам близлежащих городов. На станции остались лишь сам владелец компании и руководство нефтедобывающего комплекса, плюс специалисты-нефтяники, продолжавшие наладку оборудо-

вания.

Ждали компаньона господина Феллера, немецкого бизнесмена Ганса Эшке, который хотел лично удостовериться в запуске одной из самых крупных в регионе нефтедобывающих скважин.

Вячеслав Феллер, в прошлом – комсомольский работник, не любил одиночества, и его везде сопровождала свита, состоящая из охранников и каких-то молодых людей. Поговаривали, что это «бойфренды» Феллера, однако точно никто ничего не знал, и слухи оставались слухами.

После плотного обеда владелец «Ямалнефти» решил прогуляться по живописным окрестностям месторождения, благо погода благоприятствовала замыслу, переделался в технологичный и удобный комбинезон «Нейчетур» немецкого производства для туристических походов по северным краям, подаренный ему компаньоном, и отправился к вышкам. Сопровождали его на этот раз только два телохранителя, с которыми он практически никогда не разговаривал.

Вышки не имели стандартных «гусakov» – специальных механизмов для откачки нефти. Их заменяли особой конструкции гидравлические насосы, также выглядевшие футуристическими «ракетами» необычной формы.

Полюбовавшись на одну такую «ракету», Феллер побрёл к следующей, и в этот момент насос величиной с гигантский экскаватор бесшумно провалился в возникшую внезапно дыру. Лишь потом из глубин земли донёсся рыдающий

стон, грохот, гул и лязг. Раздались крики испуганных людей. Кто-то включил сирену, и её тоскливый вопль вспугнул тучу птиц на побережье.

Дыра стремительно расширилась, захватывая почти всё пространство с вышками. Одна за другой вышки и насосы исчезли в бездне, образовавшейся так быстро, будто под землёй произошёл ядерный взрыв. Хотя никакого взрыва не было, ни ядерного, ни обычного. Полость, в которую провалилась вся нефтедобывающая платформа, образовалась абсолютно неожиданно для людей.

Феллер не успел отскочить в сторону, в отличие от своих более реактивных телохранителей. Его увлекла за собой стальная громадина насоса.

Через минуту всё закончилось.

Люди перестали кричать.

Из пяти вышек уцелела лишь одна. На месте остальных зиял заполненный дымом и пылью провал, в котором ещё какое-то время что-то покрхтывало и гремело. Вскоре он заполнился поднявшейся снизу нефтью.

И стало совсем тихо.

* * *

К началу двадцать первого века Аляска, проданная американцам царём Александром II за гроши и воспетая ещё Джеком Лондоном, мало чем изменилась в демографическом,

культурном и социальном отношении. Разве что претерпела изменения инфраструктура западной оконечности Американского материка: появились новые посёлки, дороги, прибавилось нефтяных вышек, протянулись новые нитки трубопроводов. Одна из таких трасс, видимая даже из космоса, пересекла всю Аляску до Порт-Кларенса, а её северный зигзаг прошёл всего в полукилометре от береговой линии моря Бофорта и достиг небольшого посёлка Уэлт-Шит, где совсем недавно выросла ещё одна нефтяная вышка.

Конечно, прокладывались трубопроводы в зоне вечной мерзлоты с соблюдением специальных технологий, на сваях с Т-образными вершинами. Эти сваи должны были предупредить разрушение трубопровода в случае сезонного таяния и появления пльвунув. Такие случаи уже имели место в Канаде, на Крайнем Севере Америки пока ничего подобного не происходило, и тем не менее из соображений экологической безопасности нефтепроводы строились именно по такой схеме.

Однако четырнадцатого июля весь километровый участок нефтепровода от вышки в Уэлт-Шите внезапно стал погружаться в почву, будто она по какой-то причине превратилась в болотную жижу, и рабочие, обслуживающие вышку, едва успели убраться от места необычного катаклизма.

Всё произошло так быстро, тихо и буднично, что никто ничего не понял.

Не было ни взрыва, ни землетрясения, ни извержения гря-

зевого вулкана. Просто сваи одна за другой начали тонуть в земле, а заодно с ними утонул и нефтепровод вместе с вышкой.

Через час странный котлован заполнился дымящейся нефтью.

Посёлок Уэлт-Шит перестал существовать.

Глава 3. Игры ангелов

Игра становилась всё интересней, и Архангел увлёкся доработкой игровой зоны, с удовольствием отвечая на маневры коллеги, которого все геймеры называли Самсунгом или – Само Совершенство, хотя он и наломал дров во время недавних коррекций земной метареальности, допустив несколько войн, едва не опустивших подконтрольное человечество в яму всеобщего вымирания.

Конечно, игровую зону под названием «метавселенная земного континуума» создавал не Архангел и его коллеги, проводившие в этой зоне – гигантском аккаунте, объединявшем миллионы компьютеров по «облачным» технологиям, – больше времени, чем в родной реальности. Эта реальность, будучи слоем Гиперсети, о чём геймеры, в том числе Архангел и Самсунг, не имели понятия, была примерно такого же порядка, что и «метавселенная игровой зоны», но с более сложной композицией базовых элементарных частиц. Это был мир иной мерности, больше трёх, но меньше четырёх, что сказывалось и на физической структуре Мироздания.

Если Вселенную человечества породил так называемый Большой Взрыв, после чего спустя тринадцать миллиардов лет образовалась сетчато-волокнистая структура, базой которой послужили звёздные скопления – галактики, то мир

Архангела был рождён Большим Выдохом Бога, в результате чего вакуум вспенился и образовал волокнистую материальную структуру – Великий Мох, основой которой стала невообразимо сложная «пена» из материальных волокон, в пустотах между которыми – сапиенсы называли их войдами, как и люди в своей метавселенной, – загорелись светила – энергосгустки, в которых время трансформировалось в пространство. Соотечественники Архангела именовали их светозарами, в отличие от людей, называвших свои энергоисточники звёздами. Космос для сапиенсов не был непреодолимым препятствием, так как в любой район Великого Мха можно было добраться вдоль волокон, абсолютно не похожих на планеты Солнечной системы. В пустоты – войды просто не было нужды выходить, хотя попытки такие были, и транспорт для преодоления гигантских «пустотных» расстояний уже существовал.

Родным Кустом Мха для Архангела был Царцах, или Царское Село, размеры которого соответствовали размерам Солнечной системы, и он ещё в молодости пересёк его из конца в конец, а иногда забирался и гораздо дальше, к другим войдам с другими светозарами. Но странником по Мху не стал, предпочитая иные развлечения и объекты для изучения. Формально Царцахом, а можно сказать, и всем слоём метареальности управлял Сенат, и Архангел предпочёл быть избранным в его члены со всеми вытекающими отсюда полномочиями и привилегиями.

Вряд ли люди Земли, как называли действующие персона-подпрограммы игры сапиенсы-геймеры, существа трёхмерного восприятия реальности, смогли бы ориентироваться в мире Архангела, несмотря на то что Создатель Гиперсети во всех её игровых зонах варьировал именно земные условия существования. Создавал он Сеть по образу и подобию Фундаментальной или материнской реальности, но её характеристики были очень близки к земным, потому что Безусловно Первый Творец именно земную реальность – легендарный «Рай» – и принял за образец чистоты и непорочности. Это уже потом геймеры, искажавшие условия-программу Сети, довели её до состояния клоаки – чудовищной «раковой опухоли», где было возможно любое проявление несогласия с Первозамыслом, отрицание всех норм общественного поведения, всех базовых «божественных» заповедей, любое антиморальное поведение.

Естественно, и жизнь сапиенсов, соотечественников Архангела, отличалась от жизни людей – обитателей Земли, воплотив принципы, в большей степени способствующие научно-техническому прогрессу, нежели морально-этическому совершенствованию. Десятки и сотни миллионов сапиенсов давно обжили почти все Кусты Мха вокруг Царцаха и занимались в основном поисками зрелищ и удовольствий, привыкнув пользоваться автоматизированной сферой обслуживания, достигшей высочайшего уровня, и теми, кто эту сферу конструировал, создавал и продвигал.

Творческим поиском занимались считанные единицы из десяти миллиардов обитателей Царцаха и юзеров, забавлявшихся играми в виртуальных вселенных, одной из которых и была метареальность Земли, жители которой практически ничем не отличались от соотечественников Архангела, имевших разве что больше возможностей для изменения своих тел, что зачастую доходило до абсурда, когда очередной «модный бодизайнер» на ежегодном конкурсе всепланетной бодидури показывал коллекцию монстров, имеющих разное количество и разную форму конечностей, голов и наростов.

Утром восьмого маргуста периода Недвижности, – центральный светозар системы не заходил три дня, оставаясь в локусе выбора конфигурации планет (соотечественники Архангела принимали это положение светила естественным результатом действия законов физики, хотя на самом деле поддерживалась реальность манипуляциями игроков высшего уровня по сравнению с их реальностью), – Архангел вошёл в изюм контроля игровых полей в добром расположении духа. Он решил все свои личные проблемы, распределил шестерых детей по пансионатам, сменил подругу, наметил приобретение нового коттеджа в окрестностях ближайшей планеты с великолепным видом на вулкан и желал одного – осчастливить кого-нибудь из симпатичных ему людей на планете Земля.

Его встретили тишина и полумрак.

Все геймеры были на месте, и все торчали в игровом сервере, играя роль «высших сил», изменяющих те или иные состояния земного социума и вселенского пространства в зависимости от настроения каждого геймера.

Кокон управления, внутри которых, как семечки в тыкве, располагались операторы, играли огнями, пульсировали и звенели. Игра шла по-крупному, решалась судьба сразу четырёх военных конфликтов на Земле: в Сирии, Ираке, на севере Африки и в Украине. Операторы с упоением «двигали фигурами» по «доске истории», соревнуясь друг с другом в создании или нейтрализации критических ситуаций. Им было интересно, чем закончится очередное противостояние «сил несогласия» и «добрых намерений», которое в истории человечества всегда вызревало кровавым, провоцируя вмешательство главных контролёров – Архангела и Самсунга.

Архангел занял своё место, прокачал через сознание поток информации о состоянии дел на планете, внимательно изучил ситуацию с гибелью нефтяников.

Ситуация не понравилась. Пришла мысль подкорректировать её в позитивную сторону, причём так, чтобы об этом не догадались ни коллеги-геймеры, ни Само Совершенство.

Архангел составил план воздействия на ситуацию, подыскал в России несколько ярких индивидуальностей разного плана, подстроил их окружение и ввёл префактическое условие развития благодатного тренда, потенциал которого хватало для роста волевой фигуры с высокими экстрасенсорными

параметрами.

«С вами ваши боги!» – мысленно, с иронической усмешкой, проговорил Архангел, активируя программу изменения метаматериальности командой «Ввод».

Глава 4. Заботы людей

Телефон разрядился на слове «дело».

Савва Бекасов лениво надавил на зелёную кнопочку, посмотрел на экранчик мобильного, где высветилась надпись: «Батарея разряжена», – и снова закрыл глаза.

Он лежал в шезлонге, в тени беседки. Было жарко. Слабый ветерок изредка приносил прохладу и запахи цветущих трав. Жужжали пчёлы. Лежать было приятно, и ни о чём не хотелось думать. Бекасов имел полное право ни о чём не думать, потому что находился в законном отпуске, на даче под Волоколамском, и загорал здесь уже четвёртые сутки в блаженном расслаблении.

– Кто звонил? – долетел до него тихий голос жены.

Лень было отвечать, но он всё же нашёл силы буркнуть:

– Старшина.

– Чего он хотел?

– Не знаю. – Савва и вправду не успел выяснить, чего хотел полковник, но догадывался, что речь идёт о задании.

– Есть дело... – сказал полковник Иван Поликарпович Старшинин по кличке Старшина, и означать это могло только одно: отпуск кончился.

– Лиля, дай свой мобильник, мой гавкнулся.

Через минуту жена в одном купальнике, – в отличие от мужа она лежала под стеной коттеджа и загорала, – принесла

телефон. Бекасов потыкал пальцем в кнопочки, набрал номер полковника:

– Иван Поликарпович? Что случилось?

– Ты где? – спросил Старшинин.

– На Кипре, – хотел соврать Бекасов, но сказал правду: – На даче.

– Жду через два часа. Успеешь?

– Я в отпуске, – вяло возмутился Савва.

– Главный требует результата, понял?

– Понедельник – день тяжёлый, – сделал Бекасов ещё одну попытку возразить.

– Могу прислать вертолёт, – отрезал Старшинин.

– Не надо, – сказал Савва, прощаясь с отдыхом.

Старшинин выключил связь.

– Когда тебя ждать? – хмыкнула жена, отлично разбираясь в результатах подобных переговоров мужа с начальством.

Савва посмотрел на неё, загорелую, красивую, милую, желанную, и ему вообще расхотелось ехать в Управление.

– Не знаю, – честно признался он.

– Понятно.

– Зато мне дали два часа времени. Час на дорогу, час на...

– А успеешь? – лукаво прищурилась Лилия.

Бекасов выбрался из шезлонга и подхватил жену на руки...

В два часа с минутами он вошёл в кабинет полковника, расположенный на втором этаже Управления контрразвед-

ки ФСБ. Старшинин уже больше года руководил отделом специальных расследований, который занимался изучением эзотерического наследия России, её тайной истории, социопсихических тенденций и непознанных явлений природы. Бекасова, майора, следователя по особо важным делам, он перетащил к себе из военной контрразведки, и теперь они работали вместе. Полковник обещал повысить его в звании, но пока не преуспел в своих намерениях: штат не позволял. В отделе работали всего девять человек, в основном – бывшие гражданские специалисты в области психологии коллективов и нелинейного программирования, учёные-физики, астрономы и медики. Все они стали подполковниками, и Бекасову с его радиотехническим образованием, не имевшему научного звания доктора, повышение не светило. Впрочем, его это не расстраивало. Работа оказалась интересной, он был независим от руководства и мог получить допуск практически к любой закрытой теме или секретным документам.

– Садись, – поднял голову над столом Старшинин.

Худой, мосластый, длиннорукий, с ёжиком седых волос, он казался старше своего возраста, на самом же деле Иван Поликарпович был всего на семь лет старше тридцатичетырёхлетнего Бекасова. На собеседника полковник всегда смотрел строго и оценивающе, хотя юмор понимал и шутки ценил.

– Может быть, мне добавили звёздочку? – с надеждой спросил Савва.

– За что? – с интересом задал ответный вопрос Иван Поликарпович.

– За непричинение государству большого вреда.

– Твой ущерб ещё не подсчитан. Как только подсчитают – чего-нибудь дадут.

– Срок? – улыбнулся Савва.

– Чего это ты такой весёлый? – подозрительно хмыкнул Старшинин.

– Надеюсь, что это учебная тревога. Хочу полностью насладиться отпуском. Кстати, со своей женой. Помните анекдот? Крысы предупредили капитана, что у них учебная тревога, и попрыгали за борт.

– Ну, и? – подождал продолжения начальник отдела. Бекасов засмеялся.

– В этом и заключается соль анекдота.

– Дурацкий анекдот. На вот, читай. – Старшинин подсунил майору стопку листов бумаги с текстом.

Савва пробежал их глазами, поцокал языком.

– Интересно...

– Что?

– Куча жмуриков, катастрофы, и все связаны с нефтью...

– Поручено разобраться со всей этой кучей жмуриков. Ты уже брался за такие дела, включайся в тему.

Савва покачал головой, ещё раз прочитал предложенный полковником пакет донесений, вспоминая почему-то события десятилетней давности, когда его, молодого лейтенан-

та спецназа МВД, пригласили поучаствовать в международном чемпионате подразделений специального назначения на приз короля Иордании.

Россию должны были представить сотрудники спецназа МВД Южного федерального округа, а Савва в то время служил в Нальчике и считался лучшим бойцом-рукопашником сил быстрого реагирования, три года подряд становясь чемпионом округа по боям без правил.

Чемпионат в Королевском центре подготовки сил специального назначения в Аммане (KASOTC) проводился уже не раз, и участие в нём было престижным, так как во всех смыслах, в том числе и в политическом, он показывал превосходство подготовки спецназа той или иной страны и его возможности. И ещё не было случая, чтобы российский спецназ проигрывал, хотя готовились к чемпионату серьёзно все участники.

Впрочем, несмотря на ожесточённое сопротивление китайских «шандоуджи» и бойцов иорданской королевской гвардии, и в этот раз русский спецназ был вне конкуренции (хвалёные американские рейнджеры оказались лишь на четвёртом месте), победив соперников почти по всем дисциплинам: в стрельбе, выносливости, скорости и слаженности действий, в бою в городских условиях и на местности, а также в рукопашных сражениях, в которых отличился и Савва. Он вышел победителем во всех схватках, после чего и был замечен командованием военной контрразведки, а через год пе-

реведен в Центральный федеральный округ.

– Ты меня не слушаешь? – донёсся голос Старшинина.

– Прошу прощения, товарищ полковник, – встрепнулся Савва. – Слушаю.

В материале, который ему передал начальник Управления, речь шла о гибели трёх владельцев нефтяных компаний, активно включившихся в разведку и добычу нефти на Крайнем Севере России, и о странных катастрофах, в результате которых оказались разрушенными только что построенные нефтедобывающие комплексы в количестве четырёх штук. Мало того, в пакете были сведения и о гибели двух американских нефтяных магнатов, а также о необычных авариях на американо-канадских нефтяных скважинах и нефтепроводах. Плюс информация о катастрофе в Анголе, в провинции Мбанья, где начали добывать нефть, и о гибели начальника геологической разведочной партии Чукотского автономного округа, который занимался разведкой новых нефтяных месторождений.

«Артём Клементьевич Голубенский, – прочитал Савва, – президент компании «Севернефть». Родился в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, окончил Московский физико-технический институт. Работал в банке МЕНАТЕП начальником инвестиционного отдела, потом директором по стратегическому планированию. Два года жил в Лондоне. Вернулся в две тысячи четырнадцатом году и стал первым вице-президентом компании «Севернефть».

Бекасов поднял голову.

– Может быть, его свои убрали за какие-то прегрешения? Торганул нефтью за спинами компаньонов...

– Он сам себе хозяин, – сказал Старшинин. – Лети в Норильск. Там уже работает следственная бригада важняков МВД и генпрокуратуры, плюс наши ребята из бюро расследований. Всю информацию получишь от них. Но, судя по всему, это не стандартная разборка. Голубенского не за что было убирать. Как и его китайского гостя.

– И тем не менее кто-то подвёл к бассейну провода и включил ток лишь тогда, когда в бассейн прыгнул Голубенский.

– Это детали. Смотри глубже. Все перечисленные в материале случаи описывают некий криминал в нефтедобывающей сфере. Четыре чудовищных аварии с добывающими станциями, причём новейшими, безопасными на сто процентов. Пять жмуриков, и все – нефтяные магнаты, охраняемые, как золотой запас страны, активно вкладывающие деньги в разведку новых месторождений нефти и газа. О чём это говорит?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Из Норильска полетишь на Ямал, где до сих пор ищут тело Вячеслава Феллера. Там теперь нефтяное озеро на месте катаклизма. И обрати пристальное внимание на ещё одного нашего добытчика нефти, недавно рискнувшего заложить скважину на Новой Земле.

– Там тоже нашли нефть?

– Нашли. И очень много. Финны спохватились, но уже было поздно.

– Понял. Когда лететь?

– Вчера. Размотаешь это дело – главный тебе звёздочку-то и добавит. Обещал.

– Дело не в звёздочке, – усмехнулся Савва. – Очень необычный вывод напрашивается.

– Не торопись с выводами. Поработай с материалом, а главное – с людьми. Возможно, мы ещё не всё знаем. Деньги, экипировку получишь, как обычно, в Снабе. Вопросы?

– Разрешите выполнять, товарищ полковник? – сделал официальное лицо Бекасов.

Старшинин поглядел на него снизу вверх, развёл руками:

– Извини, догуляешь отпуск сразу после возвращения. – Он подумал и добавил: – Если лето не кончится.

Бекетов пожал ему протянутую руку и вышел, уже размышляя над заданием. Ему и в самом деле было интересно, что случилось с нефтяными баронами.

* * *

Пятнадцатого июля он прилетел в Норильск в шесть часов утра по местному времени. Его встретил хмурый лейтенант из Чукотского управления ФСБ и доставил на дачу погибшего Голубенского, по пути рассказав о сложившейся ситуа-

ции. Из его слов выходило, что дело взял под контроль лично генеральный прокурор России и теперь всем здесь руководил его представитель, генерал юстиции, зам генпрокурора Геннадий Феоктистович Огурейщик.

– Ничего, прорвёмся, – сказал Бекасов, имея на руках карт-бланш на любые следственные мероприятия.

На территорию дачи его пропустили беспрепятственно.

Лето было в разгаре. Температура воздуха в Норильске дошла до отметки двадцать пять градусов. Савва снял куртку и прошёлся вокруг коттеджа налегке, ощущая желание полежать где-нибудь на ветерке. Но голос охранника привёл его к действительности.

– Здесь ходить не положено.

– Мне положено, – рассеянно сказал Бекасов, показывая удостоверение офицера ФСБ. – Покажите бассейн.

Охранник поколебался немного, но всё же повёл гостя за дом, к бассейну.

Савва осмотрел его со всех сторон, полюбовался на вытасценные из воды проводки, убившие Голубенского и китайца.

– Вы были свидетелем происшествия?

– Свои показания я уже дал, – буркнул охранник.

Бекасов с интересом посмотрел на его не отягощённое интеллектом лицо.

– Давайте договоримся. Либо вы отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, либо вас привезут ко мне в Управление,

и вы всё равно отвечаете на вопросы. Что вам больше нравится?

Охранник набычился, отвёл глаза.

– Чего надо?

– Вы видели, как это произошло?

– Ну... издали... я охранял коттедж.

– Ничего подозрительного не заметили?

Охранник пожал плечами, сплюнул.

– Ничего не знаю. – Он вдруг оживился. – Глыба так смешно упал... и вообще суетился.

– Кто это – Глыба?

– Веня... Глыбов... телохран Артёма Клементьевича.

– Где он сейчас?

– Да кто ж его знает?

– Больше ничего странного не заметили?

Лицо парня стало совсем скучным, он посмотрел за спину Бекасова. Савва оглянулся. К ним подходил моложавый мужчина в тёмно-синем костюме, с галстуком. За ним шёл парень в джинсе и семенил милиционер с погонями подполковника, плотного телосложения, коренастый, лет сорока пяти, с квадратным, бледным, каким-то рыхлым лицом.

– Кто такой? – отрывисто спросил мужчина, окинув Бекасова неприязненным взглядом. Глаза у него были водянистые, навывкате. Это был заместитель генпрокурора Огурейщик.

– Майор Бекасов, – вежливо представился Савва. – Управ-

ление «А», отдел «спирит».

– Это дело находится в юрисдикции Генпрокуратуры. Ваше Управление должно согласовывать свои действия со мной.

Бекасов молча достал красно-чёрно-золотую «корочку» особых полномочий, на которой была выдавлена его фамилия.

Подняв брови, заместитель генпрокурора повертел в пальцах удостоверение, вернул владельцу.

– Не понимаю, чем заинтересовало это дело федералов вашего уровня.

– Хочу разобраться, – сказал Бекасов. – Разрешите действовать по своему плану?

Огурейщик насупился, пожевал губами.

– Только не мешайте.

– Постараюсь, – кротко пообещал Савва.

Зам генпрокурора величественно удалился. Сопровождавший его телохранитель прикрыл его своей спиной. Милицейский подполковник бросил на Бекасова странный оценивающий взгляд, поспешил за большим начальником.

– Ну так это... – переступил с ноги на ногу парень в чёрном комбинезоне. – Я больше не нужен?

– Где мне всё-таки можно найти этого вашего Глыбу?

– Спросите у ребят в доме, они должны знать.

– Благодарю. – Бекасов направился к коттеджу, бросил через плечо: – Свободен.

В коттедж его пропустили с небольшой заминкой, пришлось снова показывать удостоверение. Внизу, в холле с мраморными полами, тусовались какие-то личности в штатском, прошмыгивали молодые девушки, на которых никто не обращал внимания.

– Мне нужен Вениамин Глыбов, – обратился Савва к одному из парней в штатском.

Тот молча махнул рукой в сторону лестницы на второй этаж, по которой спускались в холл трое мужчин. Один из них выделялся мощной фигурой и особым выражением лица, которое можно было охарактеризовать словами: «ожидание приказа».

– Глыбов? – подошёл к нему Савва.

Парень покосился на него, и его взгляд Савве не понравился. В глазах телохранителя нефтебарона пряталось злое понимание ситуации.

– Ну?

Бекасов раскрыл и закрыл свои «корочки».

– Отойдём.

– Эй, вы кто? – хмуро поинтересовался мужчина, сопровождавший Глыбова.

– Управление «А» ФСБ, – ответил Бекасов. – Извините, я его не задержу.

– А допуск у вас есть?

– Кто бы меня сюда пропустил без допуска?

– Ладно, у вас пара минут. Мы едем в Норильск.

Савва отвёл телохранителя к диванчику, окружённому пальмами.

– Вы были свидетелем трагедии. Как это случилось?

– Я уже рассказывал следователю.

– Расскажите ещё раз и поподробней.

Глыба почесал мясистый загривок, начал вспоминать подробности происшедших двое суток назад событий. Из его слов вырисовывалась картина покушения на Голубенского, предпринятая некими «конкурентами» и блестяще исполненная какими-то киллерами. У следствия даже имелись подозрения насчёт этих киллеров, так как в картотеке МВД нашлись случаи умерщвления людей с помощью электричества.

– Как же вы не заметили провода? – спросил Бекасов. – Разве телохранители не обязаны принимать превентивные меры безопасности?

– Меня самого чуть не убило! – окрысился Глыба. – И я не обязан следить за бассейном. Другие есть.

– Кто?

– Тут за всем народ смотрит, специально обученный, вот с него и спрашивайте.

– А чего это вы так нервничаете? – поинтересовался Савва, снова отмечая неожиданно умный, понимающий взгляд телохранителя. – Я же вас не спрашиваю, почему вы остались живы, а ваш босс мёртв.

– Да пошёл ты! – грубо буркнул Глыба. – Не имеешь права

меня допрашивать. Пожалуюсь прокурору, он тебя...

– Попробуй, – перебил его Савва. – Даже интересно, что получится. Могу сказать только одно: потребуется – тебя в Москву в наручниках доставят на допрос. Гуляй пока, супермен. Но если ты мне не всё рассказал – пеняй на себя.

– Эй, что вы там? – оглянулся на них второй мужчина, ширококоротый, с тяжёлым подбородком. – Глыбов, ты скоро?

– А чего он? Офигел вообще! Начинает угро...

Бекасов не стал дожидаться окончания фразы, ловко выхватил у телохранителя из руки мобильник, мгновенно всунул в открытый рот, тут же вынул обратно, вернул телефон.

– Так что ты там хотел сказать, уважаемый? Повтори, не расслышал.

Глыбов закрыл рот, ошеломлённо посмотрел на сопровождающих. Те нахмурились, оценивающе оглядели Савву.

– Жонглёр, что ли? – неприязненно буркнул первый мужчина.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал Бекасов. – Буду знать, с кем имею дело.

Мужчины переглянулись.

Первый взял Глыбу под руку.

– Пошли, некогда нам.

Второй ещё раз смерил Савву нехорошим взглядом.

– Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

Бекасов, улыбнувшись, достал мобильник, работающий

в данный момент как микромагнитофон, щёлкнул нужной кнопкой. Из динамика телефона раздался тихий голос:

– Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

– Чистейшей воды угроза, не так ли, господин местный начальник? А я при исполнении. Развивать мысль дальше? Кстати, мысль только тогда мысль, когда её головой думают. Это я насчёт вашего совета. Запись вашего приятного голоса я оставлю себе на память, хотя в любой момент она может оказаться у кого надо. Будете помогать? Или поговорим о всяких, кого вы тут видали?

Лицо мужчины налилось кровью. Он пожевал губами, подбирая выражение, но сдержался.

– Зря ты сюда приехал...

– Меня прислали. С кем имею честь приятно беседовать?

– Полковник Фофанов, начальник Управления ФСБ Норильска.

– Коллега, значит? – удивился Бекасов. – Что же вы такой неласковый? Я же у вас хлеб не отнимаю. Вы делаете своё дело, я своё.

– Я позвоню, чтобы тебя...

Савва сделал официальное лицо.

– Это пожалуйста, звоните. Только потом не удивляйтесь результату. Кстати, мне этот человек, – Савва кивнул на Глыбова, – ещё нужен, поэтому просьба оставить его здесь.

Брови Фофанова полезли на лоб.

– Ты с ума сошёл, майор? Да я... – начальник Норильского ФСБ осёкся.

– Это пока просьба, – сделал ударение на последнем слове Бекасов. – Но я могу добиться и письменного распоряжения Папы. Надо?

Мужчина сцепил челюсти. Было видно, что он еле сдерживается. Папой сотрудники ФСБ звали его директора.

– Нет.

– Отлично. Надеюсь, мы ещё встретимся.

Фофанов движением руки остановил сотрудника, собравшегося увести Глыбова.

– Оставь его... иди к машине. – Он посмотрел на Бекасова. – Майор, один вопрос: что ты хочешь здесь найти?

– Сам не знаю, – честно ответил Савва. – Но это не первое убийство нефтяного магната за последний месяц. Третье, понимаете? А если учесть американцев, ангольцев и других, то шестое. Кому они помешали?

На лицо начальника ФСБ легла задумчивость. Он отошёл, ничего не говоря. Что-то сказал Глыбову. Телохранитель Голубенского растерянно посмотрел на Бекасова.

– Побудьте здесь, – равнодушно сказал Савва. – Я пообщаюсь со следователями, и мы продолжим разговор.

Он оставил шокированного таким поворотом дела Глыбова за спиной, нашёл давешнего знакомого, заместителя генпрокурора, поговорил с ним. Выслушал пространное рассуждения следователя от прокуратуры, затем скупой рассказ

следователя из МВД. Побродил по коттеджу. Посмотрел на тело Голубенского в роскошном гробу, возле которого стояли и сидели мужчины и женщины в чёрных платках. Гроб с телом китайца находился в другой комнате коттеджа, где тихо млели китайцы из диппредставительства. Они собрались в скором времени забрать своего соотечественника.

Бекетов вернулся к бассейну и осмотрел его со всех сторон, отмечая искусный выбор устроителей акта, нашедших единственно правильный путь подвода проводов от трансформаторной будки за двухметровым забором. Киллеры хорошо знали местность и территорию коттеджа и были уверены, что результатов их деятельности никто не заметит. Никто и в самом деле ничего не увидел: ни подозрительных людей, ни проложенных проводов. Мало того, киллеры точно знали, что хозяин дачи будет принимать гостей и что наверняка полезет в бассейн.

Савва покачал головой.

Жертв могло быть гораздо больше. Те, кто планировал убийство, вряд ли стали бы ждать, чтобы Голубенский остался в бассейне один, и включили бы ток, даже если бы туда попрыгали все гости.

И ещё одно соображение пришло на ум Савве: действовали свои. Только окружавшие Голубенского люди могли скрытно подвести к бассейну провода и подготовить «электрический стул» к безошибочному использованию по назначению.

Глава 5. Две стратегии

Разнообразие интересов выбранной Персоны Воли удивили Архангела, не ожидавшего такой креативности от подпрограммы, лишь внешне похожей на сапиенса, но не обладавшей такими возможностями, как соотечественники Архангела.

Персону звали Кешей – Иннокентием Рудницким, был он достаточно молод – ему пошёл тридцать первый год, окончил Московский научно-исследовательский ядерный университет и работал в национальном российском инновационном центре Сколково – руководил лабораторией перспективных радиотехнических систем. При этом он увлекался космологией и астрофизикой, создавая теорию фундаментального моделирования всего сущего, и участвовал в разработке онлайн-игры «Бич времён». Кроме того, Иннокентий читал лекции по теории запредельных ультравысокочастотных генераторов в самом Сколково и занимался расчётами антивирусных программ для лаборатории Касперского.

Заинтересовал Архангела и друг Иннокентия Савва Бекасов, с которым будущий радиоинженер и айтишник учился в школе. Савва занимался воинскими искусствами с детства, развил недюжинные способности в экстрасенсорном восприятии, стал мастером единоборств и недавно начал работать в Управлении «А» Федеральной службы безопасности России,

занимающемся изучением аномальных явлений природы в приложении к поддержанию безопасности страны.

Оба россиянина заслуживали того, чтобы внимательно присмотреться к их устремлениям и целям и в случае необходимости подключить к ним «ангела-хранителя» – программу якобы случайных совпадений при спасении жизни, тем более что Самсунг тоже обратил внимание на этих парней, но решил ограничить их свободу, скорректировав программу ПСП.

Втайне от него Архангел подсоединился к задатчику программ метареальности Земли и с интересом понаблюдал за действиями подопечных.

Кеша-Иннокентий завершал свою работу в области «теории всего» и явно выбивался из уровня, обладая исключительно высоким IQ. Савва Бекасов проявлял себя принципиально справедливой личностью и явно двигался к конфликту с командой ПСП, расследуя дело о гибели нефтяного магната Голубенского. Программу запустил Самсунг, считая себя истинным владыкой Игры в последней инстанции, рассчитывая подтолкнуть человечество к отказу от использования нефти и газа и к выходу на другие технологии энергообеспечения. Но эта программа требовала физической ликвидации людей, что резко противоречило мировоззрению и характеру Архангела, поэтому он, запустив «телохранителя», решил всё-таки обсудить с коллегой возникшую этическую проблему и пригласил его к себе домой.

Встреча состоялась в гостиной Архангела, которую он превратил в берег озера с песчаным пляжем и живописными скалами, а потом, зная эстетические предпочтения гостя, сотворил ночь, море, туманные поля и три спутника планеты, пробившие в тумане призрачные тоннели.

Само Совершенство не оценил попытку хозяина создать приятный гостю интерьер для беседы, у него было плохое настроение. Он и от застолья отказался, сухо заметив, что не голоден и торопится. Кота хозяина, у которого то пропадала четвёртая нога, то появлялась, – утром Архангел наблюдал редкое явление – кот ходил на двух ногах! – Самсунг пнул ногой, отчего зверь с мявом исчез вообще; Архангел знал эту особенность характера коллеги и сделал вид, что ничего не заметил.

Разговаривали стоя.

Архангел был одет в домашний оранжевый пижамет с подушками и золотыми кистями, Само Совершенство – в чёрно-коричневый уник со множеством планок, нашивок, печатей и подвесок.

Гость не присел ни на минуту, хотя Архангел приготовил уютный уголок для отдыха – два удобных кресла с подстройкой геометрии под физические особенности тела гостя и его эмоции и столик с напитками.

– Вы нарушаете условия царскосельских договорённостей, – сказал Самсунг.

– Какие условия? – удивился Архангел.

Речь шла о передаче прав на участие в игре с земной метареальностью, происходящей в царскольсельском Зале Конфедерации сапиенсов, что осуществлялось с незапамятных времён, со времени Ухода Создателя метареальности. С тех пор участвовать в игре могли только заслуживавшие этого поощрения геймеры-сапиенсы.

– В области разграничения полномочий. За игровую зону мы отвечаем вместе, уважаемый коллега, но вы постоянно вмешиваетесь в мои поля ответственности, мешая мне проводить оптимальную внешнюю политику.

Архангел огорчился.

– По-моему, я действую строго в рамках моего права.

– Ваши права касаются моментов образования, культуры и медицины, где вы – царь и бог, как говорят наши подопечные. Но вы начинаете вмешиваться в науку и политику, что чревато непредсказуемыми последствиями.

Архангел огорчился ещё больше.

– Вы так расстроены... чем конкретно? Где я наступил вам на мозоль?

– Что?

– Извините, это идиома, которыми так богата социальная сфера наших подопечных. Где я вам помешал?

– Я начал развивать тренд перезагрузки земной метареальности на новые технологии, а вы задействовали программу контрразведки и мешаете мне осуществлять задуманное.

– Я и не собирался...

– Ваш посланник начинает проявлять волевые качества, успокойте его или отзовите. Я долго терпеть не буду.

– Но я действительно никого не посылал...

Самсунг высокомерно поднял голову.

– Я вас предупредил, коллега. Не мешайте мне! Мы вместе взяли под контроль главные тренды метареальности, и наша задача – не допустить её вырождения и распада.

– Однако ваши методы контроля неэтичны, коллега, – укоризненно заметил Архангел. – Силовые воздействия, как правило, должны обговариваться всеми геймерами.

– Ерунда, мы всего лишь участвуем в большой игре, – фыркнул Самсунг, – имеющей многовариантную программу. Каждый из нас вправе изменять эту программу и вести себя так, как считает нужным.

– Согласен, но при этом мы не должны изменять базовые параметры программы.

– Что вы имеете в виду?

– Вы слишком небрежны к ценностным ориентирам метареальности, к примеру, к праву людей, обитателей игровой зоны, на жизнь.

– Эти обитатели – всего лишь подпрограммы...

– В базовые параметры игры вписано условие максимального содействия развитию свободы личности и творческого потенциала людей.

– Вот я и пытаюсь увеличить этот творческий потенциал, а вы мне ставите палки в колёса.

– Не ставлю, но вынужден буду созвать Трибунал геймеров.

– Созывайте, мне есть что предъявить Трибуналу. Будьте осторожны, коллега, вмешательство в мои дела чревато последствиями. Занимайтесь лучше своими делами, их у вас достаточно, и я вам не мешаю менять условия игры.

– Вы мне угрожаете, коллега? – недоверчиво поднял брови Архангел.

– Ну что вы, коллега, только предупреждаю. Всего хорошего. – Самсунг небрежно поклонился и вышел из гостиной походкой танцора.

Архангел покачал головой, глядя ему вслед, проговорил с задумчивым сожалением:

– Я знаю, что вы не идиот, коллега, который притворяется придурком, но должен признаться, притворяетесь вы талантливо.

Гостиная вернула прежний пейзаж солнечного дня на берегу озера.

Архангел прошёлся по крупному песку, сцепив руки за спиной, вошёл в беседку, посидел, зачарованно глядя на воду и танец шестикрылых эльфов над ней, потом движением бровей превратил беседку в кожистое яйцо – копию иезода контроля. Решение созрело окончательно. Коррекция игровой зоны, предложенная оператором, требовала введения сдерживающего фактора. Оставлять земную метареальность, метко прозванную геймерами «запрещённой», на про-

извол судьбы, а точнее – на произвол оператора, было неправильно. Он мог зайти слишком далеко в своих замыслах «ускорить прогресс» человечества.

До вечерних звёзд Архангел работал с Большим Умным Облаком, как фамильярно называли операторы гигантскую, объединённую сетью мгновенной связи, систему счётных машин мира Архангела, способную поддерживать игровую метареальность, по сути – Подвселенную, где родилась разумная подсистема – человечество. Определил параметры команды ПСП, активированной коллегой, разработал программу её ограничения и запустил как вирус, с мимолётной усмешкой подумав, что в этом есть нечто символическое: вирус в метареальности Земли имел формат женщины. Только женщина имела шанс заинтересовать обоих протее и заставить их сопротивляться давлению программы ПСП.

Поздним вечером Архангел договорился с друзьями посетить живой аттракцион перехода из тела в тело с трансформацией сознания и вызвал транспортный модуль; представление синайской трансцирковой группы должно было состояться в зале эйдомузыкальных представлений Сатори-холла в Зороастр-зале Царцаха. Однако уже в кабине модуля к нему пришло неуютное ощущение постороннего присутствия, чувство дежавю, будто он что-то упустил из виду, и Архангел заставил себя оглядеться.

Коттедж оператора представлял собой замкнутую биосистему и одновременно сложный архитектурный ансамбль,

повторяющий формы цветочных бутонов, и располагался он на Плато Небес, возвышающемся над бесконечной Равниной: вселенная Архангела, рождённая фантазией сапиенсов высшего уровня как игровая зона, представляла собой «сетчато-волокнистый пакет» drobных измерений и замыкалась сама на себя как не имеющий границ объект – Великие Мхи. Разумеется, ни обитатели мира сапиенсы, ни геймеры, ни операторы уровня Архангела и Самсунга не знали, что эта вселенная – лишь один из слоёв Гиперсети, составляющих «матрёшку» Мироздания, игровая метареальность разной сложности, от самой простой, двумерной, до фундаментальной, материнской. А поскольку Создатель Гиперсети не видел своего творения без конкуренции и конфликтов, то и в Царцах шли войны – не за справедливое воздаяние или кусок хлеба, но за власть и право распоряжаться гигантскими ресурсами игры.

Впрочем, причина такого положения дел была недоступна ни Архангелу, ни Самсунгу, ни тем более рядовым сапиенсам. Они воспринимали свою реальность такой, какой она им казалась, существуя «вечно».

– Уточните адрес, – мягко попросил автопилот модуля.

Архангел ещё раз огляделся, возбуждая экстрасенсорику организма до состояния просветления.

Над Плато Небес царили тишина и покой, в отличие от нижней Равнины, накрытой плотным слоем аэротранспорта. Её населяли обычные сапиенсы, обыватели, юзеры, для ко-

торых игра являлась лишь развлечением, а не объектом контроля. Менять её условия они не могли, в отличие от бригады геймеров.

Юзеры делились на пять каст, соперничавших между собой в выращивании геймеров-управленцев. Честных и самоотверженных по природе сапиенсов оформляли в касту Искренних, умных – в касту Эрудированных, бесконфликтных и коммуникабельных – в сообщество Дружелюбных, это была самая массовая этническая группа, смелых и бескомпромиссных записывали в касту Бесстрашных, честолюбивых и пробивных – в касту Предпринимателей.

Касты не являлись закреплёнными пожизненно, родившиеся от носителей одной могли перейти в другую, если хватало сил, возможностей и желания. Но чтобы стать активным геймером, любому сапиенсу надо было сильно постараться. Замечали только успешных трудящихся, достигших определённых результатов, а тем более – дельцов, и за их жизнь постоянно следили Защитники Закона, имеющие свою Службу Защиты. Она же блюла и общественный порядок, и работу законов, принимаемых Сенатом и Правительством, и охраняла обитателей Плато Небес. Над ним то и дело проносились в высоте сине-белые стрелы Защитников, пресекающие попытки молодёжи нижней Равнины похулиганить над Базой Свободной Жизни, как называли сапиенсы Плато.

Вот и сейчас над башнями и замками обитателей Плато медленно летел модуль СЗ, приближаясь к коттеджу Архан-

гела, и это его почему-то беспокоило, так как в памяти вдруг всплыли слова коллеги: «Будьте осторожны... не мешайте мне». Если сам Архангел родился в семье Эрудированных сапиенсов и сравнительно легко дошёл до верхнего уровня касты, выдвинувшего его в геймеры, то Самсунг пробивался из самых низов – фракции Агрессивных Предпринимателей, и о его подъёме по служебным лестницам ходили легенды.

Модуль Службы Защиты, похожий на голову хищной птицы, сделав круг над коттеджем Архангела, начал снижаться.

– Хранитель, – вызвал Архангел своего личного Защитника. – Ситуация «оранжевая опасность»!

– Основание, экселенц? – отреагировал Умник, с которым Архангел всегда был на связи.

– Предвидение.

– Включаю систему.

Вокруг коттеджа бесшумно встала переливчатая прозрачная пелена энергобарьера, куполом накрыла верхний «бу-тон» коттеджа.

Архангел выбрался из модуля, ещё не решив, что будет делать дальше.

К нему подскакали защитные мобы, напоминающие гигантских кузнечиков. Хранитель продолжал разворачивать систему охраны хозяина, активируя разные уровни обеспечения безопасности. На памяти Архангела это случалось всего дважды, во время «нижних майдан-бунтов», когда власть в Царцах пытались захватить последователи теории

«цветных революций», и Правительству приходилось объявлять режим чрезвычайного положения. Кстати, именно «майданутые свобододолюбы» пытались внести своё мировоззрение и в программу игровой метареальности, в результате чего начало двадцать первого века на Земле ознаменовалось десятком войн, а «чёрная дыра этики» человечества – Соединённые Штаты Америки – развернула почти зеркально отражённую смену власти в государствах метареальности Земли – Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Украине – с помощью террора и ультрарадикальных «майданных революций». С этой инициацией беспредела Архангелу и Самсунгу, да и другим геймерам, ещё надо было работать и работать, чтобы не допустить разрушения всей программы.

Модуль СЗ завис над куполом энергополя.

– Запроси гостей, – приказал Архангел. – Что им нужно?

– Запросил, ответа нет.

Модуль внезапно выстрелил: синяя молния разряда во-ткнулась в почти невидимый купол, растекаясь по нему сеточкой гаснущих микромолний.

«Кузнечики» личной охраны оператора подскочили в воздух, эмитируя защитный полевой кокон.

– Вызывай ББР!

– Вызвал, – отозвался компьютер.

Речь шла о бригаде быстрого реагирования Защитного департамента Сената.

Оружием владеть обитатели Плато не имели права, поэто-

му надо было ждать прибытия специальных сил.

Модуль СЗ выстрелил ещё раз.

Молния разряда смяла защитный купол над коттеджем, превращаясь в водопад крохотных радуг, каждая из которых свободно пробивала стены строений, беседки и стволы деревьев.

Надо было активировать бункер, пришла запоздавшая здравая мысль.

Кто знал?! – возразил сам себе Архангел. Кому понадобился этот спектакль?!

Модуль спикировал на площадку, на которой стоял хозяин коттеджа, однако выстрелить не успел.

Из-за крон зелёных насаждений вокруг усадьбы вывернулась тройка таких же сине-белых машин, сверкнули огненные сполохи разрядов, и машина, ведомая неизвестными нападцами, взорвалась, превращаясь в сгусток яркого белого пламени.

За мгновение до взрыва Архангелу показалось, что он слышит некий ехидный смешок. А потом снова вспомнились слова Самсунга: «Будьте осторожны, коллега...» Не означает ли это, что начинается новый передел активов на Плато Небес? Одновременно со сменой игровой парадигмы? На кого-то надо опереться, чтобы выжить. Но на кого? Не на касту же «майданутых». И не на чиновников Думы, заботящихся только о себе.

На кого?..

Глава 6. Сюрприз

До обеда Савва осматривал окрестности посёлка, прикидывал количество киллеров и возможности группы, которая прекрасно подготовила покушение на президента компании «Севернефть», составил план действий на следующий день.

Вернулся в коттедж, поискал Глыбу. Телохранителя нигде не было видно. Уехали и фээсбэшники. Куда подевался Вениамин Глыбов, никто сказать не мог.

– Да он же вроде шатался тут с Петровым, – вспомнил один из охранников коттеджа.

– Кто такой Петров?

– Начальник УВД Норильска.

Бекасов вспомнил подполковника милиции, семенящего за Огурейщиком, и его прицельный прищур глаз. В груди похолодело.

– Где они ходили?

– Сначала вокруг дома, потом зашли вроде в дом.

Бекасов прошёлся по первому этажу коттеджа, заглядывая в комнаты и туалеты, поднялся на второй этаж. В одной из спален послышалась возня. Бекасов деликатно постучал, подождал немного, потянул за ручку. Дверь отворилась.

Спальня была шикарной, как и всё в этом богатом «гнездышке олигарха».

Двухспальная кровать, размером с футбольное поле, под

красивым атласным одеялом. Трюмо в золотой раме. Бельевой шкафчик из вишнёвого дерева с резными углами. Ковёр во весь пол «под траву». Светильники в виде торчащих из стен фаллосов из молочного стекла. Окно чуть ли не во всю стену, с регулируемой затемнённостью, без штор.

Но не это привлекло внимание Саввы.

На кровати лежал Глыба, не раздетый, в ботинках. И, судя по неподвижному взгляду в потолок, он был мёртв.

Бекасов подошёл ближе.

В шее бывшего телохрана Голубенского торчала лопаточка для чистки ногтей, с перламутровой ручкой. Убить человека такой лопаточкой трудно, однако вошла она аккуратно в сонную артерию, что говорило о большом опыте киллера, и Глыбов умер мгновенно.

Дверь сзади с грохотом распахнулась.

– Руки! – заорали в два голоса ворвавшиеся в спальню милиционеры. – За голову! К стене!

Бекасов оглянулся.

Его держали на прицеле автоматов именно милиционеры – сержант и лейтенант, а не спецназовцы. А в коридоре за дверью стоял начальник милиции Норильска, качаясь с носка на пятку, руки в карманах брюк, и смотрел, прищурясь, на майора, словно решал задачу: убить его сейчас или попозже.

Допрос вели трое, в той же спальне: следователь от милиции, какой-то мужчина в штатском и начальник УВД, то и дело говоривший с кем-то по мобильнику.

Бекасов спокойно ответил на все вопросы, вежливо попросил телефон – у него всё отобрали, – чтобы позвонить в Москву.

– Тебе он уже не понадобится, – буркнул мужчина в штатском, посмотрел на подполковника. – Отпечатки пальцев сняли?

– Умный, гад, – криво улыбнулся следователь, – успел стереть все отпечатки.

– Тогда вы ничего не докажете.

– Докажем, – с нажимом сказал начальник УВД.

Мужчина посмотрел на часы, направился к двери.

– Отпечатки должны быть. Разработайте мотивацию.

Дверь закрылась.

– Послушайте, – проникновенно сказал Бекасов, понимая, что его позиция слабеет. – Зачем вам это нужно? Я ведь выполняю задание вышестоящего начальства и до сегодняшнего дня не знал ни Голубенского, ни его телохранителя. Приедет следственная комиссия из центра и во всём разберётся.

– Что тебе рассказал Глыбов? – пропустил мимо ушей его тираду подполковник.

– Ничего существенного.

– Зачем ты его искал?

– Поговорить. Интересно всё же, почему так просто можно убить хорошо охраняемого человека. А Глыбов был ближе всех к покойнику. Может быть, он всё и устроил?

Следователь и начальник УВД переглянулись.

– Зачем ты убил Глыбова? – заученно повторил следователь.

Савва вздохнул.

– Не надоело задавать идиотские вопросы? Вы же знаете, что я не убивал его. Кстати, пошёл он погулять вместе с вами. – Савва глянул на подполковника. – Есть свидетели. Значит, его смерть была вам полезна? Почему? Что он знал такое, что никто больше знать не должен? Или я прав, и его убрали как исполнителя?

Начальник УВД пошёл к двери.

– Запиши в протокол, что он косвенно признался в содеянном.

– Дерьмо! – сказал ему в спину Бекасов. – Я же всё равно докопаюсь до истины.

Подполковник оглянулся, пожевал губами, поманил из коридора вооружённых милиционеров.

– В машину его, повезём в Управление.

– Э-э, что тут у вас происходит? – В коридоре возник начальник Норильского отдела ФСБ. Его сопровождал тот же мужчина, что и раньше.

– Да вот, Арсений Саркисович, этот московский гусь убил Глыбова.

Все расступились.

Фофанов хмуро оглядел тело на кровати, повернулся к Бекасову.

– Ты что, майор, совсем офонарел? Зачем тебе это понадобилось?

– А вы и в самом деле идиот или прикидываетесь? – крутанул желваки на щеках Савва. – Глыбова и убили потому, что кто-то сильно не хочет, чтобы мы разобрались в происшествии. Требую освободить меня! Немедленно! Я приехал не убивать свидетелей, а выяснить причину убийства Голубенского. Задержание при отсутствии доказательств буду считать намеренным срывом выполнения данного мне приказа. Со всеми вытекающими.

Фофанов наклонил голову к плечу, подумал, переводя взгляд с Бекасова на труп и обратно, обронил следователю:

– Освободите его.

– Но он задержан в...

– Освободите! Он поедет со мной.

– Арсений Саркисович... – начал нервно подполковник.

– С вами я ещё разберусь, Семён Петрович. Не понимаю, какая муха вас укусила. Вам будет трудно доказать вину майора. А на разработку мотивации требуется время.

Начальник УВД нехотя кивнул милиционеру:

– Сними.

Лейтенант с автоматом под мышкой снял с Бекасова наручники.

– Ничего, это не надолго.

– Верейский!

– Прошу прощения, товарищ подполковник.

– Верните документы, – сказал Савва, растирая запястья рук, – и мобильник.

– Он записал на мобилу... – заикнулся следователь.

– Верните.

Бекасову вернули отобранные вещи.

Он оглядел лица всех присутствующих, качнул головой.

– Хреновый спектакль, господа защитники Отечества. Интересно, на кого он рассчитан? Я ведь обо всём доложу начальству.

– Доживи сначала до... – начал следователь.

– Заткнитесь! – сверкнул глазами начальник ФСБ. – Много говорите, мало делаете. Не надо было убивать Глыбу... так примитивно.

– Мы напишем, что он умер от электрошока.

– Пишите. – Фофанов махнул рукой. – Идёмте со мной, майор.

– Куда?

– В машину.

– Я должен выполнить задание... А вы должны содействовать мне в этом.

– Поговорим по дороге.

Сбитый с толку уверенностью главного эфэсбиста Норильска, Савва последовал за ним.

Суматоха в коттедже постепенно сошла на нет. То ли его обитатели и гости не знали о новом убийстве, то ли им было не до того.

Заместитель генпрокурора отбыл в неизвестном направлении. Он сделал своё дело, и теперь следствие развивалось по утверждённому сценарию. Этот сценарий Бекасову и изложил Фофанов в своём джипе.

– Чушь собачья! – фыркнул Савва, не зная, что делать дальше: сопротивляться, действовать вопреки советам или передать инициативу Старшину. – Вы же знаете, что Голубенского убрал Глыбов. А его убили, чтобы держал язык за зубами.

– Это недоказуемо.

– Значит, вы тоже участвовали в разработке плана устранения Голубенского. Я не прав?

– Я всего лишь прикрываю операцию, – с мрачной полуулыбкой проговорил начальник ФСБ Норильска. – Работали другие люди.

– И вы так спокойно об этом говорите?! – поразился Савва. – Мне, представителю конторы из центра? За мной стоит сам Папа!

Это была неправда, директор ФСБ не курировал расследование лично и не следил за работой отдела «спирит». Но Фофанов не должен был знать о таких вещах.

– Ну и что? – сказал он. – За тобой всего лишь контора, за мной – Земля.

– Какая земля? – не понял Бекетов.

– Планета такая. Единственная населённая планета во всей метареальности.

– Шутите?

– Какие уж тут шутки. Я сам об этом не знал... до убийства господина Голубенского.

Открылась дверца джипа, в салон заглянул мужчина, который допрашивал Бекасова вместе с начальником УВД и следователем.

– Помощь нужна?

– Беседую пока, – сказал Фофанов. – Может, попозже.

Мужчина остро глянул на Бекасова, закрыл дверцу.

– Начальник? – кивнул на дверцу Савва.

– Координатор, – ответил главный чекист Норильска. – Не пытайся угадывать, всё равно не поверишь, несмотря на весь свой опыт. Ты показался мне умным человеком, поэтому я и трачу на тебя время.

– А если бы я был идиотом?

– Идиоты в вашем отделе не работают. Хотя недалёких людей хватает. Но к делу. Тебя ведь послали не только в Норильск? – Фофанов сыграл бровью. – Наверно, ещё и на Ямал полетишь?

Бекасов внутренне поёжился.

Местное отделение ФСБ не должно было знать о его планах.

– Допустим.

– Полковник Старшинин тоже умный человек, хотя и он не догадывается о масштабе коррекции. Выводу он не поверит.

– Какой коррекции? – тупо спросил Савва.

Фофанов усмехнулся.

– Я реагировал точно так же. У меня всего несколько минут. Поэтому слушай и не перебивай. Поверишь – будем сотрудничать, не поверишь...

– Вы меня «замочите», как Глыбу.

Фофанов поморщился.

– Кретин Петров перестарался. Вот он как раз занимает должность не по праву, поэтому криминальная обстановка в городе плохая. Ничего, с ним мы разберёмся.

– Кто это – мы?

– Не спеши, обо всём по порядку. Ты, наверно, знаешь, что нефть в мире начинают качать всё больше и больше, несмотря на уже найденные нетрадиционные источники энергии. Для нефтебаронов это единственная возможность жить при коммунизме.

– Из-за этого вы их и убиваете?

– Не из-за этого. Мы пытаемся ограничить нефтебодычу и сориентировать людей на переход к иным видам энергии. Но они не внемлют. Так дальше продолжаться не может. Прогресс тормозится искусственно, с «нефтяной иглы» надо слезать, и мы этому способствуем.

– Кто мы?

– Служба коррекции планетарного масштаба, – серьёзно сказал Фофанов. – В России этим будем заниматься мы, получившие задание от оператора метареальности другого

уровня, в других странах – другие люди. Опыта у нас мало, это правда, поэтому мы иногда ошибаемся. Но у нас нет выбора, как нет его у человечества. Понимаешь?

– Не понимаю, – пробормотал Савва. – Чтобы предупредить людей, можно найти другие методы воздействия.

– Мы пробовали, ничего не помогает. Ни нефтяные короли, ни правительства, сидящие на «нефтяной игле», не хотят менять подходы к Земле как к обыкновенному поставщику природных богатств. А это неправильно. Остановить их может только катастрофа. Поэтому нам приходится корректировать действия подпрограмм Земли...

– Кого?

– Людей, разумеется. Пора выходить в космос на других технологиях, иначе вы так и останетесь привязанными к поверхности планет.

– Значит, вы в таком случае пришельцы?

Фофанов криво усмехнулся.

– В какой-то мере пришельцы, хотя и не с других звёзд. Но об этом мы ещё поговорим... Если договоримся.

– Но вы убиваете людей...

– Это вынужденная мера. Люди вроде Голубенского – практически отморозки, им недоступна логика такого уровня. Конечно, мы пытаемся с ними беседовать, но...

– Понятно. На Ямале вы тоже поработали?

– На Ямале поработали другие носители ПСП.

– Чего?

– Ты задаёшь слишком много вопросов, майор. Давай прежде обсудим проблему. Будешь работать с нами? Нам такие люди нужны. Зомбирование идиотов, как правило, не даёт хорошего результата. Пример – Петров.

Бекасов поднял голову.

– Вы... зомбируете... помощников?

– Редко, но приходится. Соответствующие средства уже разработаны.

– Вы и меня запрограммируете?

– Не хотелось бы. Зомбированные люди рано впадают в маразм.

– Спасибо.

– Не за что.

– Зама генпрокурора вы тоже запрограммировали?

– Зачем? Он нам не нужен. Итак, ты с нами?

– Нет. – Савва шибко потёр темя. – Не знаю... надо подумать. Хотелось бы знать, кого вы представляете, кто за вами стоит, какова общая стратегия... э-э, коррекции... кстати, почему вы называете Землю метареальностью? Что это означает? Ну и так далее...

– Согласишься работать с нами – узнаешь всё. Подумай, я пока покурю. – Начальник ФСБ Норильска похлопал его по плечу, вылез из джипа.

А Савва вдруг представил, что по всей стране сейчас бродят носители программы ПСП, готовые убить любого человека, который не согласится с ними работать, и поёжился.

Работать с неведомыми «ускорителями прогресса», рискуя каждый раз честью и жизнью, убивать ни в чём не повинных людей не хотелось. Даже во имя величайшего прогресса и выхода в космос! И всё же, и всё же... мысль ушла, но тут же вернулась.

И всё же нельзя так! Нельзя убивать людей за то, что они ничего не понимают и заботятся только о себе. Насильственная «коррекция» уже давно применяется на Земле – теми же американцами, и ведёт она только к разрушению и хаосу. Как говорится: пусть бог не вмешивается! Люди сами должны справиться со своей внутренней чёрнотой и недальновидностью. Пастухи им не нужны.

Савва посмотрел на свои кулаки.

Если он решит действовать по своим внутренним оценкам, по совести, чем закончится его встреча с «корректорами»? Его запрограммируют? Или сил хватит, чтобы отбиться?

Допустим, он справится с нападением. Что дальше? Поверит ли Старшинин в его доводы? Или всё закончится тем же – зомбированием, но уже с «летальным исходом»?

Голубенский – отморозок. Чёрт с ним! Но таких, как он, много. Всех «мочить»? Или попытаться найти тему для понимания? Не все же идиоты?

Господи, как поступить? По закону или по совести?

В стекло дверцы деликатно постучали.

Савва помедлил, набирая в грудь воздуха, открыл дверцу

джипа, вылез.

На него смотрели пять пар глаз.

Напротив стояли Фофанов с сигаретой в руке и мужчина-следователь, который допрашивал Бекасова в гостиной Голубенского и заглядывал в машину. Кроме того, слева и справа от джипа расположились трое крупногабаритных парней в строгих костюмах, с галстуками, олицетворяя собой охрану полковника. Руки они держали сложенными на животах, готовые взяться за оружие.

У Саввы засосало под ложечкой. Противник был серьёзный, и знание приёмов боя не гарантировало успеха, тем более что Фофанов оговорился насчёт применения гипнотической техники: «средств хватает». Начнут драться? Или сразу включают «глушак», отключающий мозги? С другой стороны – не становиться же и в самом деле на их сторону? Как потом глядеть в глаза Старшину? Жене, друзьям? Вообще честным людям? Лучше умереть?

– Решили? – остро посмотрел на него следователь. У него было узкое бледное лицо с чёрными глазами, в которых дымились презрение и угроза.

– Нет, – коротко ответил Савва.

Мужчины переглянулись.

– Нет – это в смысле не решили?

– Нет – это значит нет.

Фофанов затаился, выбросил окурок.

– Я почти не сомневался в ответе, майор. Вы смелый че-

ловек, но недалёкий, я ошибся с оценкой. Хотите, предскажу, чем закончится наша встреча?

– Он записывает, – предупредил следователь. – Не надо было отдавать мобилу.

– Пусть записывает, его мобила останется у нас. Так вот, майор, вариант номер один. Мы сварганим ситуацию, при которой вы убиваете Глыбова, а мои люди убивают вас – при попытке сопротивления, и я докладываю Папе об этом при-
скорбном инциденте. Вариант номер два: мы вас зомбируем, и вы какое-то время, может, год, может, чуть больше, работаете в нашей команде. После чего попадаете в автокатастрофу. Выбирайте, что для вас предпочтительней.

Савва покачал головой, исподволь готовясь к активации психики для внезапной атаки; при этом у него появлялся шанс остаться в живых, хоть и небольшой.

– А вы уверены, полковник, что я здесь один?

Фофанов прищурился, разглядывая обманчиво простодушное лицо Саввы, в то время как его спутник осматривал коттедж Голубенского, бродивших по его территории оперативников МВД и въезд на территорию с закрытыми воротами.

– Гонит пургу, – пробормотал он.

– Проверьте, – пожал плечами Савва.

Фофанов сделал знак каменными парням.

Один из них сунул руку под борт пиджака, сделал шаг вперёд.

Савва призраком сорвался с места, понимая, что больше шансов отбиться у него не будет. Туго свистнул ветер в ушах. Время почти остановило свой бег: движения всех мужчин возле джипа стали неспешными, тягучими, как при замедленной съёмке.

Удар костяшками согнутых пальцев в сонную артерию, рука нырнула под пиджак парня, под его ладонь, ухватила рубчатую рукоять пистолета в плечевом захвате, выдернула. Ствол (обыкновенный «волк» российского производства, слава богу, не психотронный генератор) глянул на почти не двинувшегося с места полковника.

– Стоять! Всем!

Телохранитель Фофанова в этот момент схватился за горло, осел на плиты площадки.

Парни поодаль, сам полковник и следователь, в полной тишине проводили его глазами. Следователь перевёл взгляд на Савву, медленно понёс руку к пиджаку.

Савва качнул головой.

– Не стоит рисковать, любезный, у меня есть все основания пустить вам пулю в лоб. Поднимите руки. – Савва посмотрел на Фофанова. – Отошлите своих бодигардов, полковник, поговорим без свидетелей.

– Вы напрасно теряете время, – показал крупные желтоватые зубы начальник ФСБ Норильска; в глазах его не было страха, только незыблемая уверенность в своём превосходстве. – Других вариантов не будет. Либо вы с нами, либо

труп. Уйти не удастся, за воротами мои люди, а вы один.

Словно в ответ на слова Фофанова за воротами послышался звук мотора подъехавшего автомобиля и резкий сигнал клаксона.

Мужчины застыли, переглядываясь.

– Кого там ещё... – начал следователь, не спеша выполнять приказание Саввы; в его глазах тоже не было страха.

Один из гулявших у ворот полицейских в штатском подошёл к калитке, открыл и отступил в сторону, оглянувшись на компанию у джипа; атаку Саввы он, похоже, не заметил.

– Товарищ полковник...

Его отодвинули в сторону двое вошедших с улицы парней в тёмно-серых костюмах. За ними на плиточную дорожку ступила молодая женщина в брючном костюме салатного цвета, и у Саввы перехватило дыхание: это была его жена Лилия! Правда, с другой причёской и не блондинка, а брюнетка.

– Что здесь происходит? – осведомилась она с любезной полуулыбкой, упруго, размашистым шагом, подходя ближе.

Высокие каблуки и обтягивающие бёдра брюки подчёркивали достоинства фигуры женщины. В руке она держала айфон, мельком заглянув на его экранчик, через плечо был перекинут ремешок чёрной сумочки. Короткая причёска, яркие зеленоватые глаза, яркие губы...

Савва выдохнул. Это была не Лилия, но очень похожая на неё женщина. До замирания сердца!

– Кто вы? – нахмурил брови Фофанов.

Незнакомка бросила взгляд на ворочавшегося на земле охранника, достала из сумочки удостоверение с малиновой корочкой и золотым тиснением, небрежно раскрыла перед полковником.

– Помощник секретаря Совета безопасности Виктория Шахова. Вы полковник Фофанов Арсений Саркисович, а вы, – она посмотрела на следователя, – заместитель председателя Законодательного собрания Северного федерального округа Тогоев Убыр Сулейманович. Что здесь происходит, господа?

Савва сунул пистолет Фофанову.

– Благодарю за содействие, полковник. Было очень приятно с вами познакомиться. – Он глянул на помощника секретаря Совбеза. – Я майор Савва Бекасов, Управление «А» ФСБ, отдел «спирит».

– Я знаю, – кивнула Шахова невозмутимо.

– Мы тут... э-э... немного поспорили. Разрешите, я вам всё объясню лично?

– Вы в курсе происшедших здесь событий?

– Да.

– Садитесь в мою машину.

– Э-э... позвольте, – очнулся следователь, которого помощница секретаря Совбеза назвала Тогоевым. – Какое вы имеете право вмешиваться в...

– Имею, – с улыбкой перебила его Шахова. – Дело Голу-

бенского заинтересовало моё непосредственное начальство, оно теперь, то есть дело, на контроле президента. Соответствующее решение принято. Майор Бекасов как раз исполняет это решение. Ещё вопросы?

– Мы полагаем, что он... – откашлявшись, начал Фофанов.

Шахова перевела взгляд на полковника, потом на встающего с плит тротуара парня, которого уронил Савва.

– Я разберусь. К вам у меня тоже есть вопросы, встретимся в вашей резиденции на Пятидесятилетии Октября, если не ошибаюсь. А теперь прошу проинформировать меня по деталям инцидента. Покажите, где и как это случилось.

Тогоев кинул многозначительный взгляд на Фофанова.

– Хорошо, идёте, – сказал начальник ФСБ Норильска, глянул на своих подчинённых. – Двое со мной.

– Мне не нужны ваши провожатые, – пренебрежительно сказала посланница секретаря Совбеза, подчеркнув интонацией слово «ваши». – Лёша, осмотритесь, остальные со мной.

Плечистый блондин с подбритыми висками поднёс к губам руку с часами, что-то тихо проговорил.

Савва хотел предложить женщине (ну, копия жены, ей-богу!) свои услуги, но она его опередила:

– Майор, в машину.

– Слушаюсь, – кивнул он, помедлив. Проводил взглядом зашагавших к коттеджу Фофанова, Шахову и её двух сопро-

вождающих, встретил тёмный взгляд Тогоева, развёл руками:

– Все мы под богом ходим. Кстати, а разрешение на оружие у вас имеется, господин депутат? Вы так и норовите сунуть руку под пиджак. Или там вовсе не пистолет?

Губы Тогоева побелели. Но отвечать он не стал, смерил Савву нехорошим взглядом, круто развернулся и поспешил за компанией, скрывшейся в коттедже.

– Идёмте, товарищ майор, – вежливо пригласил Бекасова парень по имени Лёша.

– Лучше присмотри за этим, – кивнул на Тогоева Савва. – Не нравится он мне, да и вооружён не по чину. Я сам дойду до машины.

Лёша озабоченно оглянулся.

Глава 7. С небес на грешную землю

Расследование инцидента с нападением на усадьбу Архангела ничего не дало. Вывод, сделанный бригадой Следственного комитета Службы Защиты Царцаха, был лаконичен: агрессивно настроенные молодые обитатели Равнины из касты сервов-изгоев захватили модуль охраны правопорядка и, находясь под влиянием спайс-тумаников, решили похулиганить. После чего были уничтожены.

Архангелу вывод не понравился. Он был уверен, что ни о каком хулиганстве речь не шла, за ним устроили охоту, и причастен к нападению, как бы ни хотелось в это не верить, был коллега по иезоду контроля Само Совершенство.

На другой день после окончания расследования Архангел решил встретиться со своим приятелем-геймером по имени Делл, отвечающим за коррекцию природных ресурсов метареальности Земли. Обязанности геймеров были достаточно чётко распределены по физическим, природным, силовым и социальным полям контроля, и если Архангел оперировал сразу несколькими зонами влияния, то геймеры рангом ниже принимали участие в игре только в пределах доступных им уровней. Игровая метареальность была так сложна и многодиапазонна, что в развёртке новых узлов влияния и контроля над ними требовалось участие не одного-двух геймеров, а по крайней мере тысячи, отвечающих за разные аспекты

человеческого бытия.

Делл – при рождении его называли Кримлом (Кричащим Младенцем), но после совершеннолетия он взял имя Деловой Любитель (Архангел тоже не родился Амазоном, в инкубаторе ему дали имя Тисап (Тихий Сапиенс), и лишь достигнув возраста выбора профессии, он стал Амазоном – Арбитром-Мажором Зоны; Архангелом его звали друзья и приятели. Высокий, смуглолицый, предпочитавший носить свободного кроя хитоны, расшитые оранжем и перламутровыми перьями, Делл усадил гостя в уголке рума отдыха и окружил его гигантским лесом с деревьями невероятных размеров и форм. Архангел навещал приятеля не раз, поэтому тот знал эстетические пристрастия сенатора, создавая приятные для него ландшафты. То же самое касалось и чувственных удовольствий: стол выдал традиционный для гостя набор напитков, от изумрудного цвета шипучки тарх-ун до голубого слэш-травника; сам хозяин предпочитал тягучий янтарный мескалитэ.

Сделали по глотку, смакуя вкус напитков.

– Проблемы? – поинтересовался Делл.

– Увы, – признался Архангел со вздохом.

– Конфликт интересов?

– Вроде того.

– Само Совершенство не любит соперников.

– Я ему не мешаю.

Геймер усмехнулся, покачал пальцем.

– Мешаешь, друг мой, и ты это знаешь. Хочешь добавить новый конфликтный узел?

– Хочу избежать многочисленных жертв.

– Но ведь это игра, её обитатели – всего лишь подпрограммы...

– Обитатели метареальности – люди, имеющие те же характеристики, что и мы с тобой. Они ограничены матрицей, это правда, но они живые субъекты! К тому же они имеют большой творческий потенциал, поскольку создали своё игровое пространство – Интернет и играют с не меньшим азартом, чем мы. Нельзя относиться к ним как... – Архангел поискал формулировку, – к предметам обихода. Я не стремлюсь к активации конфликтного узла, но прошу всех играть по общим правилам. Я же не предлагаю подвесить над Землёй ещё один спутник? Или уничтожить какую-нибудь из планет, как это случилось во время предыдущей смены.

Архангел имел в виду развитие программы земной метареальности, претерпевшее не один апгрейд. В самом начале включения Земля не была круглой и вообще планетой в общепринятом смысле. Она была плоской и покоилась на спине гигантской черепахи, которая в свою очередь опиралась на трёх слонов. В процессе развития игрового поля родина человечества пережила несколько трансформаций, пока не стала одной из планет Солнечной системы, сначала одинокой, потом получила спутник – Луну. Да и сама Солнечная система изменялась не раз, то обрастая планетами, то теряя

их, как Фаэтон и Немезиду, и галактики меняли очертания и количество звёзд, и структура пространства – вакуум.

– Всё равно ты рискуешь, – сказал Делл.

Архангел поморщился.

– Кто не рискует, тот не пьёт тарх-ун.

Делл весело рассмеялся.

– Я тоже люблю рисковать, но не настолько красив, чтобы мне это прощали. Хочешь совет?

– За этим и пришёл.

– Возьми отпуск, отдохни на Голубых Лагунах или на других долинных курортах, на Мимасе, к примеру, или на Флоре. – Делл небрежно повёл рукой на гигантские стволы деревьев. – Это оттуда. Я был там, прекрасные места, почти не обжитые.

– Тогда кто-то другой полностью переделает матрицу.

– Тебя это беспокоит? Почему?

Архангел допил шипучку. Голова прояснилась.

– Может быть, я напрасно паникую... однако лучше перебдеть, чем недобдеть, как выражаются мои подопечные. Я предпринял кое-какие шаги...

– Зонд? – понимающе прищурился Делл.

Архангел кивнул. Речь шла о программе эмиссара, внедрённой в пси-сферу кого-то из людей.

– Посмотрим, что получится. В принципе, я и сам готов сыграть роль зонда, если конфликт выйдет за пределы правил.

– В таком случае ты нарушишь законодательную этическую базу Искона. Мы можем изменять ситуации на Земле и вообще в метавселенной, но только используя местные носители подпрограмм.

– Боюсь, этот запрет не остановит моего коллегу. А противопоставить его замыслу я могу только волю.

– Он не один, за его спиной стоит кто-то повыше и сильнее.

– Вот я и выясню – кто. – Архангел налил себе ещё тоника, протянул бокал приятелю, и они чокнулись.

Глава 8. Продолжение банкета

Звонок мобильного айкома разбудил его в семь утра.

Тянуться к тумбочке было лень, и Савва пробормотал сполусонья:

– Ответь!

Его новомодный гаджет связи, оформленный под браслет с часами, выполнявший и множество других функций – от показа времени до выхода в Сеть через вай-фай, послушно выдул из кругляша часов призрачный пузырь объёмного экрана с изображением абонента. Звонил Кеша Рудницкий, приятель, с которым Савва познакомился четыре года назад на презентации инновационных технологий в сфере связи, где Иннокентий демонстрировал новый отечественный айком, а Савва был делегирован на выставку гаджетов от своего ведомства. С тех пор они встречались довольно часто и дружили, несмотря на то что Кеша был на три года моложе Бекасова.

– Пора вставать, – заявил он жизнерадостно; вихрастый, в квадратных, на пол-лица, очках, он был похож на абитуриента математического вуза, хотя на самом деле пять лет назад окончил МИФИ, а точнее – НИЯУ, как теперь назывался институт, – научно-исследовательский ядерный университет, – и в настоящее время работал в Сколково – руководил лабораторией перспективных радиофизических исследований.

Кроме того, Кеша в качестве хобби создавал теорию «фундаментального моделирования всего сущего», будучи уверенным в том, что при достаточной вычислительной мощности современных компьютеров можно смоделировать не только любой физический процесс, но и Вселенную. При этом он утверждал, что человечество живёт именно в такой Метавселенной – «смоделированной» в каком-то «божеском» суперкомпьютере, и собирался в скором времени не только доказать правильность своих выводов, но и связаться с создателями «модели». Для этого он с помощью учёных московского курчатовского ядерного центра запустил на сколковском суперкомпьютере программу, которая воспроизводила поведение двадцати миллионов галактик, заключённых в куб со стороной в два миллиарда световых лет, от Большого взрыва по сегодняшний день. Проект назвали Миллениум Эо, он был одобрен экспертным советом инновационного центра и, по утверждению Кеша, способствовал воссозданию картины «младенческого» возраста Мироздания.

Вдобавок ко всему научные интересы Кеша не заканчивались моделированием Мироздания, он конструировал какое-то устройство мгновенной связи – УМС, ласкательно – умсорик, и занимался теорией радужной гравитации, «вписывая» в неё теорию струн, теорию квантовой гравитации и общую теорию относительности, собираясь доказать существование некоего единого Замысла, который мог объеди-

нить все существующие физические теории в одну структуру.

– Сегодня воскресенье, – простонал Савва, которому пришлось лечь в третьем часу ночи после возвращения с Ямала.

– Я тебя ненадолго отвлеку, – не обратил внимания на тон приятеля Кеша. – Помнишь, я дал тебе перстень?

– Ну?

– Он с тобой?

Савва повернул голову, заметив, что жена начала ворочаться, с трудом вспомнил, о чём идёт речь.

Иннокентий давно собирался создать умсорик, опираясь на теорию упругой квантованной среды, и даже пытался доказать начальству перспективность разработки, но тему в план лаборатории не поставили, слишком много у неё оказалось недоброжелателей и скептиков, и Кеша занялся умсориком самостоятельно. Перстень, о котором он напомнил другу, являлся «индикатором вакуумных осцилляций», попросту – маячком, отзывающимся на запуск УМСа световой вспышкой. Кеша дал его Савве месяц назад и вот решил проверить, не забыл ли майор о подарке.

– Я его не ношу на пальце... в столе лежит.

– Вытащи.

– Зачем?

– Я буду запускать умсорик. Заметишь вспышку – засеки точное время.

– А позже нельзя это сделать?

– Ты что, старик, это же эпохальное событие! Я шёл к нему десять лет! Оно ж на Нобелевку тянет!

– Выпей рассольчику, успокойся.

– Я не алкаш, – не обиделся Кеша. – Короче, вытаскивай маячок и жди. Я живу в Мытищах, ты в Видном, между нами около тридцати пяти километров, посмотрим, как быстро долетит сигнал.

Савва окончательно проснулся.

– Тут же другая аппаратура нужна. Даже если сигнал будет лететь со скоростью света, он домчится ко мне... – Савва прикинул цифры, – за одну десятитысячную долю секунды.

– Какая скорость света, о чём ты говоришь? – возмутился Кеша. – Нелинейная квантовая «расшнуровка» поляризует весь вакуум мгновенно! Даже если ты будешь жить на Марсе!

– Не буду.

– ...И вообще неважно, где ты будешь, – закончил Иннокентий, пропустив мимо ушей замечание Саввы. – Хоть на другом конце света. Так что давай, не ленись, вставай и готовься. Я включусь минут через пять.

Пришлось подниматься, искать перстень и настраивать в айкоме хронометр, точно показывающий текущее время.

– Кто звонил? – сонно спросила Лилия.

– Кеша, – ответил Савва, помяв лицо руками.

Квадратик чёрного стекла на массивном циркониевом перстне вспыхнул оранжевым светом в семь часов тринадцать минут двадцать шесть секунд. И тотчас же зазвонил

мобильный:

– Ну, что, загорелось?!

Савва засмеялся.

– У кого-то в заднице загорелось.

– Я серьёзно! Получил сигнал? Индикатор сработал?

– Была вспышка ровно в семь часов тринадцать минут.

Изображение головы Кеши в трёхмерном яйце мобильно-го телефона издало тихий вопль:

– Ура! Я гений! На моих командирских те же цифры! А эти лузеры не хотели брать мою идею в разработку! Дуралеи! Пусть теперь кусают локти! Время одиночек прошло, – передразнил он кого-то, – всё решают творческие коллективы, одна голова – это плохо... Одна голова – моя – залог успеха!

– Вообще-то голова с туловищем лучше, – осторожно возразил Савва.

Кеша снова не обратил внимания на его реплику, потряс над головой кулаком.

– Мир скоро узнает обо мне! Люська обрыдается, когда узнает, только я не прощу!

Люськой звали подругу Кеши, которая ушла от него в начале августа, не выдержав его образа жизни: если в работе Рудницкий являл собой абсолютный порядок и точность, то в личной жизни это был человек хаоса, никогда не знавший утром, где его носки, а то и трусы.

– Приезжай ко мне, я тебе кое-что покажу, – закончил изобретатель умсорики. – Заодно отпразднуем победу, шам-

панского выпьем. Мне Женька Шилов позвонил из Штатов, он там живёт, я и ему дал приёмник, впихнул чип умсорика в ручку-фонарик, пишет по имейлу – сработал маячок.

Савва собирался отоспаться до обеда, потом съездить к маме в Подмосковьё, но горячности Кеши уступил.

– Хорошо, гений-одиночка, буду часа через два.

– Чего он от тебя хочет? – тем же сонным голосом спросила жена.

– Хочет похвастаться умсориком, он его доделал.

– Чем? – проснулась Лилия окончательно.

– Кеша создал устройство мгновенной связи, назвал его УМСом, или умсориком. Он фанат своих разработок, а похвастаться некому. Придётся ехать.

– Кофе сварить?

– Спи, я сам.

Савва посмотрел на умиротворённое лицо жены, вспомнил последнюю встречу с Викторией Шаховой, помощницей секретаря Совбеза, безумно похожей на жену почти во всех деталях, кроме цвета волос.

Встреча состоялась в гостинице Норильска «Белый медведь», построенной недавно по отечественной технологии из вспененного базальта. До этого Савва дважды беседовал с Шаховой, и оба раза – в её машине, синем «Хундае», принадлежащем местному отделению МЧС. Обсуждали причину убийства Голубенского, организацию убийства и тех, кто за ним стоит.

Савва признался, что ему сделали предложение присоединиться к команде, «радеющей за светлое будущее человечества», которую возглавляли норильские силовики, и Шахова ответила, что проблема шире, чем кажется на первый взгляд. За Фофановым стоит более мощная структура, чем ФСБ, начавшая охотиться за нефтяниками, отчего цена на нефть резко пошла вверх. На вопрос Саввы: кому это выгодно? – помощница секретаря Совбеза ответила с понимающей улыбкой:

– В первую очередь – России, у нас теперь намечается профицит бюджета. Во вторую очередь – Китаю, в третью, как ни странно, Соединённым Штатам, у которых образовался большой запас нефти в подземных нефтехранилищах. Но вообще-то проблема не упирается в экономику и финансы. Кто-то действительно хочет изменить реальность, направить человечество в космос и развить иные технологии.

– Цель благородная, – скептически скривил губы Савва, – если бы не методы её достижения. Если руководит всем не секретная государственная служба и не американское ЦРУ, то кто?

– Выясним, – коротко ответила Шахова.

Каждый раз, когда она обозначала улыбку, сердце Саввы давало сбой, до того женщина походила на жену, и он даже спросил, не имеет ли она родственницу по фамилии Калашникова; такую фамилию носила до замужества Лилия. Шахова ответила, что не имеет, и разговор на этом закончился,

хотя у Саввы осталось странное ощущение, что она чего-то недоговаривает.

Спросил он «копию жены» и о том, почему она заявила Фофанову о поручении президента, якобы данном Савве, на что Шахова с той же улыбкой, от которой его продирал мороз по спине, ответила:

– Нужен был весомый довод, чтобы спасти вас от расправы, вот я его и нашла. Кстати, на эту тему мне хотелось бы с вами поговорить.

После этой встречи Фофанов и Тогоев исчезли с горизонта, прекратив вылазки на дачу Голубенского и преследование Саввы. Как оказалось впоследствии, начальник УФСБ Норильска внезапно слёг в больницу с синдромом раздвоения личности, а Тогоев улетел за границу, и след его потерялся.

В ресторане гостиницы Шахова конкретных бесед не начинала, пригласила майора к себе в номер и уже после этого завела серьёзный разговор. Первый вопрос Савву озадачил.

– Вы удовлетворены своим положением в конторе? – спросила женщина.

Савва удивился, но виду не подал.

– Этот разговор прошу начальству не передавать, – добавила она, показав красивые белые зубы.

– Я понял, – ответно улыбнулся он, с трудом отведя взгляд от полных, красивого рисунка, губ хозяйки номера. – В принципе, работа интересная...

– Да или нет?

– Да... – Он подумал, хмыкнул: – Приходится изучать естественные науки, массу материала, чтобы разбираться в поступающей информации. Я уже второй год работаю в «спирите», начинал с исследования НЛО и подводных аномальных явлений, теперь изучаю эзотерику, паранормальные процессы и пси-феномены. Почему это вас интересует? Я имею в виду – моё положение в конторе?

– Я вам говорила: проблема с ликвидацией нефтяников глубже, чем видится из начальственных кабинетов. Фофанов не успел сообщить, кто за ним стоит?

– Нет.

– Жаль, это надо знать непременно. Не хотите перейти в мою контору?

– Что? – растерялся Савва. – В вашу?!

– Совбез имеет собственную обслуживающую структуру и собственную охрану. Я аналитик, возглавляю отдел подготовки информационно-аналитических материалов о деятельности федеральных органов власти, вы начнёте работать со мной.

– Охранником? – улыбнулся он.

Шахова бросила на него красноречивый, со смешинкой в глубине, взгляд.

– Поскольку вы не из тех, кто готов отдать жизнь за ночь с женщиной, как поётся в песне, то я предлагаю вам должность начальника внутренней службы безопасности.

Савва сел прямее, ему стало жарко. Решил пошутить:

– Это что-то новое – служба внутренней безопасности Совета безопасности. Крышующая крыша...

– Речь идёт о серьёзных проблемах.

– Почему вы думаете, что я не из... тех мужчин?

Шахова рассмеялась.

– Я знаю вас лучше, чем вы себя. Пришлось изучить ваше досье, прежде чем делать предложение.

– Понятно, – пробормотал он. – Неужели не нашли компромата?

– Если бы нашли, мы с вами не увиделись бы. Что скажете?

– Не знаю... неожиданное предложение, надо поразмыслить. Странно, что Совбезу требуется собственная служба безопасности.

– Мир меняется не в лучшую сторону. Приходится заниматься и охраной сотрудников.

– Не царское это дело. Для охраны существует множество разных специальных структур.

– Иногда очень серьёзные проблемы начинаются с простой болтовни на работе. Наша система защищает страну от дестабилизации наравне с вашей конторой. На моих глазах вирус глобального контроля над умами и психикой людей всё глубже проникает в нашу жизнь и плоть, а мы ничего не можем ему противопоставить. Люди по сути стали зомби чьей-то программы контроля, неужели вы откажетесь ней-

трализовать этот вирус?

Савва задумался.

– Вместе с нами, – добавила Шахова.

Савва молчал, думал.

– Вместе со мной, – с преувеличенной кокетливостью улыбнулась помощница секретаря Совета безопасности.

Савва покачал головой, пытаясь отстроиться от колдовских чар «копии жены».

– Я подумаю. Не торопите меня. Хотя уверен, что меня не отпустят.

– Пусть вас не беспокоит эта проблема. Карташову не отказывает даже президент. – Она имела в виду секретаря Совбеза. – Чаю хотите?

Он хотел сказать «нет», но сказал «да». После чего они посидели ещё четверть часа, обсуждая подробности инцидента с Голубенским, и разошлись.

На следующий день Шахова уехала, не попрощавшись, а Савва полетел на Ямал, чтобы разобраться с убийством владельца компании «Ямалнефть» Вячеслава Феллера, и только в воскресенье двадцать второго июля вернулся в Москву. Мысль о переходе в Совбез окончательно созрела ещё в аэропорту, но по телефону озвучивать её Старшину не хотелось. Шаг был серьёзный, вёл к непредсказуемым последствиям и полковника наверняка должен был огорчить.

Савва умылся, стараясь не шуметь, сварил кофе, выпил чашку и спустился во двор дома, огороженный жильцами,

чтобы на его территорию не заезжали машины с улицы. Ограда была закончена в прошлом году, и с тех пор проблем с парковкой у владельцев квартир не существовало.

* * *

Жил Кеша Рудницкий в десятом микрорайоне Мытищ, на улице Лётная. Его двухкомнатная квартира, принадлежащая ещё деду, располагалась на последнем этаже старой двадцатидвухэтажки, и с её балкона были видны трубы ТЭЦ-27 «Северная».

Савва, тепло одетый (конец июля в Москве выдался не по-летнему сырым и холодным), – оставил свой «Ягуар» во дворе дома, поднялся на двадцать второй этаж, позвонил в дверь.

– Входи, – разрешила дверь голосом хозяина, посмотрев на него глазком телекамеры.

Вопреки неказистому виду всего дома, возраст которого перевалил за три десятилетия, квартира Рудницкого представляла собой «умную жилплощадь», оборудованную по всем современным технологиям системами жизнеобеспечения. Кеша сам приложил руку к их установке, сменив интерьеры квартиры после смерти родителей, превратил спальню в рабочий кабинет, и теперь глаз гостя то и дело натыкался в прихожей и гостиной на углы подстраивающейся к эмоциям жилья мебели, на огни подсветки, на узор меняющего

рисунки плит пола и на выбегающих из-под плинтусов, диванов, столов и шкафов металлических «насекомых» – роботов-уборщиков.

– Кеша, – окликнул физика Савва, не решаясь снять обувь. – Они не кусаются?

Стены прихожей посмотрели на него недовольно. Квартирная автоматика была настроена только на голос владельца и на громкий голос гостя отреагировала как собака, готовая защитить хозяина.

– Проходи, я в кабинете, – ответил Рудницкий. – Тапочки тебе подадут.

Савва посмотрел на шестиного величиной с кулак, похожего на паука и черепашку одновременно. Он тоже жил в квартире с удобствами, но таких роботов не имел.

– Тапки.

Механизм затрясся, молнией метнулся к шкафчику с обувью, выхватил тапки и поставил перед гостем.

– Молодец!

Механизм снова затрясся и юркнул куда-то, как самый настоящий паук или таракан.

Савва снял куртку, нацепил тапки, прошлёпал в спальню, превращённую Кешей в нечто напоминающее телемастерскую и компьютерный терминал.

Хозяин, в красной майке с изображением телебашни и надписью МТС, в шортах и меховых тапках, взмахнул рукой.

В комнате зазвучал марш победителей:

– Та-а, да-да-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та, да-а-да-а-да-да-да-дам!

Хлопнула пробка, вылетая из бутылки шампанского.

Небритый по крайней мере трое суток Кеша налил вино в бокалы.

– За победу!

– Я за рулём.

– Ничего, у тебя ксива чекиста, не остановят.

Они чокнулись.

Кеша в три глотка осушил бокал. Савва сделал глоток, по-искал глазами место, где можно было бы сесть, и Рудницкий смахнул рукой с диванчика груды дисков и прозрачных коробок.

– Садись!

– Ну и где твой умсорик?

– Любишься! – Кеша театральным жестом показал на конструкцию на столе, напоминающую изваяние скульптора-модерниста. – Фрактальная композиция «заворот кишок», объёмная реализация взаимодействий квантонов пространства. Генератор – вот этот ёжик внутри – сферически поляризует вакуум, который, насколько тебе известно, не есть пустота, а упругая квантованная среда, заполненная безмассовыми частицами – квантонами.

– Опusti подробности, – попросил Савва, благожелательно глядя на взволнованного изобретателя. – Ты уверен, что твоя рация передаёт сигнал мгновенно?

– Не передаёт – поляризует вакуум.

– Не уточняй.

– Уверен! Но это пока только первая демонстрация генератора. Он создаёт сферическую волну, которая пронзила нас, город, всю Землю и, возможно, Солнечную систему. А нужна векторная поляризация, и я уже работаю над фокусирующей системой, которая создаст самоподдерживающийся солитон.

– Фанатик! Говорю же – не уточняй, в отличие от тебя я не кандидат наук, а простой выпускник радиотехнического вуза, нашедший себя в контрразведке. С твоим УМСом всё понятно... Если он работает.

– Не сомневайся! Маячок же сработал?

– Что ты собираешься делать дальше?

– Тестировать генератор.

– Как? Чтобы проверить его характеристики, нужно по крайней мере отправить маячок в космос, на Луну или подальше, на Марс.

– Согласен, нужны эксперименты. – Кеша налил себе ещё бокал шампанского, глаза его заблестели. – С Луной проще, Вовка Толпегов работает на космодроме Восточный, откуда сейчас наши начинают летать на Луну, я ему отдам маячок, он передаст кому-нибудь из космонавтов. А с Марсом сложнее. У тебя нет связей в Роскосмосе?

Савва покачал головой, забавляясь горячностью приятеля.

– Как мёд, так и ложкой. В Роскосмосе у меня никого, но у моего начальника Старшины дочка работает в центре подготовки космонавтов в Звёздном.

– Это здорово! – обрадовался Рудницкий. – Пусть участвует в процессе, родина его... и её не забудет. Но главное не в этом.

– Есть ещё и главное?

– Умсорик позволит доказать мою теорию.

– Каким образом?

– Ты же помнишь, с чего всё начиналось?

Савва сделал глоток шампанского; брют он не любил, как не любил всё кислое, но терпел.

– Ты в детстве читался фантастики...

– Ерунда, хотя и сейчас почитываю, Головачёва уважаю, интересные идеи иногда предлагает, но идею о моделированных мирах подал ещё Платон, а философ Ник Бостром из Оксфорда лет пятнадцать назад заявил, что наши потомки смогут моделировать реальность. Вот я и зацепился, начал искать инфу, а теперь могу утверждать, что мы живём в смоделированной реальности.

– Докажи.

– Ты же не физик.

– Надеюсь, пойму, если обойдёшься без формул.

– Ну, хорошо, я начинал с расчётов сильного ядерного взаимодействия, ещё не забыл, что это такое?

– Одна из фундаментальных сил природы наряду с тремя

другими – слабым ядерным взаимодействием, гравитацией и электромагнетизмом.

– Хорошая память, – похвалил Савву Кеша. – Так вот, сильное ядерное взаимодействие объединяет элементарные частицы – кварки и глюоны, и для моделирования процессов нужны супермощные компы. Таких на Земле пока мало. Но они появятся, и мы сможем смоделировать не только физические процессы, но и всю реальность.

Савва сморщился, поставил бокал на пол.

– Кислятина... это когда ещё будет.

– Мощность компов увеличивается вдвое за три года, так что ждать недолго. Но опять же не это главное. Я уверен, что наш мир также кем-то смоделирован.

– Интересно, как ты это заметил? – скептически хмыкнул Савва. – Если мир смоделирован, то и ты тоже?

– Хороший вопрос, – восхитился Кеша. – Креативно мыслишь, майор. Все мои оппоненты задавали мне этот вопрос. Но модель потому и модель, что работает до какого-то предела точности, допуская погрешность. Вот я и взялся искать ту погрешность, так сказать, дефект первого рода.

Савва дотянулся до вазы с печеньем, взял парочку, подумав, что за руль ему теперь садиться нельзя. Если только он не просидит у приятеля часа два.

– Нашёл?

– Элементарно, Ватсон! Следи за мыслью гения! Единственный способ моделирования чего угодно – использовать

объёмную сетку, которая делит пространство на крошечные клетки. Чем меньше клетка, тем модель точнее отражает реальные характеристики объекта. Но если моделирование определённого объёма производится на сетке с конечным шагом, по законам квантовой механики...

Савва потерял нить размышлений Кеши.

– Короче.

– При достаточно большой энергии частиц на ускорителе можно увидеть структуру решётки. Понимаешь? То есть – искусственную базу модели, которая и есть искомый дефект!

– Сетка?

– Именно!

– Как же ты её увидел? В бинокль?

Кеша на шутку не отреагировал.

– Не я – учёные, работающие на БАК³. Хотя они и не поняли, что обнаружили. Искали бозон Хиггса, описали эффекты, и я всё понял. Если бы сетки не было, частицы после взаимодействия с мишенью ускорителя равномерно распределились бы по всем направлениям, а они тяготеют к определённым осям! Понимаешь? Это означает, что наша Вселенная действительно построена по сетке! Она – сложнейшая модель в каком-то фундаментальном компьютере, и сейчас, возможно, кто-то из создателей модели слушает наш с тобой разговор.

– Бог, – пошутил Савва, настроенный несерьёзно. Хотя

³ БАК – большой адронный коллайдер.

ему нет-нет да и вспоминался разговор с Фофановым.

– Бога нет, – отмахнулся Иннокентий. – Творцы Мироздания – есть. Мне тоже было бы интересно запустить множество вселенных, меняя в них различные параметры. Наши создатели занимаются тем же, но в других масштабах.

Савва сунул в рот печенюшку.

– При чём тут твой умсорик?

– При том, что устройство можно использовать для определения шага сетки. Оно поляризует вакуум одномоментно, и при достаточном количестве маячков можно будет рассчитать резонансы ячеек сетки.

– Сколько же надо маячков?

Кеша слегка опечалился.

– Хотя бы пару миллионов... в разных концах Галактики.

Савва присвистнул, хохотнул.

– Ну, это мы с тобой не поймеем и через тысячу лет.

– Да понимаю, хотя и на трёх-четырёх можно будет грубо оценить эффект. Зато УМС можно будет использовать для связи, сигнал не поглощается никаким материалом. Да и энергии надо – крохи. Может, хотя бы за это Нобелевку дадут? К кому обратиться, не посоветуешь?

Савва съел ещё одну печенюшку.

– К руководству МТС.

– Почему к ним?

– Потому что там работают креативные люди, они наверняка схватятся за реализацию мгновенной связи.

– А если предложить военным, в Минобороны? Поможешь?

– Предложить можно, только, боюсь, тебя заграбастают из Сколково в какую-нибудь секретную военную лабораторию и заставят пахать там до скончания века под подписку о невыезде и гарантиях сохранения гостайны.

– Да ладно, не те времена.

– Времена, может, и не те, сгустил я краски, однако с такими вещами не шутят. Ты же знаешь, нет такой идеи, какую нельзя было бы превратить в оружие.

– Значит, МТС?

– Это навскидку, надо подумать.

В прихожей вдруг раздался звонок.

Савва посмотрел на разбуряившееся лицо Кеши.

– Кого-нибудь ждёшь?

– Да нет, ни с кем не договаривался.

– Кто это может быть?

– Если бы свои позвонили, домофон уже сообщил бы – кто. Сейчас посмотрим.

Савва остановил приятеля.

– Сам открою, не спеши.

Он подошёл к двери, на панельке домофона загорелось изображение гостя. Сердце ёкнуло. На площадке перед дверью квартиры стояла Виктория Шахова, помощница секретаря Совбеза собственной персоной. На этот раз на ней был модный плащик серебристого цвета, играющий перламут-

ром, почти не скрывающий фигуру, и великолепные ножки в туфлях на высоких каблучках. В руках она держала знакомую сумочку. Рядом больше никого не было, хотя как она прошла в подъезд, минуя охранника, было непонятно.

– Вика...

– Кто? – поинтересовался Кеша.

– Знакомая... в Норильске познакомились.

– Открывай.

Савва ткнул кнопочку замковой консоли, компьютер открыл дверь.

– Здравствуйте, – сказала гостья грудным контральто, окидывая Савву взглядом, глянула на выглядывающего из-за его плеча обалдевшего Кешу. – Господин Рудницкий?

– Он...

– Разрешите войти?

Савва молча отступил в сторону.

Шахова вошла в прихожую, по-хозяйски огляделась, задержала взгляд на Кеше, и тот инстинктивно подсмкнул шорты.

– Проходите... э-э...

– Виктория. Ваш друг меня знает.

– Позвольте, я помогу... – Кеша отодвинул дверцу шкафа, достал вешалку.

Савва отобрал у него вешалку, принял плащик гостьи, отметив краем глаза красоту платья под ним и достоинства фигуры – высокую грудь и тонкую талию.

– Проходите.

Гостья вошла в гостиную, внимательно посмотрела на стол, на котором сверкала пирамидка УМСа и шампанское.

– Празднуете?

– Д-да... нет, это устройство...

– Я знаю.

Кеша ошеломлённо оглянулся на не менее ошеломлённого Савву, тот пожал плечами.

– Нам всё объяснят, не так ли?

– Разумеется. Разрешите сесть?

Кеша опомнился, смахнул с дивана оставшиеся там журналы и диски, сделал широкий жест.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Шампанского?

– Мотив?

– Мы проэкспериментировали с... – Кеша встретил взгляд Саввы, замялся.

– Это перспективное устройство связи, – пришёл Савва ему на помощь. – Только что проверили. Выпьете с нами?

– Не откажусь.

Кеша сбегал на кухню за бокалом, Савва налил шампанского, передал бокал гостье. Она пригубила напиток, посмотрела на бутылку.

– Брют... чуть кислее, чем надо.

– Чего вы хотите от испанского «Де шарни»? – пожал плечами Савва.

– А я люблю кислое, – объявил Кеша, разглядывая гостью

хмельными глазами.

– Каждому своё, – улыбнулась Шахова, не обращая внимания на взгляды конструктора.

Савва промолчал, ожидая, что будет дальше. Внезапное появление помощницы секретаря Совбеза не укладывалось ни в какие схемы, поэтому не стоило спрашивать, по какой причине Виктория Шахова решила посетить изобретателя умсорики.

Кеша боком обошёл его, рухнул на диван рядом с Саввой.

– Дай мне по морде!

– Зачем? – озадачился майор.

– Чтоб я проснулся.

– Вы же знаете, что не спите, – с лёгкой укоризной сказала Шахова. – У вас очень мощный интеллект, попробуйте угадать, где я работаю.

Кеша глянул на бокал в руке, встал, налил шампанского, выпил, снова рухнул на диван так, что застонали пружины.

– Вы мне льстите.

– Не имею привычки.

– Вы не пришелец. – Кеша хохотнул. – Пришельцы такими красивыми не бывают. А так как вы познакомились с Саввой в Норильске, куда он летал по делам службы, то вы тоже из какой-то спецконторы. Но не из ФСБ. Министерство обороны? – Кеша наморщил лоб. – Не похоже. Разве что Следственный комитет? В крайнем случае – Совбез.

Глаза Шаховой стали больше, в них отразилось если и не

восхищение, то уважение. Она сделала глоток шампанского, закинула ногу на ногу; ноги у неё были длинные, чистых линий, от них невозможно было отвести глаз.

– Браво, Иннокентий Леонтьевич, быстро ориентируетесь, мы не ошиблись в ваших аналитических способностях. Поэтому сразу перейду к делу. Переходите к нам на работу. Ваш друг майор Бекасов тоже получил такое предложение и поможет вам сделать этот шаг. Не так ли, Савва Миронович?

Савва сделал крупный глоток, досчитал до пяти.

– Я ещё не решил...

– Ой ли? – покачала пальчиком Шахова. – А мне почему-то кажется, что решили.

– Вы о чём?! – очнулся Кеша, переводя взгляд с одного на другую. – О каком переходе речь?! Я же работаю в Сколково, начальник отдела...

– Мы знаем. У нас вы тоже будете заведовать отделом, только возможностей работать с потоками информации у вас будет больше, и заниматься конструированием устройств мгновенной связи вы сможете без оглядки на начальственный окрик. И проблемами космологии и моделирования.

Кеша ословело почесал лоб, на сводя остановившегося взгляда с лица гостьи, пожевал губами.

– Я в шоке... простите. Куда вы меня приглашаете? В Следственный комитет?

– В Совет безопасности при президенте Российской Федерации.

Кеша засмеялся... и умолк.

– Шутите.

– Ничуть.

– Это правда, – кивнул Савва. – Мне тоже поступило предложение работать в Совбезе.

– Кем?

– Начальником их внутренней службы безопасности.

– А я...

– Будете работать начальником отдела стратегического анализа. Сможете довести до конца вашу работу с моделированием вселенных.

– Откуда вы... знаете? О моделировании?

– Служба такая. – Шахова допила шампанское. – Процесс перехода не продлится больше двух-трёх дней, мы позаботимся об этом. Но решать надо поскорее, время не ждёт, у нас масса дел.

– Каких?

– Он расскажет, – кивнула на Савву гостья. – К тому же у вас в скором времени могут возникнуть проблемы с личной защитой, и только мы сможем вас оградить от них.

– Не понимаю...

Шахова встала.

– Нам очень нужен специалист вашего уровня. Как говорится – фигура влияния. У вас будет всё для работы и для реализации всех ваших идей. В бытовом плане вы не проигрываете, наоборот, только выиграете. В случае нужды мы да-

дим вам охрану.

Кеша сделал пренебрежительный жест.

– Вот ещё!

– Вы согласны?

Кеша покосился на Савву.

– Нет... простите. Шило на мыло не меняют.

– Это правильно, – улыбнулась гостья. – Хотя мы предлагаем вам не шило и не мыло. Надеюсь, вы согласитесь. Жду вашего звонка, парни. Была рада знакомству.

Она пошла к двери.

Савва вскочил, подал ей плащ.

– Я думал, что вы обо мне забыли.

– Напрасно, я человек слова. Обсудите предложение, нам действительно нужны такие специалисты, как вы. К тому же есть другие аргументы перейти к нам, господа из той конторы, которая вышла на вас в лице Фофанова, не успокоятся. Вы докладывали Старшину о встрече с полковником?

– Ещё нет.

– Не докладывайте, ему знать об этом не нужно. – Женщина посмотрела на Кешу, на лице которого было написано недоверие и жадное любопытство. – До свидания, Иннокентий Леонтьевич. Надеюсь, мы встретимся вскоре.

– Вас проводить? – сказал Савва.

– Не нужно, меня ждут. – Шахова вышла, не оглянувшись.

Савва закрыл за ней дверь, оглянулся на Кешу.

– С ума сойти! – криво улыбнулся приятель. – Какая же

она красивая! Кстати, на твою жену похожа.

Копия! – хотел сказать Савва, но передумал.

– Пошли, обсудим.

Они вернулись в гостиную, налили в бокалы шампанского, Савва поднял свой.

– За успех безнадёжного дела?

Кеша воздел руки к потолку, выдул бокал, постоял с поднятыми руками, словно хотел обнять пустоту. Со вздохом опустил руки.

– Она безумно красивая! Но я к ним не пойду. У меня всё в шоколаде, работать никто не мешает, и подотчётен я только директору центра.

Савва рассмеялся, хотя в душу заполз червячок ревности. Помощница секретаря Совбеза действительно была очень красивой женщиной и безумно напоминала ему Лилию, поэтому обсуждать её облик не хотелось, и вообще заводить разговоры о сходстве не хотелось. Было в этом сходстве что-то неестественное, чему он никак не мог найти объяснение.

– Значит, откажешься?

– А ты?

Савва сел, глядя на пирамидку умсорики, ощущая лёгкую эйфорию.

– Наверно, пойду. Там другая перспектива... другие возможности.

Кеша вдруг опечалился.

– Хотя работать в Совбезе, наверно, престижно... С дру-

гой стороны, уходить из Сколково нет смысла, я там привык... и ребята хорошие.

— И компьютер мощный.

— Именно что.

Просто для тебя ещё не пришла пора перемен, подумал Савва, вспоминая походку Шаховой и сравнивая её с походкой Лилии. Обе женщины действительно были похожи, как родные сёстры-близняшки, но одна была пусть и постарше, но вызывающе женственна, чего нельзя было не заметить. Как там говорил поэт?

...что есть красота?

И почему её обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота?

Или огонь, мерцающий в сосуде?⁴

Савва разлил по бокалам остатки шампанского.

— За огонь!

Кеша поднял свой бокал, хотя вряд ли понял, что имеет в виду приятель.

⁴ Н. Заболоцкий.

Глава 9. Покой нам только снится

Старшинин воспринял уход Бекасова из Управления болезненно. Изучив доклад о поездке майора в Норильск и на Ямал, он упрекнул его в отсутствии конкретного результата, хотя результат был: дело повесили на местное ФСБ и лично его руководителя Фофанова, – и долго уговаривал Савву остаться в отделе «спирит», приводя разные доводы «за». Обещал даже повысить в звании. Однако Савва, никогда не менявший своих решений, из-за чего жена прозвала его «упёртым бараном», уже увлёкся новой идеей и от предложений полковника отказался. Старшинин же применить административный ресурс и оставить Бекасова на службе не мог, так как получил приказ Папы не препятствовать майору в переходе на новое поприще. Очевидно, ему позвонили из аппарата Совбеза, а то и вызвали к секретарю Совета для объяснений ситуации.

Сдал дела Савва быстро, за один день.

Ещё один день ушёл на оформление на новое место работы. Нынешний документооборот с компьютерным сопровождением не занимал много времени. И уже в среду 25 июля Савва получил пропуск и с замиранием сердца переступил порог здания в Ипатьевском переулке, дом четыре, настроенный на долгие беседы с Викторией Шаховой, внезапно ворвавшейся в его жизнь и занимавшей в последние

дни чуть ли не всю мысленную сферу.

Однако надежды его на быстрое вхождение в проблемы Совета и встречи с Викторией не оправдались. Помощница секретаря лишь отвела его к своему замку, и тот, показав новому главе службы безопасности его кабинет на первом этаже, предложил ознакомиться с обязанностями руководителя службы, а также с внутренними службами аппарата Совета и вопросами, которыми он занимался. После чего зам – молодой человек возраста Саввы по имени Павел – убыл в неизвестном направлении, предоставив новому сотруднику доступ к документам и файлам, не имевшим гриф «совершенно секретно».

Савва оглядел кабинет с видом на Кремль, безликий, вычищенный до блеска, без единой лишней детали, если не считать таковой портрет президента на стене, за креслом, и со вздохом сел за компьютер, огорчённый спартанской обыденностью трудоустройства.

До вечера он просматривал деловые файлы, изучал последние решения Совета, его структуру и принципы деятельности. Узнал много нового.

Структура аппарата Совбеза была утверждена ещё в тысяча девятьсот девяносто втором году и дважды изменялась в начале века. По распоряжениям президента Совбез вошел в состав Администрации президента, оставаясь при этом самостоятельным подразделением и имея статус Главного управления президента России.

Штатная численность аппарата Совбеза на данный момент была порядка двухсот сорока человек, включая восемь заместителей и троих помощников секретаря, обслуживающий персонал и охрану. В его состав вошли восемь управлений: проблем государственной и общественной безопасности, проблем безопасности в социально-экономической сфере, военной безопасности, международной, безопасности в Северо-Кавказском регионе, военной инспекции.

Виктория Шахова работала в управлении государственной безопасности и при этом исполняла обязанности помощника секретаря, наравне с двумя другими, и начальника отдела подготовки информационно-аналитических материалов, контролируя деятельность федеральных органов власти. Полномочия у неё были такие большие, что даже директор ФСБ не имел права отказывать ей в предоставлении нужных материалов. Под её началом работали двадцать семь человек, и кроме того, ей обязаны были давать отчёты все губернаторы, начальник силовых служб, а также директора научно-исследовательских институтов и производств, в том числе – оборонных предприятий.

Узнал Савва и чем конкретно занимается Шахова.

В её ведении, кроме подготовки отчётов для секретаря и разного рода совещаний, были вопросы, связанные с международными связями Совбеза, хотя файлы об этом в компьютерах Совета раскрывались далеко не все. Савва ещё только готовился стать руководителем внутренней службы безопас-

ности и не получил доступа к особо секретным делам.

Кеша звонил ему дважды, интересовался, как майор устроился и чем будет заниматься. На последний вопрос Савва ответил: важными государственными делами, – и Кешу этим ответом удовлетворил, так как лучший спец Сколково в области инновационных разработок больше подобных вопросов не задавал. В свою очередь на вопрос Бекасова: не заметил ли тот вокруг себя подозрительной возни? – Кеша пошутил: я же не владею нефтяной компанией. Кому я нужен? И Савва немного успокоился, хотя ещё свежи в памяти были слова Виктории: «на вас тоже обратят внимание». Уж слишком специфичные задачи решал Рудницкий, начиная с изобретения умсорика и заканчивая теорией глобального моделирования вселенных.

– Звони, если что заметишь, – попросил Савва.

– Непременно, – пообещал Кеша.

На следующий день после вступления в должность Савву представили коллективу непосредственных подчинённых, коих оказалось шестеро: пять парней и девушка.

Девушке – её звали Катя – исполнилось двадцать семь лет. Она была кадровым офицером ФСБ и носила звание капитана.

Двое парней – лейтенанты Дима и Рома – перешли в Совбез из Управления охраны президента и были самыми молодыми в подразделении. Андрей Петрович Меркурьев (которого все звали просто Петровичем) пришёл в службу из ар-

мейской разведки и был, как и Савва, майором. До перехода Бекасова в Совбез он и возглавлял подразделение, будучи по возрасту и опыту старшим всей группы. Тихон Вислый, похожий на Кешу Рудницкого очками, вихрами и поведением, являл собой службу аппаратного обеспечения и не расставался с планшетником, который носил в кармане пиджака, ни на минуту.

В обязанности подразделения входил комплекс мероприятий по обеспечению безопасности сотрудников Совбеза и охрана всех объектов, а также проводимых встреч, совещаний и поездок по стране и за рубеж. К охране привлекался контингент спецназа в количестве взвода — до двадцати пяти человек. Таким образом, подразделение являлось мозговым центром службы и разрабатывало специальные схемы обеспечения безопасности и операции прикрытия. Для этого кроме спецназа ему придавались и службы инженерно-технического сопровождения наряду с информационно-оперативной.

Поскольку Петрович уже давно работал в аппарате Совбеза, он и послужил проводником новому начальнику, обойдя с ним здание Совета и территорию вокруг, а также ввёл его в курс дела и предложил своё видение круга обязанностей главы службы, порекомендовал, на что стоило обратить внимание в первую очередь. По характеру Меркурьев был флегматиком, разговаривал медленно, веско, со своим длинным носом, бледным вытянутым лицом и унылым видом по-

ходил на бухгалтера после запоя, но ум имел быстрый и цепкий. Разговаривать с ним было интересно, так как майор знал службу изнутри и хорошо представлял её задачи. Да и послужить успел в разных горячих точках, на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Азии.

К вечеру вконец ослотившийся от обилия информации Савва сел в свой выдавший виды «Ягуар» синего цвета выпуска две тысячи шестнадцатого года и поехал домой, мечтая понежиться в ванной и насладиться обещанным женой тушёным гусём с капустой. Лилия, несмотря на «крутость» положения – она отвечала за связи с инвесторами известной не только в Москве, но и по всему миру сети кофеен Double С, – прекрасно готовила и часто баловала мужа изысками кулинарного искусства.

Однако мечты Саввы нарушил звонок по мобильному. Он включил салонный блютуз.

– Слушаю.

– Савва Миронович, есть возможность отличиться, – раздался в кабине голос Виктории Шаховой. – Как вы смотрите на вояж в Сингапур?

– В Сингапур? – невольно переспросил удивлённый майор.

– Да, в Сингапур. Вылет срочный, завтра днём, в четырнадцать сорок.

– Что-то случилось?

– Да или нет?

Савва сжал зубы. Виктория не любила пространных объяснений и всегда чётко формулировала вопрос, ожидая услышать такой же чёткий ответ.

– Да.

– Прекрасно, проводку вам сделают, виза не нужна, жду вас в Домодедово завтра в одиннадцать тридцать.

– Хорошо, буду. И всё-таки...

– В сингапурской гостинице Raffles убит китайский нефтяной магнат Ли Сяоши, так что для вас эта командировка будет продолжением расследования, которым вы занимались в Норильске и на Ямале. Всего хорошего.

Савва с сожалением подумал, что не успел спросить, кто летит в Сингапур кроме него, потом переключил внимание на возникшую проблему. Убийства нефтяников продолжались, и становилось понятно, что за Фофановым стоит некая глобальная сила, международная мафия, которая и в самом деле задалась целью ускорить движение цивилизации по пути научно-технического прогресса и заставить людей активнее искать альтернативные источники энергии.

Лилия была дома, хлопотала на кухне, оживлённая и радостная. Встретила мужа поцелуем (он снова заработал сердечный приступ, так как уже почти перестал понимать, кто из двух женщин, отличимых лишь цветом волос и причёской, есть его жена) и принялась ухаживать за ним, делясь впечатлениями от какой-то деловой встречи.

Обнимая вкусно пахнущую жену, он мимолётно подумал,

что по сути обнимает и Викторию, но особой радости не испытал. Впечатление было такое, будто он собирался изменить Лилии.

Она его переживаний не заметила, продолжая рассказ.

Он поддакивал, умывался, переодевался, ел и продолжал думать о предстоящем полёте в Сингапур, где не был ни разу, и о странных встречах в жизни, с одной стороны, повернувших жизненный путь в другую сторону, с другой – связавших его с теми же проблемами. Масштаб охоты на нефтяников начал выходить за рамки детективного сюжета, и на ум невольно приходили мрачные предсказания классиков, описавших будущие войны и гибель человечества от глобального загрязнения почвы и атмосферы. Так, может быть, прав Фофанов и те, кто стоит за ним? Человечество надо срочно снимать с «нефтяной иглы»? И тогда в этом свете деятельность «корректоров» есть благо?

– Ты меня не слушаешь, – обиделась Лилия.

Савва очнулся, поклялся жене в своей любви, что всегда действовало безотказно, и перестал искать смысл в происходящем. Главное было – стать полезным Виктории, тем более что она его, по сути, спасла в Норильске от участи зомбированного Фофановым холопа.

* * *

Вылетели из Домодедово точно по расписанию.

Вместе с Викторией и Саввой от Совбеза полетели ещё двое чиновников, второй зам секретаря Чёрников, мужчина видный, импозантный, с породистым лицом дипломата, и начальник отдела международных проблем Скарабеев, маленький, лысенький, толстенький. Однако оба они летели бизнес-классом, в то время как Виктория и Савва – эконом, и Савва с ними практически не общался.

Одета Виктория была в брючный костюм серого цвета, с жемчужным отливом, выгодно подчёркивающий её фигуру, и Савва мимолётно подумал, что даже вкусы обеих женщин-«близняшек» одинаковы: Лилия тоже предпочитала носить стильные брючные костюмы и неожиданные сочетания модных линий. И сумочки они выбирали одинаковые, формата клатч, внутри которых умещались только помада, пудра, ручка и мобильный телефон.

В салоне самолёта – это был «Суперджет-100» – Виктория села у окна, таким образом Савва оказался справа от неё, ближе к проходу. Не приставал с расспросами, терпеливо ждал, когда спутница заговорит о деле сама.

Она сделала несколько звонков, используя гарнитуру «фри»: клипса на мочке уха играла роль динамика и микрофона (усик от неё к губам был практически незаметен), – говорила мало, больше слушала, и майор деликатно отворачивался, как бы подчёркивая, что не желает подслушивать чужие тайны. Достал журнал «Занимательная механика», начал просматривать.

Виктория закончила разговаривать, обратила внимание на журнал.

– Что пишут?

– О новых технологиях в искусстве, – ответил он. – Специалисты утверждают, что весь современный инструментарий искусства устарел. Во времена Вольтера человека можно было легко подчинить магией слов. Потом пришло кино, за ним Интернет, но жизнь уже не поддается достоверной симуляции такими методами. Должно появиться новое искусство, на стыке технологий программируемого сна, психотроники и гипноза.

– Интересно, – искренне оживилась женщина. – Что это за искусство?

– Художники будущего будут писать не картины и сценарии, а скрипты, по терминологии Кеши, человеческие жизни, которые можно будет купить, как книгу или диск с художественным фильмом. Этот фильм можно будет пережить во сне как полноценный трансперсональный опыт. Таким образом, грань между искусством и жизнью исчезнет полностью.

Виктория сморщилась.

– Значит, по-вашему, художник станет равным богу?

– В каком-то смысле, во всяком случае, творцом искусственной микровселенной точно. Хотя я не первый об этом заговорил.

– Кто был первым?

– В прошлом веке жил замечательный писатель Стани-

слав Лем⁵, который задумался над искусственно созданной интеллектуальной и чувственной сферой, а среди наших современников – писатель Пелевин. Не читали?

– Нет времени на чтение. Кстати, как поживает ваш друг Кеша?

– Вчера созванивались, у него всё в порядке. Занят своей теорией фундаментального моделирования. Уверяет, что наша родная Вселенная создана как сложная программа в каком-то запредельном компьютере.

– Да, это мощная идея, – задумчиво проговорила Виктория. – С большим транспарентным потенциалом.

– Ещё он доводит до ума свой умсорик. Убеждён, что за ним большое будущее.

– И тут он прав. Умсорик может стать идеальным средством связи для подводных лодок. Да и вообще в любой стихии. За него могут взяться всерьёз.

– Кто?

Виктория дёрнула плечиком.

– Та же команда, что завербовала Фофанова.

– Ей-то зачем? Она же занимается нефтяниками.

– Не только нефтяниками, она вообще хочет перезагрузить реальность, а это чревато колоссальными изменениями в политике, социуме, вообще в законодательной базе, и сопряжено с огромными жертвами.

Савва с любопытством посмотрел на профиль женщины,

⁵ С. Лем (1921–2006) – польский писатель и философ.

едва не проговорив: Лиль, прекрати шутить! Удержал торопливые пальцы, готовые погладить коленку спутницы, что непременно сделал бы, если бы летела с ним жена.

– Как можно перезагрузить реальность?

Виктория достала из сумочки зеркальце, глянула на себя, спрятала обратно.

– Можно, но это секретная информация. У вас пока нет к ней допуска.

– Кеша тоже говорил о перезапуске программы, это его слова. Он считает, что начался апгрейд нашей Вселенной.

– Я его очень хорошо понимаю.

Бортпроводницы перестали ходить по салону самолёта и проверять, пристегнулись ли пассажиры. Самолёт вырулил на полосу, взлетел.

– Вы так уверены в непогрешимости Кеши?

– Его мысли отражают состояние коллективного бессознательного всей реальности. Которая вполне может быть программой. Вы-то сами как относитесь к идее Рудницкого?

Бортпроводницы начали развозить напитки.

Виктория выбрала грейпфрутовый сок, Савва минералку.

– Кеша начинал с космологических феноменов, дал свою интерпретацию тёмной материи и тёмной энергии.

– Что это такое, с вашей точки зрения?

– Ну, тёмная материя – то, что заполняет космос и составляет большую часть его массы, а тёмная энергия – то, что заставляет Вселенную расширяться с ускорением.

– Это общепринятая точка зрения. Вы лично как считаете?

– Никак, – простодушно признался Савва. – Мои интересы так далеко в бесконечность не простираются, я человек материально привязанный и конкретный.

Виктория окинула его оценивающим взглядом.

– Хитрите, майор, вы работали в отделе «спирит», а там нужны специалисты с хорошо развитым воображением. Да и Рудницкий, как неординарный фантазёр, не стал бы дружить с приземлённым человеком.

– Спасибо.

– Не за что. Хорошо, у вас нет своего мнения о Вселенной, но ведь Кеше вы поверили?

– Иногда он заигрывается... в любом смысле этого слова. Долгое время он работал с некоммутативными теориями поля, в которых пространственно-временные координаты являются некоммутативными операторами. Если вам это что-нибудь говорит.

– Что такое некоммутативные операторы?

– Это такие действия, когда результат умножения икса на игрек не совпадает с результатом умножения игрека на икс. Понимаете? При этом нарушается лоренцева симметрия...

– Достаточно, я по образованию лирик, а не физик, в отличие от вас. И как же Иннокентий дошёл до своей теории моделирования?

– Оттолкнулся от квантовой и радужной теорий гравита-

ции. В них на очень малых масштабах предполагается наличие квантов пространства с планковскими⁶ размерами, в результате чего пространство представляет собой так называемую спиновую пену или набор N-бран. Кеша пошёл дальше, развил теорию квантонов Леонова... и открыл сетку с планковским шагом, по которой кто-то конструировал нашу Вселенную.

Виктория улыбнулась.

– Это ваши слова?

– Его.

– Исключительно мощный интеллект ваш Рудницкий.

При полном отсутствии житейского опыта.

– Откуда вы его знаете?

– Работа такая.

– Почему его теория заинтересовала Совбез?

– Потому что у неё далеко идущие последствия. До их практического применения далеко, но уже сейчас кое-кому может не понравиться возня Кеша с теориями глобального контроля.

– Моделирования?

– Это и есть контроль.

– Кому? Это ведь... – Савва сделал жест, как бы выпуская воздушный шар, – всего лишь мысленный эксперимент.

– А если нет? Если кто-то и в самом деле контролирует наш континуум, всю нашу науку, физику, жизнь?

⁶ Планковская длина = $1,6 \times 10^{-35}$ в минус тридцать третьей степени сантиметра.

Савва с сомнением посмотрел на спутницу.

– Неужели подобные фантазии напрягают Совет безопасности?

Виктория рассмеялась.

– Эти фантазии напрягают меня. Но ваш скептицизм забавен. Вы свободно рассуждаете о космологических моделях Вселенной и напрочь отметаёте конспирологические. Почему? Не верите в пастухов-инопланетян?

– Не верю, – подтвердил он серьёзно. – Нет ни одного документального подтверждения, что они существуют.

– А НЛО?

– НЛО по большей части объясняются законными физическими явлениями либо шизоидным состоянием очевидцев их появления. По всем каналам ТВ одна говорильня, словно кто-то специально раздувает эту тему, чтобы люди не поверили в настоящий контакт, если он вдруг случится.

– Может, так оно и есть? А вся ТВ-истерия – всего лишь подтверждение начавшейся подготовки к скорому контакту?

Савва наморщил лоб.

– Вы меня... тестируете?

Виктория снова рассмеялась.

– Проверяю на креативность мышления. У вас хорошая реакция, но мыслите вы узко, надо раздвигать рамки обычного и мыслить масштабней. Человечество упёрлось в тупик деградации, грядёт эпоха перемен, важно не затеряться.

– Для этого не надо верить всему, что говорят СМИ, скры-

вая истинное положение вещей.

– Тут я с вами соглашусь. Как сказал один светлый человек, писатель: «Чтобы понимать друг друга, много слов не надо. Много надо – чтобы не понимать»⁷.

– А говорите, что не читаете книг.

– Я такого не говорила, хотя времени на чтение и в самом деле нет. Пожалуй, посплю, лететь долго, да и вам советую. В Сингапуре отдыхать не придётся. Кстати, вы там бывали?

– Нет.

– Я тоже. Вообще за границей не бывали?

– Почему? Неоднократно.

– Где?

– В Таиланде, в Индонезии, на Крите.

– Один или с компанией?

– С женой, – сказал Савва, внутренне пожалев, что признался в наличии жены. Хотя тут же пришла мысль, что Шахова скорее всё знает. Добавил: – И с компанией тоже. Правда, в последние два года я за границу не летал.

– Почему?

– Так получилось.

– Работа, подписка, – догадалась Виктория. – Я тоже была в Таиланде, с делегацией. Любовалась дворцом Ват Арун. Не видели?

– Видел, великолепный замок, кажется, периода Аютхаи, если не ошибаюсь. Олицетворяет гору Меру, обиталище

⁷ В. Распутин. «Пожар».

кхмерских богов. Он весь покрыт разноцветными плитками фарфора, такие строения там называют прангами.

– Да, мы весь день потратили на экскурсию. А ещё я была в храме Ват Ронг Кхун, он весь ослепительно-белый, с зеркальными вставками и мозаикой из стекла. Изумительно необычный по архитектуре, ажурный и колючий.

Савва промолчал. Храм Ват Ронг Кхун он не посещал.

– В Индонезии тоже полно храмов, индуистских и буддийских. Мне запомнился Прамбанан на Яве.

– Великолепный комплекс, – согласилась Виктория. – Раннее Средневековье, реставрирован в середине прошлого века. Между прочим, и у нас много интересных сооружений и мест, в Центральной России и на Дальнем Востоке, в Крыму. Девочкой меня возили на Украину, ещё до гражданской войны, в Клевань, показывали редкое по красоте место – «тоннель любви». Летом, в солнечную погоду, он так прекрасен, что можно часами бродить по рельсам – да, там рельсы проложены, – между зелёными стенами, увитыми плющом и лозой, и любоваться. Не слышали?

Савва покачал головой.

– Не слышал, теперь туда не съездишь.

– Ну почему? Было бы желание, всегда найдётся вариант. Подошла бортпроводница.

– Что будете заказывать? – спросил Савва.

– Ничего, только сок. – Виктория некоторое время смотрела на облака под самолётом, закрыла глаза.

Разговор прекратился.

Савва заказал отварную курятину, чай, пообедал и, видя, что спутница уснула, тоже закрыл глаза, подумав, что и ему не мешало бы выспаться.

Снился ему тоннель, пробитый в толще зелёного леса, и гладкие рельсы, почему-то вызывающие отторжение и беспокойство...

* * *

Самолёт сел в сингапурском аэропорту Чэнги в семь часов утра по местному времени.

Ни Савва, ни Виктория не брали с собой больших баулов, довольствуясь дорожными сумками. Причём оба выбрали формат пиквадро, только Савва – чёрного цвета, а Виктория – красного. Когда он увидел в руках женщины сумку, то даже не стал шутить, хотя такое совпадение вкусов его слегка озадачило.

Однако мужчины-спутники запаслись фирменными чемоданами на колёсиках, словно собирались поселиться в Сингапуре надолго, пришлось ждать их в зале на выходе из третьего терминала аэропорта, представлявшего собой ультрасовременное сооружение, открытое в две тысячи восьмом году и отреставрированное с использованием нанотехнологий в две тысячи семнадцатом. К зелёным в полном смысле этого слова «живым» стенам добавили великолепные

сады, а к первому в мире «Саду бабочек», в котором проживало более тысячи ярких красавиц, достроили «Сад роботов», населённый множеством смешных и необычных механических созданий. Этот сад Савва не видел, зато полюбовался на крышу главного зала, которая пропускала солнечный свет выборочно и дозированно, что сдерживало обычную для острова тропическую жару.

Чёрников и Скарабеев наконец выбрались из зоны прилёта, присоединились к ожидавшей их паре. Виктория связалась с кем-то по телефону, и вскоре они уселись в подъехавший к центральному пилону прибытия белый минивэн с затемнёнными стёклами. Это был автомобиль российского консульства.

Ехали минут сорок. От аэропорта до гостиницы Fragranse Hotel-Ruby, где остановилась делегация из России, было чуть больше двадцати километров.

Сингапур вблизи поражал воображение. Во-первых, шириной и качеством дорог и улиц, во-вторых, отсутствием пробок при полностью загруженных магистралях, в-третьих, соседством старых «колониальных» кварталов с суперсовременными зданиями, одно из которых – Icon Plaza, построенное в две тысячи шестнадцатом году, считалось самым высоким в мире⁸.

Виктория, с интересом разглядывающая архитектурные шедевры Сингапура, задержала взгляд на знакомом стрель-

⁸ 911 м.

чатом силуэте в окружении красивых «стекляшек», и встретивший делегацию сотрудник консульства, одетый, несмотря на жару, в строгий белый костюм, пояснил, заметив движение Шаховой:

– Армянская церковь Грегора-Святителя, самая старая церковь Сингапура. Есть и православная русская, но севернее. Если захотите, можем предложить экскурсию.

– После всех деловых процедур, – коротко ответил Чёрников. Он был старшим в делегации и вёл себя соответственно. Савве он не понравился сразу, хотя чем именно, сказать было трудно. Скорее всего, оценку сделала экстрасенсорика организма, редко объявлявшая причину того или иного результата.

Двухзвёздочный отель Fraganse располагался на улице Changi Road, в десяти минутах езды от отеля Raffles, в свою очередь расположенного в пяти минутах езды от центральной магистрали Сингапура – Orchard Road, почти в центре исторического и делового района города. Именно в Raffles и произошло таинственное убийство китайского бизнесмена, вложившего миллиардные инвестиции в добычу нефти по всему миру.

Несмотря на то что Fraganse считался одним из самых дешёвых отелей Сингапура, его две звезды не уступали по качеству обслуживания дорогим четырёхзвёздочным гостиницам Москвы. В этом Савва убедился тотчас же, заселившись в один из двухместных номеров (одноместных в оте-

ле не было вовсе) на четвёртом этаже, рядом с таким же номером Виктории. Неизвестно почему (спросить он не рискнул), но она предпочла экономкласс, в отличие от Чёрникова и Скарабеева, расположившихся в люксовых апартаментах, словно они состязались друг с другом в важности персон.

На приведение себя в порядок потратили полчаса. Позавтракали все вместе в гостиничном ресторане: обычный шведский стол, но с большим разнообразием блюд. Спустились к парковке, и тот же водитель с тем же сопровождающим отвезли делегацию к отелю Raffles, известному тем, что в нём останавливались многие звёзды кино и мирового шоу-бизнеса.

Отель выглядел великолепно: эдакий многоэтажный морской лайнер с вычурными колоннами центрального входа и обилием лепных украшений по фасаду.

Ещё в самолёте Савва почитал предложенный Викторией справочник и знал, что Raffles имеет три ресторана, семь баров, три кафе, кондитерскую, бизнес-центр, семь конференц-залов, бассейн, сауну, Spa-центр и множество других уголков для досуга, развлечений и спортивных занятий.

Убийство Ли Сяоши произошло сутки назад, но его тело всё ещё оставалось в отеле, который продолжал работать, как обычно, несмотря на масштаб происшествия. Правда, охрана отеля была усилена, и у всех посетителей требовали предъявить документы на входе.

Русскую делегацию пропустили без проволочек.

Чёрников и Скарабеев сразу подошли к группе гостей из Китая в центре холла.

Виктория огляделась, сделала знак Савве; она так и осталась в своём красивом брючном костюме, взяв с собой лишь сумочку.

– Посидите здесь на диванчике. Я выясню кое-какие подробности и подойду.

Савва сел на диван справа от стойки администратора, принался разглядывать холл и гулявших по нему людей. И почти сразу уловил на себе чей-то внимательный взгляд. Насторожился, однако не подал виду. Взгляд был острым, оценивающим, быстрым и нёс холод недоброжелательства, хотя Савву в принципе здесь никто не знал и ждать не мог. Его пригласили в команду неожиданно и скорее всего спонтанно.

Он расслабился, прислушиваясь к многоязычному говору вокруг, настроил экстрасенсорику, принимая со всех сторон волны чужих настроений, переживаний и эмоций. Заметил протянувшийся к нему лучик внимания, боковым зрением ощупал соседние диванчики и кресла, уловил за колоннадой группу мужчин в чёрных костюмах; судя по лицам, это были немцы или англичане. И один из них смотрел на диван, где сидел Савва.

Вернулась Виктория.

– У нас через десять минут встреча с представителями Китая и Сингапура.

– За нами следят, – бесстрастно сказал Савва.

Виктория прикусила губу, но не оглянулась, как сделала бы на её месте любая женщина.

– Верю вашему профессионализму. Для этого я и пригласила вас с собой. Сможете определить, кто проявляет к нам интерес?

– Слева за колонной тусуется четвёрка клерков из похоронной команды.

Виктория бросила на мужчин косой взгляд.

– Канадцы, прилетели раньше нас. Тут вообще собралось около двух десятков силовиков из разных стран. Всех интересуется очередное убийство нефтебарона. Проблема вышла за пределы одной страны.

И у всех свои версии развития событий.

– Фофанов утверждал...

– Я знаю, чем занимался Фофанов и что говорил.

– Не понимаю, зачем мы сюда прилетели, – признался Савва. – Криминальными разборками на таком уровне должен заниматься Следственный комитет плюс внешняя разведка.

– Они работают по другим каналам. Мы с вами не ради расследования убийства, нужна стратегическая оценка серии убийств, доклад пойдёт Карташову и президенту. Вы уверены, что нами интересуются именно канадцы?

Савва попытался выловить лучик внимания, но не смог, канадцы в строгих чёрных костюмах, и в самом деле превращавших их в похоронную команду, направились к главной

мраморной лестнице холла.

– За мной наблюдали, я в таких вещах не ошибаюсь. Если из любопытства – больше никто не обратит на нас внимания, если не случайно...

– Надеюсь, что случайно, – улыбнулась Виктория. – Если вы рассчитывали спокойно отдохнуть в Мекке азиатского комфорта, то напрасно. Покой нам только снится. Идёмте, нас ждут местные службисты.

Подошли Скарабеев с Чёрниковым, обмениваясь репликами, и четвёрка представителей российских официальных властей направилась к лестнице вслед за канадцами.

Кто-то снова посмотрел Савве в спину. Оборачиваться он не стал, но подумал с весёлой злостью, что обязательно вычислит интересанта, кем бы он ни был.

Глава 10. Золотое правило: молчи!

Кеша не любил быструю езду, поэтому на работу выезжал рано, в половине восьмого, и в Сколково приезжал на своей «Рено Боксер» шоколадного цвета за двадцать минут до начала рабочего дня. Входя в лабораторию, он не включал кофе-автомат, как делали молодые сотрудницы и аспиранты, начинавшие рабочий день с кофепития, а сразу подсаживался к своему персональному монитору и уходил в миры, которые были недоступны большинству специалистов в областях IT и космологических теорий.

Однако в нынешний четверг обычную процедуру прервал звонок директора центра Валерия Аркадьевича Лосьева.

– Иннокентий, будьте добры зайти ко мне, – сказал он непривычно сухим тоном.

– Зачем? – заикнулся было Кеша, но Лосьев уже выключил интерком.

Кеша с сожалением окинул взглядом объёмный куб монитора с мигающими внутри звёздами, повесил на экран на всякий случай заставку с морским пейзажем, закодированную, чтобы никто не влез в базу данных завлаба, и направился из общего зала с рядами столов и компьютерных модулей в кабинет директора, размышляя, зачем он понадобился начальству.

Валерий Аркадьевич Лосьев был доктором физико-мате-

матических наук, окончил в тысяча девятьсот семьдесят девятом году Ленинградский электротехнический институт по специальности «инженер-электрофизик», начал работать в техцентре «Синтез» НИИЭФА, в две тысячи втором году защитил докторскую диссертацию и уже много лет работал в Национальной дирекции ITER, стал заместителем директора «Синтеза», профессором кафедры теории систем управления ядерными реакторами и в конце концов возглавил инновационный кластер «Прорыв» в Сколково, в который входила и лаборатория развития новейших средств связи, возглавляемая Кешей.

По натуре шестидесятипятилетний профессор был человеком исключительно вежливым, выдержанным и внимательным. Никто никогда не слышал от него грубого слова. На что он мог отважиться при встрече с нерадивым сотрудником, допустившим ошибку, так это лишь укоризненно пожуричь. С Кешей он всегда был дружелюбен и уважителен, ценя в молодом завлабе мощный творческий ум и увлечённость идеями, которые генерировал радиофизик. Причину его недовольства объяснить было трудно.

Кеша добрался до кабинета директора на втором этаже комплекса, поприветствовал рыжеволосую секретаршу Антонину и, подчиняясь её жесту, открыл дверь в просторный «музей», как называли кабинет сотрудники центра, заставленный стеклянными шкафами с моделями всевозможных устройств, реакторов и машин, разработанных в Сколково.

– Слушаю вас, Валерий Аркадьевич.

Массивный, с мощными покатыми плечами и толстой шеей (в молодости Лосьев увлекался тяжёлой атлетикой), с голым бритым черепом, директор глянул на вошедшего из-под густых чёрных бровей, повёл рукой, приглашая к столу.

Кеша присел на краешек стула, являя собой пример кроткого студента, которого могли отчислить из института за неуспеваемость.

Лосьев выслушал торопливую скороговорку абонента, – он разговаривал с кем-то по скайпу, – брякнул массивной ладонью по клавиатуре, вперил немигающий взгляд в лицо завлаба.

– Иннокентий Леонтьевич, сколько вам лет?

– Тридцать... один, – растерялся Кеша, не ожидавший такого вопроса. – Скоро тридцать два будет.

– А ведёте вы себя как мальчишка.

– Извините, Валерий Аркадьевич, не понял...

– Мне доложили, что большую часть рабочего времени вы тратите на электронные игры.

– Неправда, Валерий Аркадьевич! – возмущённо выпрямился Кеша. – Я не играю на работе!

– Ну, занимаетесь теоретическими экзерсисами, не входящими в тематику работ лаборатории.

Кеша покраснел. В последнее время он действительно часто выводил на экран свой монументальный труд и мог часами зависать в пространстве личной концепции, которую на-

звал «теорией глобального моделирования вселенных». Очевидно, кому-то из сотрудников лаборатории такое увлечение начальника категорически не нравилось.

– Я... работаю... успеваю... план выполняется. Завтра я сдам отчёт о предварительных испытаниях умсорики... э-э, УМС.

– Разве испытания УМС запланированы?

– Я сделал это дома, в нерабочее время. Эффект поразительный, вы не представляете...

– Очень хорошо представляю. Вы человек умный, креативный, способный, увлекаетесь разными сложными идеями, но если будете и дальше разбрасываться, искать решения задач, не связанных с нашей тематикой...

– Вы меня уволите.

– Нет, просто вы не достигнете того положения, которого заслуживаете. Бросьте заниматься этой вашей парадигмой глобального моделирования, она мешает вам прогрессировать. Кстати, в двух словах, что это такое?

Кеша оживился.

– Вы знакомы с последними физическими теориями?

Лосьев пошевелил бровями, что выглядело довольно устрашающе.

– Какими именно?

– Петлевая квантовая теория гравитации, теория радужной гравитации, теория струн, М-бран... и так далее.

– Я не физик-теоретик, но многое изучал.

– Извините, я задал дурацкий вопрос. По стандартной космологической модели наша Вселенная родилась в результате Большого взрыва почти четырнадцать миллиардов лет назад, но это не так. Вернее, – поправился Кеша, – я думаю иначе.

– Голографический мираж?

– Что?

– Из последних новостей по этой теме мне близка идея Маркуса Чауна⁹ о том, что мы живём в голограмме.

– Хорошая идея, – согласился Кеша снисходительно, – но я занимаюсь другой теорией, озвученной Ником Бостромом¹⁰ ещё в две тысячи третьем году и дополненную Силасом Бином.

– Божественный компьютер? – не менее снисходительно улыбнулся Валерий Аркадьевич.

– Так его называли журналисты, – хихикнул Кеша, воодушевлённый благожелательной реакцией шефа. – Ещё Станислав Лем в тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году предположил, что человечество сможет построить в компе модель Вселенной, потом де Ситтер, Фридман и Бин, а за ними Давоуди и Сэвидж¹¹ заявили о возможном искусствен-

⁹ Маркус Чаун (р. 1959) – английский радиоастроном.

¹⁰ Ник Бостром (р. 1973) – шведский философ.

¹¹ Де Ситтер, Джером Фридман, Силус Бин, Зохран Давоуди, Мартин Сэвидж – современные американские и германские физики, специалисты по квантовой физике и физике высоких энергий.

ном происхождении нашей Вселенной. А я доказал, что это истина!

– Так уж и истина. Докажите мне.

Кеша унял восторг, пригладил вихор на виске.

– В двух словах не получится.

– Вы постарайтесь.

– Началось всё с того, что в спектре космических лучей обнаружился обрыв... то есть высокоэнергетические частицы, взаимодействуя с фотонами фонового микроволнового излучения, на определённом этапе теряют энергии, будто исчезают за краем... чего-то.

– Не начинайте с азов.

– Прошу прощения, я не специально. Главным аргументом того же Бострома было расширение Вселенной, которое на всех уровнях измерений считалось равномерным, несмотря на то что галактики «разбегаются» с возрастающими скоростями.

– Ещё короче, суть вашей идеи, без экскурсов в прошлое.

– По моей теории «квантовая пена» пространства с размерами квантов, равными планковской длине, и есть размерная сетка, по которой кто-то создавал нашу Вселенную. Доказательств предостаточно. Все «стрелы времени» подтверждают этот тезис: космологическая, термодинамическая, биологическая, электромагнитная и гравитационная, а также с безумной точностью оптимизированная скорость расширения домена, точность подгонки масс элементарных частиц и

так далее, и так далее. Все эти факты говорят в пользу глобальной программы, по которой мы и живём.

– Где? – с любопытством спросил Лосьев.

– В компьютере, конечно.

– В каком?

– Вы же сами сказали, – расплылся в улыбке Кеша, – в божественном. Хотя есть мнение, что Создатель смоделировал наше Мироздание в своём сознании. Я лично придерживаюсь другого мнения: Творец и наша Вселенная находятся вне друг друга, то есть наш мир – иллюзия, виртуальная реальность в компьютере. Ведь мы тоже делаем попытки моделировать вселенные в компьютерах, когда играем в игры. Почему бы и богу не заняться тем же?

– Зачем?

– Да ради удовольствия хотя бы.

Лосьев покачал головой.

– Компьютерные игры и в самом деле иллюзорны.

– Потому что наше мышление есть всего лишь отражение процессов иного уровня, мы ещё не достигли того совершенства, чтобы строить сверхсложные метавселенные. Но когда-нибудь дойдём и до этого, если не уткнёмся в информационный предел.

– Какой предел?

– Предел Шеннона, диктующий скорость обработки информации. Хотя попытки изменить ситуацию делаются. Уже сейчас видно, что Интернет становится вчерашним днём, об-

лачные технологии, которые только и смогут обойти Шеннона, убьют его. За ними будущее.

Директор снова покачал головой. Горячность Иннокентия его не только забавляла, но и, судя по мине на лице, огорчала.

– Давайте договоримся, Иннокентий Леонтьевич, теории теориями, а план и график работы прежде всего. Не возбуждайте сотрудников лаборатории своими головоломными играми, люди завистливы и ревнивы, а у вас под началом почти три десятка человек.

– Я же успеваю сдавать...

– Тем более будут завидовать. К тому же ваша теория глобального моделирования небезопасна, у неё могут быть противники, которые отреагируют на ваши занятия негативно. Понимаете, о чём я говорю?

– Нет.

– Версия об искусственности нашей Вселенной давно муссируется в околонаучной литературе, так что вы не первый. Никто ещё не доказал, что наш мир – всего лишь модель в «господнем компьютере».

– Я доказал! Я даже вычислил тактовую частоту этого компа – два на десять в сорок пятой степени! Именно такая требуется для расчёта каждого шага модели. Если его выключить – для нас наступит самый настоящий конец света!

– Вот именно, молодой человек. Ваши расчёты могут повлиять не только на оппонентов теории, но и на самого со-

здателя Мироздания, а как он отреагирует – одному богу известно. – Лосьев пожевал губами, оценивая собственный тавтологический неологизм, усмехнулся. – Да, таким вот образом. Вдруг вас заревнуют как слишком умную и самостоятельную подпрограмму в игровой программе?

Кеша недоверчиво посмотрел на тяжёлое лицо директора, протёр очки, водрузил на нос.

– Вы... меня разыгрываете? Или верите в истинность моей теории?

– В нашем информационном континууме ничто нельзя отвергать. Но сделайте так, как я прошу, удалите все ненужные файлы с рабочего стола.

– Хорошо.

– Агентство «Р-ТЕХНО» предложило нам поработать с ликвидацией компьютерных вирусов. Речь идёт о червяке Stuxnet-M. Вы в курсе, о чём идёт речь?

– Конечно, его прототип создали ещё десять лет назад, он сильно погулял по иранским компам, управляющим ультрацентрифугами по обогащению урана. Да и потом проявлялся в Бушере на атомной электростанции, а также в России и в Китае.

– Значит, понимаете сложность проблемы. Этот червь добрался до наших газопроводных систем и подбирается к самолётам, по сути, началась кибервойна.

– Я знаю.

– Вот и займётесь в ближайшее время, вместе с лаборато-

рией Касперского. Времени на вашу теорию у вас не будет. Кстати, интересно, с вашей точки зрения, если наша цивилизация является программой в «господнем компьютере», как в ней возникают вирусы? И что они собой представляют?

Кеша восторженно, собираясь поделиться с директором центра своими соображениями на этот счёт, но уловил в глазах Лосьева скептический огонёк и прикусил язык.

– Не думал.

– Идите, Иннокентий Леонтьевич, и будьте повнимательней к сотрудникам.

– Обязательно, Валерий Аркадьевич. – Кеша встал, поклонился и вышел из кабинета, унося застрявший в спине взгляд шефа, ставший рассеянно-задумчивым. Уже в коридоре он додумал мысль, которую собирался озвучить в ответ на вопрос Лосьева о носителях вирусов: вирусы в нашем мире вполне могут быть людьми.

До обеда он занимался чисткой компьютера от «лишних» файлов и переноской записей на диски и флэшки. Пообедал в компании с замом Игорем Семёновичем, вернулся в лабораторию и обнаружил, что все диски и флэшки, оставленные им в столе, исчезли.

Кеша застыл над открытым ящиком, не вполне осознавая, что произошло, начал судорожно рыться в остальных ящиках, на столе, на диванчике, где тоже лежали диски, однако записи отыскать не смог. Лишь одно обстоятельство уберегло его от сердечного приступа – наличие материалов в

домашнем компьютере. Но и без того настроение упало до плинтуса, так как ни один из сотрудников не видел того, кто забрал диски. Впервые Кеша пожалел, что он не имеет отдельного кабинета, поскольку по модным нынче веяниям открытости контроля трудового коллектива все рабочие места помещений центра отделялись только невысокими стеночками и прозрачными панелями, да и то далеко не всегда. Лаборатория Кеша в этом смысле не представляла исключения, он видел всех, кто занимался делами, и сотрудники также видели своего начальника. И при этом никто из них не признался в содеянном и не следил за его столом.

О краже он всё-таки заявил секретарше директора, хотя понимал, что найти и вернуть диски не удастся. Тот, кто сделал это, подготовился хорошо, а главное – знал, что берёт. Другие материалы в Кешинном столе оказались нетронутыми.

Снедаемый нетерпением, он погнал машину домой, не обращая внимания на следующий за ним серый «Лексус». Пришло ощущение тревоги, сопровождаемое странным чувством раздвоения личности, будто вместе с ним происходящее переживал ещё кто-то, сидящий в голове.

Добравшись до квартиры, Кеша ворвался в спальню-кабинет и застыл на пороге, глядя на раскиданные по всему полу, по кровати и тумбочкам, по столу коробочки из-под дисков и сами диски, безжалостно вывернутые из коробок, книги, папки и листы бумаги. Компьютер работал, хотя утром Кеша его не включал, куб экрана напоминал клуб тумана стро-

гой геометрической формы с плавающими внутри электрическими змейками.

Во рту пересохло. Кеша метнулся к столу, активировал клавиатуру и через несколько секунд понял, что вся база данных, в том числе программные файлы на большом диске, стёрта! Компьютер превратился в «пустое железо», не способное выполнять функции вычислителя, собеседника и хранителя информации. Мало того, пропал и стоявший на столе прототип умсорика, который он оставил дома без всякой задней мысли, надеясь, что в квартиру никто не сможет залезть.

Кеша рухнул на диван, давя диски и флэшки.

Подхватился, снова начал искать свои наработки, пока не убедился, что его усилия напрасны. Похитители точно знали, над чем он работает, проверили аккаунты, обойдя все шифры и пароли, запустили в компьютер вирус, который стёр всю информацию, и убрались, захватив записи на дисках. А записи от руки Кеша не вёл давно, забыв, как это делается, ещё со школы.

Конечно, он помнил свои расчёты и умозаключения и мог их восстановить, но было до слёз жаль потраченного времени и сил, а полное восстановление текста теории по памяти вообще было невозможно.

– Убью! – пообещал он неизвестно кому, борясь с подступившими к глазам слезами. Справился, подумал трезво, что не сможет этого сделать. Воинствующим «ботаником»,

каким таких людей изображали юмористы: волосы всклокочены, очки на пол-лица, блуждающий взгляд, истерические губы, дай такому танк – проедет через детсад, давя детей и воспитателей, не заметив этого, – Кеша не был. Фанатиком дружбы с компьютером – был.

Надо позвонить Савве, подумал он отрешённо.

И тотчас же в ухе засвистел мелодию «Венского вальса» надик – крохотный динамик айкома.

Кеша выключил его мысленным усилием, сказал вслух:

– Алё?

– Рудницкий? – раздался незнакомый мужской голос, тягучий и неприятный.

– Да, – подтвердил он. – Кто это?

– Неважно, послушайте. Вам скинут по имейлу материал, обдумайте предложение и ответьте.

– Какой материал? – не понял он. – Какое предложение?

– Работать с нами. Все ваши разработки у нас, в том числе и умсорик. Согласитесь работать – получите всё обратно.

– Да кто вы такие, чёрт побери?!

– Читайте, ждём ответа.

– У меня комп пустой...

– Файл перезагрузки сохранён, найдите и включайтесь.

– Но я хотел бы...

– Ждём. – Голос умолк. В ухе задрезжали металлические хлопья отбоя.

– Чёрт! – стукнул Кеша кулаком по колену.

Вскинулся, подсел к столу, прошёлся пальцами по клавиатуре, оживляя «Эльбрус». Спустя минуту нашёл файл перезагрузки, запустил. В глубине видеокуба всплыл чёрный свиток, развернулся в чёрный лист с белыми буквами текста.

Кеша, мимолётно подивившись способу подачи письма, прочитал текст, пошевеливая мышкой.

Ему предлагали рассчитать оптимальный вариант ликвидации нефтегазовой промышленности в масштабе всего мира! Начало было положено серией убийств крупных нефтяных магнатов и авариями на нефтедобывающих платформах, которые стали случаться всё чаще и чаще. Кеша должен был рассчитать новые аварии и гибель нефтяников, найти способы гарантированного пресечения нефтедобычи и перехода цивилизации на новые источники энергии. Ни больше ни меньше.

– Обалдеть! – проговорил он, вытаращив глаза. – Они что, с ума сошли?!

Чёрный лист с текстом предложения внезапно вспыхнул и сгорел за несколько мгновений. Вместо него экран выдал другой свиток, алого цвета, который развернулся в красный лист с белыми буквами следующего сообщения: «Время для размышления – три дня. Отказ от предложения будет означать отказ от сотрудничества со всеми вытекающими последствиями. Согласие даст возможность работать на более высоком уровне».

– Щас, разбежался, – выговорил ошеломлённый Кеша. –

Кто вы такие, чтобы я с вами сотрудничал?

Словно услышав его ответ, алый лист в экране сгорел так же быстро, как и чёрный до этого. Вместо него появился чёрный паучок, увеличился, разворачиваясь в слово из трёх русских букв: ПСП. Кеша прочитал слово вслух, добавил:

– Ну и что это значит?

Слово съёжилось до размеров ногтя, исчезло.

Кеша подождал продолжения, но его не было. Тогда он клацнул клавишей, чтобы посмотреть обратный адрес абонента, и увидел в мейл-папке то же слово ПСП, плюс код почтовой службы: @mail.com. Была ли это аббревиатура фамилии, имени и отчества адресата или название фирмы, Кеша не знал.

– Чёрт с вами! – сказал он, но уже спокойнее, так как вспомнил, что неведомый абонент обещал ему вернуть работу и опытный экземпляр умсорики. Может, и в самом деле стоит с ними по-хорошему? Чтобы отдали украденное? Подумаешь, он предложит им метод перехода на иные источники. Это же не криминал, наоборот – Нобелевкой пахнет.

Или тюремным сроком, язвительно отозвался «второй ум» Кеши, отвечающий за ориентацию в реальной жизни, звони Савве, надо посоветоваться.

И Кеша набрал номер Саввы.

Глава 11. Сингапур навывлет

День прошёл в суете.

Встречались с представителями власти Сингапура, с полицейскими, расследующими убийство Ли Сяоши, с китайской делегацией и с американцами, имеющими к этому делу свой интерес. Как сказал Чёрников: что бы где ни происходило – ищи американский след. А Савва добавил про себя: какой бы криминал ни вскрылся – ищи руку Вашингтона. Можно было бы посмеяться над такими заявлениями, если бы они не отражали истины. Все, чего касались «длинные руки» спецслужб США, разрушалось, погибало, исчезало, превращалось в чёрный омут заговора против человечности и справедливости.

Освободились в половине девятого вечера. Савва давно хотел спать, так как в России на широте Москвы время приближалось к четырём часам ночи, но Виктория не выглядела уставшей, и он предложил ей ознакомительную экскурсию по Сингапуру, тем более что сотрудник российского консульства ждал их решения.

– Хорошо, покатаемся, – согласилась женщина. – Подождите меня пару минут.

Она отошла к стойке администрации отеля – за весь день так и не удалось из него выбраться, – поговорила с Чёрниковым и вернулась.

– Поехали, час в нашем распоряжении.

– За час мы ничего не увидим, – с сожалением сказал сотрудник консульства по имени Дмитрий. – Я месяц путешествовал по городу, прежде чем научился ориентироваться.

– Месяца у нас нет. В десять тридцать нас ждут в офисе китайской делегации. А в пять утра – обратный вылет.

Спустились в подземный паркинг отеля, заняли места в минивэне: Виктория села рядом с Бекасовым, что было приятно. Машина выехала на улицу напротив отеля.

– Что узнали? – спросил Дмитрий.

– Укол в шею отравленной иглой, – ответила Валерия. – Задержана бригада обслуживания. Никто не взял вину на себя, никто ничего подозрительного не помнит. Следов никаких.

– Странно.

– Ничего странного, этого стоило ожидать. Канадский нефтяной барон Дженкинс убит тем же способом. Один и тот же почерк. Охота на нефтяных бизнесменов началась серьёзная.

– Конкуренты?

– Не знаю. – Виктория проводила рассеянным взглядом вычурной формы небоскрёб. – Не видно системы. Конкуренты убирали бы дельцов определённой компании, а фактически затронуты шесть разных компаний.

– Надо вычислить, кому это выгодно, – помимо воли проворчал Савва.

Дмитрий и Виктория посмотрели на него.

– Американцы уже обвинили во всём русских, – скривила губы помощница секретаря Совбеза. – С началом серии убийств начался беспрецедентный рост цен на нефть, а это и в самом деле выгодно для России.

– Хорошо продуманная тактика, – кивнул Дмитрий. – Вымазать в дерьме, пусть отмываются. Надо подключить все наши службы.

– Занимаются люди.

– А вы что делали?

– Договорились со всеми заинтересованными сторонами о совместном расследовании инцидента и координации противодействия нефтяному террору.

– Звучит как название блокбастера: «нефтяной террор».

– Дима, вы обещали показать город, вот и показывайте.

– Извините. – Дмитрий перестал отвлекаться.

В течение часа с четвертью они колесили по Сингапуру, уже не удивляясь отсутствию пробок. Машин в городе было несметное количество, но каким-то волшебным образом все они двигались со средней скоростью пятьдесят километров в час и в заторы не попадали.

Сингапур вечерний поражал обилием световых реклам и красивым освещением фасадов зданий. Старые кварталы в колониальном стиле перемежались комплексами современных небоскрёбов, храмов и зелёных парков. Основные туристические достопримечательности города располагались в

трёх районах: Раффлз-Квай, где стояла гостиница Raffles, Блаканг-Мати (остров Сантоса) и Джуронг. Дмитрий провёз гостей по всем трём районам, показывая лучшие, с его точки зрения, места.

Постояли у внушительного здания Импресс-Плейс-Билдинг, сооружённого в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году в викторианском стиле, нынче здесь располагались музей, художественные галереи и ресторан, проехали здание Парламента девятнадцатого века, англиканский собор Сент-Эндрю, институт Сент-Джозеф, вызвавший у Виктории восхищение красотой геометрических форм. Объехали по кругу Сьюприм-Корт и Сити-Холл, обогнули район небоскрёбов Сингапур-Лэнд-Тауэр, проехали по мостам Бенджамина Шварца и Норт-Бридж, вдоль побережья с лодочными районами Кларк-Квай, а также оценили красоту улицы небоскрёбов Орчад-роуд с её дворцами Леранакан и Истана и храм Четтиар-Хинду.

Время поджимало, поэтому на знаменитый отель «Марина Бэй Сэндс» с его тремя башнями, накрытыми гондолой роскошного парка с бассейнами и кафе на высоте двухсот метров, полюбоваться не удалось.

В «Раффлз» вернулись за пять минут до встречи, о которой говорила Виктория, усталые, но довольные, так что Виктории пришлось подниматься на второй этаж отеля без захода в блок бытового обеспечения.

Савва хотел сесть на диван в холле, предварительно заско-

чив в туалет, но Виктория решила иначе.

– Идёмте с нами, не помешаете.

Поднялись в один из конференц-залов, освещённый спрятанными в стенах флуоресцентами.

Вопреки желанию Виктории Савву в зал не пропустили.

– Вы не заявлены, – сказал ему, заступив дорогу, на плохом английском один из рослых полицейских в мундирах песочного цвета.

Савва озадаченно глянул на прошедшую в зал Шахову. Она вернулась.

– В чём дело? Это сотрудник российского посольства.

– Он не заявлен в списке приглашённых, – упрямо сказал верзила-сержант.

– Я ему даже удостоверения не успел раскрыть, – сказал Савва. – Они что, всех гостей в лицо знают?

Подошёл Чёрников.

– Что случилось?

– Не пускают. – Виктория достала из сумочки своё удостоверение. – Я специальный помощник...

– Подожди, – остановил её Чёрников. – Нет смысла спорить. Присутствие Бекасова на встрече не обязательно, чего копы ломать.

– Я хотела...

– Пусть ждёт. – Чёрников прошёл в зал.

Виктория примирительно улыбнулась.

– Не обижайся, позже разберёмся, что происходит.

– Да без проблем. – Савва спрятал досаду в глубине души, смерил взглядом смуглое непроницаемое лицо представителя законопорядка, терпеливо дождался, когда все члены совещания пройдут в зал и дверь закроется, сказал по-английски, тихо и задумчиво: – На идиота ты не похож, парень, кто тебе приказал задержать лично меня?

Лицо сержанта стало лиловым, но сдерживаться он умел. Не отвечая Савве, глянул на дюжего напарника. Тот придвинул к губам бусину микрофона на усике, проговорил на малайском языке. Савва понял лишь два слова: «русский» и «здесь».

Он поднял брови, осознав, что речь идёт о нём, огляделся. Коридор отеля с дверями в конференц-залы почти опустел, последние гости разошлись, остались лишь полицейские и парочка мужчин в штатском, скорее всего олицетворявших службу охраны. Да у панорамного окна стоял спиной к залу араб в бурнусе.

Словно почуяв взгляд Бекасова, араб оглянулся, и Савва с удивлением узнал в нём майора Петрова, начальника УВД Норильска.

Впрочем, лицо у араба было посмутнее простоватого лица Петрова, да и не мог он находиться в Сингапуре ни под каким предлогом, и Савва подумал, что ошибся.

Двойник Петрова прищурился, кивнул ему как старому знакомому, подошёл, заговорил на хорошем английском:

– Господин Бекасов, вы так хорошо зарекомендовали се-

бя в известных обстоятельствах, что мы решили продолжить беседу. Я уполномочен предложить...

– Кто – мы? – перебил его Савва.

Лже-Петров сбилсся, помолчал, буравя лицо Саввы блеклыми глазками.

– Предложение, озвученное вам господином Фофановым, остаётся в силе. Надеюсь, вы его помните.

– Фофанов сумасшедший!

– Он стал сумасшедшим после выселения, провалив дело. От таких работников мы избавляемся.

– Что значит – после выселения?

По толстым губам собеседника скользнула гаденькая улыбочка.

– Он был запрограммирован, программа удалена, носитель получил психическую травму.

Савва иронически дёрнул уголком губ.

– Я так и предполагал. Жёстко работаете. Где гарантии, что и мне после какой-нибудь неудачи не удалят память? Или что там вы удаляете?

– Если мы договоримся...

– Не договоримся, господин хороший. Нет вам веры. И я уже говорил, что такими методами заставить человечество «прогрессировать» не удастся. Как бы вы ни оправдывали свою деятельность, прежде всего вы – убийцы! А я с убийцами не работаю, даже с самыми благими намерениями.

Лицо «араба» потемнело.

– Вы отдаёте себе отчёт?

– Очень конкретно.

– Не бойтесь, что вас постигнет та же участь? – «Араб» кивнул на дверь конференц-зала.

– Вы мне угрожаете?

– Предупреждаю.

Савва смирил свой гнев, усмехнулся почти философски.

– Все мы под богом ходим. Никто не застрахован от отравленной иглы. И вы тоже. – Последние слова он подчеркнул, изменив тон.

– Вы пожалеете.

– Вы пожалеете больше.

Двойник Петрова перевёл взгляд на полицейских, делавших вид, что их ничего не касается, кивнул и пошёл прочь по коридору.

– Вам придётся пройти с нами, – сказал первый страж порядка, попытавшись взять Савву под локоть.

Майор легко вывернул руку, сам особым приёмом захватил пальцы сержанта, вывернул, заставив его охнуть, позвал «араба»:

– Господин Петров!

Собеседник в бурнуса приостановился, будто наткнулся на невидимое препятствие, оглянулся.

– Я не знаю, кто вы, под чьей личиной действуете, – продолжил Савва, – но лучше прикажите своим солдатам не связываться с русской делегацией. Будет больно, и в первую

очередь вам лично. Мы здесь не одни.

Лже-Петров окинул взглядом коридор, глянул на присевшего сержанта, на его напарника, начавшего искать кобуру пистолета, повёл рукой и снова двинулся к главной лестнице отеля.

Савва отпустил сержанта, поднял палец, останавливая второго полицейского.

– Дипломатическая неприкосновенность, уважаемый! Вам нужен международный скандал? Не стоит продолжать, у вас будут большие неприятности. Выполняйте свои обязанности.

Полицейские переглянулись, отступили.

Никакой дипломатической неприкосновенности у Саввы не было, но стражи порядка не рискнули проверить его документы, тем более что он не был ни в чём виноват.

Спустившись в холл, Савва заказал кофе, незаметно осматриваясь и прикидывая, не собирается ли кто-нибудь исполнить угрозу двойника Петрова (если только это не был сам Петров), ничего подозрительного не заметил и сел в уголке дожидаться окончания встречи руководителей делегаций.

Виктория спустилась к нему через сорок минут, присела напротив.

– Всё нормально?

Он качнул головой.

– Не знаю, что и думать.

– То есть? – сузила глаза женщина.

– Ко мне подошёл араб, очень похожий на одного знакомого из Норильска. Я даже сначала принял его за переодетого агента.

– Подробней.

Савва поведал собеседнице историю о переговорах с «арабом Петровым».

Виктория погрузилась, поглядывая на спускающихся по лестнице в холл мужчин.

– Майор Петров... дьявольщина! Это явно ПСП.

– Что?

– Тебе грозит нешуточная опасность. Поговорим об этом без свидетелей. Есть не хочешь?

– Перекусил бы... а ещё лучше – выпил бы холодного кваску.

– С квасом здесь напряжно. Едем в свой отель, посидим в ресторане и будем собираться в обратную дорогу.

– А наши спутники?

– Они будут добираться в аэропорт самостоятельно.

Савва расплатился за кофе и поспешил вслед за Викторией.

Дмитрий терпеливо ждал их в машине.

Ехали в гостиницу молча. Виктория думала о чём-то, поглядывая в окно, и Савва решил её не отвлекать.

В холле гостиницы разделились: спутница поднялась к себе, обещав спуститься в ресторан через десять минут, Савва

навестил свой номер, с удовольствием подставил голову под струю холодной воды.

Встретились ровно через десять минут у входа в ресторан, предложили Дмитрию поужинать, но он отказался, сказав, что будет ждать в машине.

Выбрали столик у стеклянной стены с видом на город.

Шёл двенадцатый час ночи, и посетителей в ресторане было немного, от силы два десятка человек, в основном гости Сингапура из Европы, судя по «демократической» одежде и говору. Все они вели себя тихо, за исключением компании в жёлтых шортах и синих рубашках и футболках, разговаривающих с громким хохотом на украинском языке.

В зале играла тихая музыка, причём «живая»: негр играл на саксофоне, ему аккомпанировал на пианино и одновременно на ударниках пожилой европеец с бледным лицом. Две пары – пожилые джентльмены и не менее страшные дамы – танцевали.

– Больше он ничего не сказал? – напомнила Виктория, когда они заказали ужин: она выбрала морской салат с крабами, креветками, кальмарами и цукини, он – отварную осетрину с зелёной фасолью и соусом песто. От вина оба отказались, настроение было минорным.

– Ничего, – ответил Савва. – Что такое ПСП?

– Программа сужения параметра.

– Какого параметра?

– Нашу деятельность кто-то пытается ограничить. Пред-

ложение Фофанова, а теперь... – Виктория слабо улыбнулась, – «майора Петрова» по сути – ультиматум. Не согласишься работать с ними, команда ПСП начнёт тебя нейтрализовывать.

– Я уже отказался.

– Может быть, ты сделал ошибку.

Савва отложил вилку.

– По-твоему, я должен был заняться мочиловом нефтяников?

Виктория ответила не сразу. Его переход «на ты» дался легко и остался ею незамеченным.

– Ты мог бы выяснить, кто конкретно входит в команду, кроме Фофанова, Петрова и Тогоева, а главное – выйти на командира ПСП. В этом случае нам удалось бы снивелировать весь замысел. – Виктория занялась едой, добавила через минуту: – Хотя, честно говоря, я не уверена. ПСП – сволочная программа, самовосстанавливающаяся, её практически невозможно остановить или изменить.

Савва подождал продолжения.

– Я хочу знать обо всём этом подробнее. Что за программа, кто её запускает, кому выгодно убивать нефтяников, чья это разработка. Снова американцы? Или китайцы?

– Ни те ни другие.

– Кто тогда? На кого работает Петров? И Петров ли это был?

– В своё время узнаешь.

Савва сжал зубы. Ореол таинственности, окутывающий последние события, ширился и искрил, а он ровным счётом ничего в этом не понимал. Это бесило.

– Хорошо, подожду.

– Не обижайся, – уловила его чувства Виктория. – Я сама не всё знаю. Возьми под опеку Рудницкого, ему тоже грозит опасность, может быть, больше, чем тебе.

– Почему?

– Он влез в святая святых управления программой метареальности, раскрыл тайну её симуляции, добрался до конкретного исполнителя, готов доказать всему миру правильность своей идеи моделирования Вселенной... что является прямой утечкой информации об истинном положении вещей из компьютера оператора. За него возьмутся всерьёз... Если уже не взялись.

– Позвоню в самолёте, спрошу, как дела.

Словно услышав обещание, в ухе зазвонил айком.

– Привет, Сав, – заговорил голос Кеши, – не спишь?

– Только что о тебе говорили, – признался майор, ткнув пальцем в ухо, одними губами проговорил: «Кеша»; Виктория кивнула. – Как дела?

– Голова пока цела, но, понимаешь, – Кеша замялся, – я бы не позвонил... да тут началась фигня.

– Слушаю.

Кеша рассказал о разговоре с директором центра, о краже рабочих материалов на работе и пропаже умсорики дома.

– Потом мне позвонили и предложили работать по спец-программе, обещали вернуть все доки.

– Кто?

– А фиг знает! Какой-то ПСП, адрес в компе остался. Я должен ответить по имейлу.

У Саввы невольно вырвался изумлённый возглас:

– ПСП?!

– Ну да, буквы русские, а почтовый интерфейс забугорный.

Савва посмотрел на замершую Викторию, досчитал до пяти.

– Когда нужно дать ответ?

– Дали двое суток.

– Ни с кем на эту тему не трепись! Я прилечу утром, подъеду, обсудим проблему. Что ещё?

– Понимаешь, они всё украли, комп зачистили...

– Не переживай, невозстановимых связей не бывает. Мы их найдём.

– Ты думаешь?

– Уверен! Жди. – Савва выключил айком, встретил взгляд Виктории. – На Кешу наехали, забрали все его выкладки, расчёты, тексты.

– Я поняла. ПСП?

– Он так сказал.

Виктория покачала головой.

– Ничего «черви» не боятся. Значит, кто-то разработал

глобальную программу коррекции. Будем разбираться.

К столику подошёл не очень молодой мужчина с брюшком и седоватой порослью на щеках, одетый в жёлтые шорты и голубую футболку с портретом Бандеры. Не глядя на Савву, он протянул руку Виктории, проговорил на «великом укроп-наречии»:

– Пийдемо потанцуемо, гарна дивчина.

Виктория посмотрела на Савву.

– Не танцюю.

– Та не кочевряжься, чай не принцесса, я гопак заказав.

– Дядя, дивчина не танцует, – сказал Савва, сдерживаясь. – По-русски говорите?

Мужчина перекатил на него глаза-сливы.

– Шо казав?

– Не начинай, – тихо проговорила Виктория.

Подзаросший кавалер посмотрел на неё, снова протянул ручищу, норовя взять за плечо.

– Пийдемо станцуемо, слава Украине! Титьки хороши, мене глянулись.

Савва стремительно ухватил «щирого укра» за ухо и за шею, согнул, повёл в полуприседе в зал, ища глазами компанию «любителей титек», нашёл троих таких же «добрых хлопцев» в жевто-блакитном одеянии, подвёл к ним взывавшего приятеля, силой усадил на стул. Оглядел дивившуюся на него компанию.

– Сидеть тихо! Это вам не Львов и не Киев! Местной по-

лиции до фонаря, что вы с незалежной Украины, посадят и с вашими бандеровскими рожами! Как поняли? Звать охрану?

– Отпусти! – прохрипел «танцор».

– Звать?

– Та мы що, завжди уважаємо, маємо на увазі, – заговорил ражий «укр», на майке которого красовалась надпись: «УПА-УНСО». – Тыхенько поснидаємо.

Савва отпустил хрипевшего «танцора».

– От себя обещаю: начнёте качать права – поломаю руки-ноги! Вняли? Чтоб через три минуты духу вашего здесь не было!

Савва вернулся к столику, прислушиваясь к начавшейся за спиной перебранке «братьев-славян»: «Он мне ухо оторвал!» «Хорошо, что не яйца...» «Дал бы под дых!» «Щас пойду и по харе врежу!» «Сиди, на нас обслуга смотрит...»

– Легче стало? – поинтересовалась Виктория.

– Ненавижу, когда унижают, – пробормотал Савва. – Надо же, повезло, нарвались на хохлов-нациков в ресторане Сингапура! Я сначала подумал – не ПСП ли...

– Уровень другой, обыкновенное быдло.

– Извини.

– Заканчиваем, надо ещё успеть собраться.

Делегация украинских туристов убралась из ресторана через несколько минут.

Савва боялся, что они, затаив злобу на «москалей», полезут в драку за пределами ресторана, однако всё обошлось,

потомки «героя Украины» Степана Бандеры, убийцы и предателя, не рискнули связываться с русским майором, справедливо рассчитав свои силы и возможности.

Через полтора часа Савва и Виктория высадились в аэропорту Чэнги, попрощались с Дмитрием и пошли искать в VIP-зале Чёрникова и Скарабеева.

В начале шестого утра по местному времени самолёт взлетел и взял курс на Москву.

Глава 12. Кофейный экстрим

Владельца сети кофеен Double С в Москве Виктора Грозмана, у которого Лилия работала специалистом по связям с инвесторами, можно было безошибочно назвать «кофейным экстремалом». Принцип «только кофе, и ничего, кроме кофе» Грозман исповедовал во всех своих заведениях, назло всему рынку, давно отстаивавшему точку зрения продавцов, что одним кофе сыт не будешь. И ему уже больше десяти лет удавалось соблюдать «чистоту жанра».

Виктор Грозман старался контролировать весь цикл движения кофе от поставщика в чашку: импортировать зелёное зерно, делать собственную обжарку и подавать кофе в своих «особых» заведениях типа «Коферум», «Кофесмысл» и «Брю-бар»¹². Это позволяло повышать качество продукции и расширять ассортимент привозимого из всех выращивающих кофе стран: Кении, Эфиопии, Бразилии, Малайзии и других.

Лилия начинала свою карьеру в компании с внедрения брю-баров. Их отличие от большинства кофеен состояло в том, что кофе там варили не только с помощью эспрессо-машин, но и альтернативными способами, в том числе «медленными заварками», появившимися в начале двадцать первого века сначала в Америке, потом в Европе и добравшимися

¹² Брю-бар – от слова brew (англ.) – заваривать.

ся до России. Способы назывались по-разному: аэропресс, кемекс, сифон, пуровер, баттл, но суть оставалась та же – кофе заваривался в стеклянных сосудах, похожих на графин для декантации вина, либо в гейзерных кофеварках, что напоминало химические опыты в школе.

Правда, Грозман утверждал, что самым популярным напитком среди любителей кофе оставался капучино, однако это обстоятельство не помешало Лилии доказать правомерность изготовления авторских напитков, подчёркивающих состоятельность всей компании на российском рынке, и подняться до уровня экаунт-директора Double C.

Утро в четверг двенадцатого августа началось для Лилии с посещения флагманской кофейни «Вигро» в Милютинском переулке. Раз в месяц бариста – профессиональные варщики кофе – собирались там на каппинг – тестирование молока. После ограничения импорта в результате западных антироссийских санкций финское молоко пришлось замещать отечественным, и прошло достаточно много времени, прежде чем нашёлся поставщик, качество молока которого устроило руководство компании. И клиентов, разумеется. Однако не всё с этим было гладко, надо было постоянно снижать стоимость затрат, поиски поставщиков продолжались, и каппинг себя оправдывал.

Лилия, одевавшаяся безукоризненно, следовавшая всем правилам идеального образа (у вас пышный наряд? причёска должна быть гладкая, и наоборот), весело поздоровалась

с собравшимися бариста, молодыми, модно одетыми (многие из них оканчивали институты, никак не связанные с кофе-бизнесом, половина – мужчины), толпившимися у стойки бара, и все начали рассаживаться за столики. Всего в нынешнюю пятницу собралось пятнадцать человек.

Лилия села тоже, рядом с заместителем директора компании Ванессой Римской. Ванесса была старше её на двадцать лет, однако, несмотря на возраст и «крокодилию» внешность, носила короткие юбки и обтягивающие платья, не стесняясь своих не по-женски мускулистых ног.

Перед всеми поставили высокие стаканы с молоком.

– Рязанская Чёрнава, – объявил менеджер по импорто-замещению Феоктист Кошкин, тряхнув роскошной гривой чёрных волос.

Шутки и смех за столом стихли. Бариста дегустировали молоко.

– Органолептические показатели в зоне первого класса экологической чистоты, – добавил Кошкин.

– Вкусно, – сказала Лилия.

– Так себе, – поморщилась Римская. – Слишком жирное.

Послышались голоса остальных заварщиков:

– Неплохо...

– Мне кажется, или оно и в самом деле сеном пахнет?

– Действительно вкусное, с горячим хлебушком бы его...

– Надо проверить на кипячение...

– А жирность можно убавить.

– Можайское, – объявил Кошкин. – Третий комбинат.

Вслед за молоком из можайского животноводческого комплекса продегустировали семёновское из-под Ярославля, волоколамское, раздольное из-под Тулы и ещё четыре разных молочных напитка с минимальным процентом жирности, а также несколько порций сливок.

Обсудили достоинства каждого, выбрали производителей и поставщиков, поставили свои подписи под опросным листом и выпили по чашке кофе.

Лилия любила кофе с кислинкой, поэтому выбрала кенийский сорт. Ванесса же предпочитала горький и сильно обжаренный, при этом она курила, и сидеть рядом с ней в облаке дыма было не очень приятно.

Кто-то из некурящей молодёжи заговорил о «культуре курения», возможно, и непреднамеренно; в кофейне в рабочее время никто не курил, все соблюдали запреты, объявленные думскими законами.

Римская привычно поморщилась, но сигарету потушила, не докурив.

– Нет никакой «культуры курения», – заявила она. – Это вам не литература. С меня пример не берите. Если мы начнём объявлять «культурой» все наши вредные привычки и предпочтения, то почему нельзя назвать «культурой» пьянство? Притоны с наркотой и бордели – «заведениями культуры лёгкого поведения»? Создать «культуру киллерства»?

Кошкин хихикнул.

– Я бы не прочь поработать в заведениях «культуры лёгкого поведения».

Ванесса сурово посмотрела на менеджера.

– Вы и так слишком раскованны, молодой человек. Хотя бы дреды срезали, противно смотреть! Дай вам волю, вы бы во все сферы жизни внедрили «культуру лёгкого поведения».

– Я пошутил, – запротестовал Кошкин. – Надо жить и общаться легко, без напряжения, радостно, пить больше кофе. И всё будет хорошо.

Коллеги менеджера засмеялись. К его шуткам привыкли, как и к ворчанию Римской.

– Ты на машине? – спросила она у Лилии.

– Нет, сегодня оставила дома, разъезды, мне легче и быстрее добираться на метро.

– Садись, подвезу.

– Спасибо, я бы хотела пройтись пешочком.

– Есть о чём поговорить по дороге, поехали.

Заинтригованная Лилия попрощалась с коллегами, заняла переднее пассажирское сиденье в салоне роскошного белого «Порше Аллигатор» Римской.

Водила свой аппарат Ванесса по-мужски резко и уверенно, находя для обгона такие карманы в сплошных автомобильных рядах, на какие Лилия никогда бы не решилась.

– О чём вы хотели поговорить, Ванесса Григорьевна? – спросила она, напрягаясь при очередном притирочном об-

гоне.

– Не о чём, а о ком, о твоём муже.

– Да? – удивилась Лилия.

– Он у тебя красавец.

Лилия озадаченно нахмурила брови.

Красавцем Савва не был, в гламурно-куртуазном смысле этого слова, но у него была отличная фигура, он был высок и строен, отлично сложен, а острый взгляд серых глаз и энергичная складка губ показывали, что этот человек с твёрдыми убеждениями и решительным характером привык и приказывать, и повиноваться приказам.

– В общем, он мне нравится, – попробовала пошутить Лилия.

– Не замечала его интереса к другим женщинам?

Лилия удивилась ещё больше.

– Что вы такое говорите, Ванесса Григорьевна? Мой Бекасов...

– Твой Бекасов часто встречается с женщинами.

– Во-первых, у него работа такая, контактная, он служит в ФСБ... служил, сейчас в Совете безопасности. Во-вторых, откуда вы знаете, что он встречается с женщинами?

– Его видели в компании молодой красавицы, кстати, весьма на тебя похожей.

– Так что же? Он рассказывал, что работает под началом заместителя секретаря Совета безопасности Виктории Шаховой, хотя и не говорил, что она похожа на меня.

– Вот видишь.

– Что?

– Он скрывает от тебя этот факт. На твоём месте я бы обратила на это внимание. Говорят, они встречались в Норильске.

– Ну и что?

– И после этой встречи он перешёл в Совбез, так?

– Совершенно верно... то есть вряд ли это связано...

– Ещё как связано! Он где сейчас?

– В Сингапуре, звонил недавно.

– С ней?

– Н-не знаю... – Лилия рассердилась. – Какая разница, с кем он там? Савва ещё ни разу не давал повода сомневаться в...

– Всё течёт, всё меняется, дорогуша, мужики часто уходят к более молодым и красивым.

Лилия хотела сказать, что она не считает себя ни старой, ни дурнушкой, но прикусила язык. Римская могла отнести это замечание на свой счёт.

– Савва не уйдёт.

– Я тоже так считала. – Ванесса лихо развернулась под Васильевским спуском, машина выехала на набережную вдоль стены Кремля. – Мой муж год назад ушёл к молодой модели, хотя утверждал, что любит и никогда не бросит.

Лилия снова промолчала. Трудно было представить, чтобы кто-то говорил Ванессе ласковые слова и целовал её в уз-

кие накрашенные губы, почти не скрывающие ряд желтоватых крупных зубов, при улыбке превращавших женщину в «крокодила».

– Когда он прилетает? – Ванесса достала сигарету, закурила.

– Завтра.

– На твоём месте я бы его встретила в аэропорту... и посмотрела, как он себя ведёт в компании спутницы.

– Зачем?

– Дорогуша, ты меня удивляешь. За мужиками глаз да глаз нужен, не то быстро рогатой козой станешь. Нет такого мужчины, который не смотрел бы налево.

Лилия улыбнулась.

– Бекасов не такой.

– Безгрешный, – сыронизировала Ванесса, выпуская клуб дыма; вела она одной рукой, держа сигарету в пальцах левой, с демонстративной небрежностью. ГИБДД давно ввела штрафы за курение в кабине автомобиля и использование мобильных телефонов, однако Римская игнорировала запреты.

Человек должен быть с грехом, вспомнила Лилия высказывание классика, иначе он не человек¹³. И всё же не хотелось верить, что все мужики сво...

– Могу поехать с тобой, – продолжила хозяйка джипа, не обращая внимания на молчание пассажирки. – Убедишься,

¹³ В. Распутин. «Живи и помни».

что твой муженёк тебе верен.

– Благодарю, не надо, – отказалась Лилия.

– Как знаешь.

До офиса на Арбате ехали в молчании. Уже в коридоре главной конторы Double C Ванесса сказала:

– И всё-таки понаблюдай за мужем. Даже если он не гуляет, нельзя давать ему полную свободу. Мужа надо держать на коротком поводке.

– Я подумаю, – пообещала Лилия.

В своём скромном кабинетике, отгороженном от рабочих мест сотрудников компании матовыми стеклянными панелями, она привычно включила компьютер, проверила почту, начала звонить клиентам, писать письма, договариваться о встречах, и до обеда время пролетело незаметно. Однако при взгляде на Ванессу Римскую, обедавшую в то же время в компании с директором по маркетингу, в голове зашевелились не слишком позитивные мысли, вспомнились отлучки Саввы, разговоры по телефону, некие недомолвки: он перестал рассказывать о работе, – и настроение упало. Намёки «крокодилыши» перестали казаться чушью, рождённой завистью, в душе проклюнулся росток ревности. В спину подул холодный ветерок беспокойства. И хотя Лилия была далека от мысли нанять частного детектива для слежки за Саввой, ей и в самом деле захотелось издали посмотреть на его спутницу, убедиться в необоснованности своих страхов.

День закончился кое-как. Она едва не поругалась с заме-

стителем директора, вспылив на его замечание «тщательней выбирать поставщиков», нагрубил Маше Савченко, фрименеджеру компании, с которой сдружилась за последние полгода, и домой поехала в скверном настроении, то отказываясь от затеи встретить мужа в Домодедово, то, наоборот, решаясь на этот шаг.

За ночь подуспокоилась, однако приняла окончательное решение – ехать. Сварила кофе, мысленно прося прощения у мужа (Сав, я тебе верю, честное слово, просто посмотрю, да и тебе будет приятно...), рано утром села в маленький фиолетовый «Свифт» и поехала в аэропорт.

В половине седьмого утра поставила машину на платную стоянку, выяснила точное время прилёта самолёта из Сингапура, погуляла по залу, рассматривая роботов-уборщиков, ползающих между секциями регистрации пассажиров. В голове стоял дым, она почти возненавидела себя, но ничего не могла с собой поделать. Яд слов Ванессы проник в душу и мешал думать о посторонних вещах. Надо было идти до конца.

Объявили, что совершил посадку самолёт рейса RU 1100 из Сингапура.

Потянулись минуты ожидания, сопровождаемые переживаниями душевных мук.

Лилия встала слева от выхода, за толпой встречающих, спряталась за спину какого-то толстяка, державшего в руках табличку: «MNS. Effector. Java».

Первые пассажиры рейса начали выходить из раздвижной двери зала прилёта через тридцать пять минут. Савва вышел через сорок в компании женщины необыкновенной красоты, одетой в серый брючный костюм с жемчужным отливом, и двух мужчин с большими чемоданами.

Перехватило дыхание!

Женщина рядом с Саввой не была уж такой молодой, какой её обрисовала Римская, однако она была безусловно мила, а главное – до умопомрачения походила на самую Лилию, отличаясь от неё лишь причёской и цветом волос. Держалась незнакомка непринуждённо, на Савву почти не смотрела, разыскивая кого-то в толпе, и у Лилии отлегло от сердца: она боялась, что муж выйдет под руку с девицей и будет смотреть на неё с обожанием.

Захотелось броситься к нему на шею, обнять, признаться в своих страхах, но вторая мысль отрезвила: подожди, что он подумает?! что скажет?! ты с ума сошла?! и что она ответит?!

Не буду показываться, решила Лилия. Провожу до машины и уеду. Потом когда-нибудь признаюсь, что совершила глупость.

Компания из трёх мужчин и женщины приостановилась у выхода, где их встретил темноволосый молодой человек, оказавшийся водителем микроавтобуса «Хаски». Савва по-прежнему вёл себя сдержанно, никаких особых эмоций и внимания к спутнице не показывал, и Лилия вновь обругала себя за недоверие к мужу и предпринятые к «выявлению

истины» шаги.

Спутница Саввы – это и была, наверно, его начальница Виктория Шахова – действительно походила на модель (значит, и я так выгляжу? – мелькнула кокетливая мыслишка), и ею вполне можно было увлечься.

Выходя из зала, Савва вдруг оглянулся, осматривая зал, будто почувствовал взгляд жены, и Лилия едва успела отвернуться, шмыгнув за шумную компанию молодёжи. Савва её не заметил.

Подождав, она вышла за прилетевшими из Сингапура, отыскала их, идущих к парковке, довела до микроавтобуса, в салон которого компания и уселась, погрузив чемоданы.

Лилия порадовалась, что поставила свою «наноигрушку» на другой линии стоянки, подождала, пока микроавтобус отъедет, и поспешила к машине.

Зазвонил телефон.

Лилия вздрогнула, инстинктивно почуяв, кто звонит.

Это и в самом деле был Савва:

– Привет, родная, не разбудил?

Слова застряли в горле.

– Н-нет... я... Еду...

– Понятно, я прилетел час назад, но боялся позвонить. Заеду в контору, потом домой, и к тебе, сходим в ресторанчик, расскажу свои похождения. У тебя всё в порядке?

– Да, всё хорошо, а у тебя?

– Долго летели, надоело, а так всё тип-топ. Знаешь, мне

показалось, что я тебя видел в толпе встречающих. – Савва рассмеялся. – Наверно, соскучился сильно, пригрезилось.

– И я... соскучилась.

– А голос у тебя какой-то странный.

– Ты один? – вырвалось у неё помимо воли.

– Что значит – один? – не понял он. – Нас четверо, никого лишнего, или что ты имеешь в виду?

– Нет, ничего, мысли дурные лезут в голову.

– Не замечал за тобой дурных мыслей, ты у меня умненькая.

Лилия рассмеялась с необычным чувством облегчения, подумав, что если бы у мужа был роман с начальницей, такие слова жене при ней он бы не произносил.

– Чего смеёшься? – хмыкнул Савва.

– Вспомнила сочинение Ниночки Максимовой, дочери Даны. Помнишь Дану?

– Конечно.

– Ниночка написала в сочинении: «Она не слышала от него ни одного ласкового слова, кроме слова «дура». Это я к твоей похвале про умненькую.

– Но я же не преувеличил? – начал оправдываться Савва. – Говорю, что думаю. Ты всё-таки странная сегодня.

– Ни капли я не странная, забот много. До встречи. – Она выключила телефон.

Дождалась, пока мимо проедет уборочный мини-трактор с вращающимися щётками, побежала к шеренге машин, сре-

ди которых стоял её «Свифт», не заметив, что из-за трактора вывернулся чёрный «Лексус», мчавшийся со скоростью не меньше ста километров в час, хотя ездить с такой скоростью по территории парковки было нельзя. Затормозить лихач не успел.

Удар был такой силы, что Лилия пролетела по воздуху несколько метров, врезалась в «Мерседес», выезжавший в проход, и безжалостная тьма сомкнулась над ней плотным смертным саваном.

Последней мыслью женщины было: это наказание за ревность...

Глава 13. Чем чёрт не шутит

К собственному удивлению, тема, поднятая неведомыми «прогрессорами человечества», Кешу заинтересовала. Он даже не ожидал, какой потенциал творческого вдохновения содержится в простых словах: «оптимальный вариант ликвидации нефтегазовой промышленности». И даже сомнительные методы «прогрессорства», связанные с убийством нефтяников и технических специалистов, не отбили у Кеша охоту поколдовать над вариантами задания, прикинуть пути достижения цели, способствующие решению главной задачи – выходу человечества во Вселенную.

В тот же вечер после разговора с Саввой Кеша начал размышлять над проблемой.

Поздним вечером ему скинули информацию по всем нефте- и газодобывающим компаниям мира: месторасположение комплексов добычи и управляющих центров, данные о численности и о руководящем составе каждой компании, а также об инвесторах и банках, содержащих активы владельцев компаний.

Ночью он прикинул примерный план всего процесса перестройки энергетики человечества на новые энергоисточники, порадовался масштабу своего воображения. План был, конечно, не расписан в деталях, этим Кеша собирался заняться в дальнейшем, но объём задачи уже становился поня-

тен, и при её реализации (хватило бы сил и средств у заказчика) вполне можно было развернуть прогресс цивилизации в нужном направлении.

Не мешало Кеше даже ощущение внешнего наблюдения, начавшее его преследовать после того, как он подумал о главном труде своей жизни. Если он был прав (сомнения изредка возникали), то все попытки изменить отношение людей к природе и к самим себе были запрограммированы творцом земной реальности, и тогда «волевые решения» отдельных личностей, – самого Кеши, к примеру, – становились смешными.

«Наверху» (где именно – Кеша пока не сильно представлял) изменили программу – и появилась подпрограмма ПСП, которая нашла Кешу и предложила разработать план «прогрессорства» человечества. А так как Кеша тоже представлял некую подпрограмму (исходя из его выводов), то и его включили в общую программу изменения (апгрейд цивилизации, если выражаться на нынешнем сленге компьютерщиков) как необходимое условие для решения задачи. Как говорится, извини, парень, ничего личного, ты оказался в нужном месте и в нужное время.

Разумеется, Кеша попытался по памяти восстановить ловко украденный неведомыми заказчиками текст своей «докторской диссертации», как он иногда называл теорию «все-ленского моделирования», но для полного восстановления требовалось время, и он, убедившись, что помнит почти всё,

оставил пока это занятие. Попытался представить, кем были заказчики. Возможностей для кражи у них хватило, они не оставили никаких следов взлома сервера, да и в лабораторию проникли так же незаметно, никого не насторожив. Поэтому сомневаться в их технической мощи не приходилось. Но и задание Кеше они выдали превосходящее по параметрам и последствиям всё, с чем он сталкивался до сих пор. Их осведомлённость поражала, хотя Кеша снова и снова возвращался к мысли, что кто-то из «ангелов на небесах», создавших земную реальность как поле для игры вселенского масштаба, наблюдал за ним и посмеивался над его попытками осмыслить ситуацию.

Тем не менее он остался при своём мнении.

Все расчёты подтверждали это мнение на всех уровнях.

Человечество появилось в трёхмерной «плоской» Вселенной, которая сама по себе была абсолютно маловероятной с точки зрения теории общей относительности. Любое самое крохотное отклонение от плоскостности в ранней Вселенной привело бы к настоящему моменту (через тринадцать с лишним миллиардов лет) к тому, что Вселенная стала бы либо открытой – с геометрией седловидной поверхности, либо замкнутой – с геометрией сферической поверхности. Но она осталась «плоской» в гигантских масштабах, что доказывало идеальную точность подгонки физических законов и геометрии в самом начале её рождения.

Этот факт Кеша считал первым в перечне доказательств

искусственности земного мира, смоделированного по «божественным» лекалам.

Вторым по важности доказательством он считал существование квантов пространства с планковскими размерами и квантов времени. Они-то и формировали «сетку пикселей», создающую квантовую пену, ответственную за эффекты Вселенной во всех её проявлениях. Именно эта сетка, по мысли Кеша, и указывала напрямую на искусственность реальности, природы и человека, играющего роль игровой фигуры, которую можно легко было перезагрузить или заменить на другую в случае его гибели.

Кеша не просто верил в свою непогрешимость, будучи фанатиком идеи, обладающим мощным творческим потенциалом, способным создавать новые школы и направления науки, он видел описываемый им мир и во снах часто совершал прогулки по «небесным сферам», хотя потом и не помнил ничего. В моменты озарений, которые специалисты называли эффектом приобретённого савантизма (Кеша не всегда был таким умным, в детстве он больше мечтал о работе таксистом и лишь в девятом классе гимназии, после сотрясения мозга, полученного при неудачном соскоке с трапеции, вдруг поумнел и заинтересовался радиофизикой), он мог за несколько секунд просчитать любую математическую задачу, что и позволило ему сначала поступить в институт, а потом и занять в двадцать шесть лет место начлаба в Сколково.

План, который он составил для решения проблемы «тех-

нологического прорыва», состоял из восьми пунктов.

Первый предусматривал создание всемирной системы аварий на нефтедобывающих комплексах и вброс в СМИ информации об увеличивающейся опасности добычи нефти и газа.

Второй этап, начинавшийся одновременно с первым (хотя именно с него начали заказчики), предполагал ликвидацию крупнейших нефтяных дельцов и добытчиков. К настоящему моменту было уничтожено шестеро магнатов: двое в России, двое в Великобритании, канадский и китайский. Шум поднялся изрядный, судя по реакции СМИ, но этого шума было мало. Чтобы мир прочувствовал масштаб перестройки, следовало ликвидировать по крайней мере в десять раз больше нефтебаронов и разработчиков новых месторождений, надо было продолжать эту «практику» психологического давления на общественность, хотя на душе Кеши и скребли кошки по поводу методов заказчика. Всё-таки он понимал, что ему предложили не участие в компьютерной игре, в которой мочили всяких монстров и теряли фигуры, а в реальной жизни, где кровь, образно говоря, лилась настоящая.

На третьем этапе развёртки «апгрейда» Кеша предусмотрел имплементацию бунтов парламентов в странах, зависящих от поставки нефти и газа. Эти акции, своеобразные «цветные революции», позволяли заострить внимание общественности на возникшей проблеме и заставить правительства и президентов терроризировать ООН, ОБСЕ и мировые

службы безопасности требованиями «немедленной остановки нефтедобычи».

Затем следовал этап подготовки и проведения настоящих революций в нефтяных странах, начиная с Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов, Ирана, России и заканчивая Соединёнными Штатами, Канадой и более мелкими странами, добывающими нефть.

Одновременно должен был быть запущен этап поиска альтернативных источников энергии, позволяющих отказаться от добычи нефти. В принципе этот этап начался давно, раньше других, так как об «экологически чистых» источниках мечтали ещё фантасты середины прошлого века, и к двадцатым годам двадцать первого столетия были проведены исследования почти по всему спектру перспектив, от солнечных батарей, термоядерных реакторов и до экзотических вакуумных насосов, позволяющих обходиться без строительства гигантских и громоздких реакторных комплексов. Но мировое нефтяное лобби перекрывало все попытки учёных и конструкторов доработать установки и перейти на новый уровень энергодобычи. Эти люди и без выхода в космос и покорения Вселенной жили в раю безудержного исполнения желаний и сложившийся порядок вещей, обеспечивающий им беспредельную власть на Земле, менять не хотели.

После выбора стратегии развития энергетической независимости (сам Кеша склонялся к экзотике и решил ознакомиться поближе с работами Владимира Леонова, кото-

рый первым создал теоретическую базу квантования вакуума и теории единого поля) надо было запустить в соцсети идею использования дешёвых и безопасных Л-генераторов, а затем продемонстрировать опытную установку, способную стать прототипом вакуумных насосов, черпающих энергию напрямую из вакуума, то есть из «космической пустоты», из «ничего».

Следующим этапом сценария «апгрейда» Кеша мыслил развёртку строительства генераторов по всему миру, после которого наступал период утилизации нефтегазовых производств и создание космического флота, способного достичь звёзд за считанные дни и часы.

Финита! Все пляшут и поют! Кеше дают Нобелевскую премию за умсорик (тоже, между прочим, классное изобретение!), а потом ещё одну за теорию «вселенского симулирования», если только...

Если только те, кто контролирует земную реальность, не решат изменить матричную программу и не сотрут все благие намерения заказчика и Кешы... вместе с его жизнью!

Последняя мысль была неприятной, однако Кеша надеялся, что он избежит участи нейтрализованной игровой фигуры и докажет свою необходимость всем: заказчику, его патрону, «надвселенским игрокам» и... Люське, которая должна была пожалеть о своём уходе.

Утром он собирался заявиться к директору центра и попросить недельный отпуск. Захотелось проработать каждый

пункт сценария подетально, опираясь на логику происходящих событий и те возможности, которые заключала в себе сама идея «апгрейда цивилизации». К тому же где-то на глубоким дне самолюбия Кеши жила плутоватая мыслишка, что он не зря попался на глаза заказчику как креативно мыслящий человек. Кто-то был в курсе его увлечений, а главное – знал, что теория «вселенского моделирования» имеет под собой реальную почву.

Однако случилось непредвиденное: в половине восьмого утра, когда Кеша завтракал, позвонил Савва и сообщил, что его жену в аэропорту сбила машина и что похороны Лилии состоятся в понедельник.

Кеша не поверил ушам. В голову не могло уместиться, чтобы красавица-жена Бекасова внезапно умерла! Он даже собрался пошутить на эту тему, но Савва отключил телефон, и слова застряли у Кеши в горле. Он осознал, что такими вещами не шутят.

Сорвался с места, торопливо переоделся и ссыпался по лестнице вниз, не дожидаясь лифта, нырнул в кабину своего «Боксера». Уже выезжая со двора, перезвонил Савве:

- Ты дома?
- Ещё в аэропорту, – коротко ответил приятель.
- Я подъеду.
- Не стоит ехать в аэропорт, через полчаса тело Лилии увезут в морг. Если хочешь, подъезжай ко мне в обед.
- Я бы хотел помочь...

– Нет смысла, потом. – Савва снова отключился.

Кеша выдохнул сквозь стиснутые зубы, расслабился, вспоминая роскошную улыбку Лилии, то, как она разговаривает и смеётся. Потряс головой. Душа отказывалась верить, что её нет в живых. Этого не должно было случиться! Лилия не должна была погибнуть в расцвете красоты! Что-то крылось в этом происшествии подозрительное, словно вмешался чей-то подлый расчёт, и сильную фигуру – Савву – ограничили в соответствии с какой-то игровой программой. Либо захотели изменить состояние фигуры, предупредив, чтобы он не занимался опасной проблемой. В этом случае и ему угрожала нешуточная опасность, которая должна была заставить его отказаться от достижения цели. Но для кого он стал опасен сам? Над чем Савва работал в последнее время? Расследовал убийства российских нефтяников. Не означает ли этот факт, что Саввой начали заниматься те же люди, что вышли на самого Кешу? И не стоит ли образовавшуюся коллизию воспринимать в контексте общего процесса «апгрейда»?

То есть получается, что заказчики «перезагрузки технического прогресса человечества» увидели угрозу своим планам в деятельности Саввы? И они же пытаются заставить Кешу принять участие в «апгрейде», не считаясь с его желаниями, приоритетами и волей? Но тогда он прав, и в его жизнь вмешалась самая настоящая вирусная программа, внедрённая в общую программу игры под названием «земная реальность». Отсюда и надо плясать, создавая аналог фэйрплэй, то

есть антивирусной программы, способной справиться с заказчиками «апгрейда» и освободить исполнителя от создания «убойного плана перестройки». Правда, сам Кеша подозревал, что единолично с этой проблемой не справится, нужна была реальная материальная и физическая помощь, потому что «вирус» в понимании инженера и айтишника в приложении к земному социуму и земной природе должен проявляться как живой эффектор – человек или же целая команда.

В голове всплыл электронный адрес письма: ПСП@gmail.com.

ПСП и есть эта команда? Что бы ни скрывалось за ником? Но кто поможет? Если и на Савву наехали по полной?

Память услужливо нарисовала образ недавней гостьи, Виктории Шаховой, помощницы секретаря Совбеза. Может быть, она знает больше, чем говорит? Иначе как объяснить её заинтересованность в контакте и предупреждение, в котором она выразила обеспокоенность увлечением Кеша теорией «вселенской симуляции»?

Кто-то посигналил сзади.

Кеша очнулся, выехал со двора, не обратив внимания, что за ним следует серый «Лексус NX».

Доехав до Сколково, он даже не стал заходить в лабораторный корпус, сразу поднялся в приёмную директора. Объяснил ему ситуацию, получил разрешение на недельный отпуск, с некоторым трудом написал от руки заявление, пере-

дал секретарше и отправился обратно в Москву.

Савва был дома, и не один. В гостиной стоя разговаривали двое мужчин и женщина. Савва находился на кухне и так же стоя беседовал с женщиной, в которой Кеша узнал свою гостью, Шахову. Он поздоровался, проямлил:

– Я могу чем-то помочь?

Начальница Саввы посмотрела на расстроено-сочувствующее лицо Рудницкого.

– Хорошо, что вы приехали, Иннокентий Леонтьевич, побудете с Бекасовым, а я вас покидаю.

Она вышла.

Оба посмотрели ей вслед.

– С ума сойти! – пробормотал Кеша. – Не отличишь от Лили... – Он осекся.

Бледный Савва, выбритый до синего зеркального блеска, с силой потёр гладкую скулу. С виду он был спокоен и сосредоточен, но в глубине глаз плавилась такая боль, что Кеша содрогнулся, встретив взгляд приятеля.

– Сочувствую...

– Давай без лишних слов.

– Как это произошло?

– Я не видел, мы выезжали с парковки в этот момент. То ли она хотела догнать машину и бежала, не видя куда, то ли водила «Лексуса» её не заметил... не берусь утверждать. Следствие покажет.

– Мне кажется, я знаю, в чём дело...

Савва поморщился, глаза его подозрительно заблестели, словно в них протаяли слёзы, но он справился с эмоциями.

– Кеша, пожалуйста, не... – Майор замолчал, обдумывая последние слова приятеля. – Что ты знаешь?

– Я размышлял над всем этим, – торопливо заговорил молодой человек. – Понимаешь, много несуразностей и подозрительных совпадений, особенно с общими встречами. – Он передал майору суть своих умозаключений, закончил: – Надо искать эту ПСП, то есть заказчиков. Я, конечно, прикинул для них стратегию взаимодействия по «апгрейду», но детально разрабатывать тему не стану.

Савва положил руку ему на плечо.

– Благодарю, дружище, но я сейчас ничего не соображаю, давай поговорим об этом позже. Не возражаешь?

Кеша жалостливо посмотрел на него, хотел сказать что-нибудь пафосно-дружелюбное, типа «я всегда с тобой, можешь на меня положиться», но Савва убрал руку и отошёл к группе людей в гостиной. Вряд ли он понял, что пытался ему доказать Кеша. Ему и в самом деле было не до обещаний в дружбе и помощи.

Похороны Лилии состоялись в понедельник шестнадцатого августа, на Бабушкинском кладбище Москвы, граничащем с парком Лосиный Остров и располагавшемся в Ярославском районе, недалеко от храма мучеников Адриана и Натальи. Здесь были похоронены родственники погибшей и её отец.

На церемонии присутствовало около трёх десятков людей, включая бывшего начальника Саввы полковника Старшинина и немногочисленную делегацию из Совбеза во главе с Шаховой, скрывшей волосы под чёрным платком, а также сослуживцев с прежнего места работы Саввы. Плюс его родители, ещё вполне крепкие и молодые, и родственники жены, мать Лилии, её подруги и Кеша.

Длинных речей не произносили. Женщины плакали. Мужчины хмуро рассматривали кладбище, могилу, гроб, изредка переговариваясь.

Савва был бледен, под глазами залегли синие тени, да резче выступила волевая складка губ. Лишь в глазах майора горел тёмный огонь боли и тоски, которую не могли нейтрализовать ни сочувственные речи, ни слова поддержки, ни дружеские объятия.

Бросили по горсти земли на гроб в могиле, подождали окончания церемонии. Присутствующие на похоронах вели себя сдержанно, и Кеша, оглядев компанию, почему-то расправил плечи, будто ему уже пообещали помощь. Такова была энергетика собравшихся, в основном – близких Савве людей, объединявшая волевые и решительные натуры.

Начали разъезжаться.

Кеша сел в микроавтобус вместе с Саввой, его близкими и родственниками жены. Взгляд то и дело искал рядом с майором знакомую фигуру (Лилия и Виктория Шахова настолько были похожи, что душа не делила их на разных женщин), од-

нако начальница Саввы села в другую машину, явно не желая возникновения каких-либо пересудов в свой адрес и адрес подчинённого. Мать Лилии и две её тётки заметили сходство и, возможно, обсудили меж собой этот необычный факт, но ничего, кроме печали, он ни у кого не вызывал.

Доехали до кафе «Стожары» недалеко от дома Саввы, где гости собрались на поминки. Речей не произносили и здесь, лишь директор компании Грозман, где работала Лилия, коротко рассказал, какой вклад в стратегию компании внесла жена Бекасова, каким она была прекрасным человеком, и больше об этом никто не говорил.

Кеша слушал, молчал, мучился, не зная, чем помочь приятелю, потом отвлёкся на мысли о заказчиках «апгрейда», снова сопоставив происходящее с замыслами неведомых «прогрессоров», не считавшихся ни с какими жертвами. Скорее всего, они и с Кешей могли поступить соответствующим образом, ограничив его свободу в случае невыполнения приказа «подстегнуть прогресс человечества», либо вообще убрать его с дороги как ненужную фигуру.

В пять часов пополудни начали разъезжаться.

Кеша снова оказался в компании Саввы, его родителей и родственников жены.

Водитель микроавтобуса отвёз всех сначала на квартиру Саввы, где все посидели до вечера, превратившись в одну семью, соединённую бедой, потом Савва отвёз маму Лилии и тёток в посёлок Видное, где они жили.

Отец и мать Саввы тоже не были коренными москвичами и проживали в Малоярославце, но до утра решили остаться с сыном. Савва хотел оставить у себя и мать Лилии, но она была вне себя от горя и не захотела остаться. Да и не уместились бы все семеро в небольшой двухкомнатной квартире Саввы.

Кеша всюду сопровождал приятеля.

– Тебе куда? – спросил Савва, когда машина остановилась во дворе дома.

– Вообще-то я совершенно свободен, – признался Кеша. – Взял отпуск на неделю, хотел поработать над «апгрейдом».

– Над чем?

– Не помнишь? Я же тебе рассказывал.

– Повтори, ничего не помню.

Кеша повторил.

– Что ты об этом думаешь?

– Чистой воды бред, – усмехнулся Савва. – За твои фантазии тебя в психушку могут упечь.

– Почему фантазии? – обиделся Кеша. – Всё же сходится, одно цепляется за другое, нас держат на крючке и свободно могут замочить.

– ПСП...

– Что?

– Нет, ничего. Не надо было ввязываться в эту историю с теорией.

– Я и не ввязывался, они сами на меня вышли. Что я мог

им ответить?

– Отстаньте!

– Они обещали вернуть умсорик и все материалы.

– А если бы они предложили убить маму и только за это вернуть материалы, ты бы согласился?

Кеша ошеломлённо вытаращил глаза.

– Шутишь?!

Савва наконец окончательно расслабился, качнул головой.

– Извини, сам не знаю, что говорю. Поднимешься? Обмозгуем твои проблемы.

– Тебе, наверно, не до этого...

– Надо переключить внимание, идём. Посидим, чайку попьем. Потом я отвезу тебя домой и вернусь.

– Сам доберусь, не маленький.

Пожали руку уставшему водителю микроавтобуса, поднялись в квартиру Саввы, где ещё стоял запах ладана, а на столе у портрета Лилии в рамке с чёрной перевязью по углу плакала свеча.

Родители Саввы уже спали.

Приятели умылись, сели на кухне, Савва включил электрочайник.

Зазвонил айком Кеши.

Он тряхнул браслетом коммуникатора, включая режим объёмного сопровождения, но экранчик, засветившись, выдул из себя лишь пустой голографический пузырь: абонент

не пожелал активировать скайпфон.

Кеша с недоумением глянул на светящуюся надпись под экранчиком: «Номер неизвестен».

– Слушаю, алё.

Савва встал, закрыл дверь на кухню, чтобы голос гостя не разбудил родителей.

– Вы сделали работу? – заговорил в клипсе телефона неприятно-скользкий мужской голос.

Кеша сглотнул, бледнея, пальцем ткнул в браслет.

Савва понимающе кивнул.

– Н-нет, – ответил Кеша.

– Напоминаем, осталось два дня...

– Отстаньте! – вдруг вспылил Кеша. – Я не буду заниматься разработкой ваших убойных планов!

Савва вскинул голову, протестующе махнул рукой, но Кеша уже заканчивал:

– Верните украденное, воры! Я в полицию заявлю!

Абонент выдержал паузу, голос его стал ледяным.

– Вы подумали о последствиях?

– Да! Мы вас найдём!

Савва одним движением снял с уха Кеши клипсу, нацепил на своё ухо, отобрал у него айком.

– Даём вам сутки на размышление, – сказал обладатель «скользкого» причмокивающего голоса. – Не одумаетесь – пожалеете!

– Эй, господин хороший, – проговорил Савва обманчиво

дружелюбным тоном, — даю вам минуту на размышления: не трогайте Иннокентия, не играйте с огнём! Кстати, это не вы побаловались в аэропорту и убили мою жену?

Голос выдержал ещё одну паузу, стал брезгливым:

— Господин Бекасов? Вас пока просто предупредили — не вмешивайтесь.

Савва потемнел.

— Послушай, «шестёрка» ПСП! Видит бог, я не хотел вмешиваться, но теперь вмешаюсь обязательно! Мало того, обещаю вас из-под земли достать и обратно закопать! Как понял?

Динамик айкома хрюкнул и запиликал гудочками отбоя. Неизвестный абонент Кеша выключил связь.

Приятели посмотрели друг на друга.

— Дурак! — прошипел, оскалась, Савва.

Кеша виновато поёжился.

— Я не хотел...

— Я о себе. Тебе не надо было напрямую отказываться от задания, я бы предпринял кое-какие шаги, попробовал бы выйти на заказчиков.

— Я не думал...

— Думать полезно всегда.

— Что будем делать?

Савва отдал Кеше айком.

— Ждать.

Глава 14. Усиление ПСП

Два дня после похорон Лилии Савва провёл как в тумане, ни о чём не думая, автоматически исполняя обязанности начальника службы внутренней безопасности, лаконично отвечая на вопросы сослуживцев и не поддерживая никаких бесед.

Виктория повела себя в высшей степени деликатно, принимая его состояние, зря не вызвала, распоряжениями не злоупотребляла и даже не показывалась лишний раз на глаза, зная, что похожа на погибшую, как сестра-близнец.

Особенно трудной оказалась ночь после похорон.

Такой смертной тоски он не переживал никогда! Не помогали ни попытки переключиться на проблемы, свалившиеся на Иннокентия, ни грубые методы расслабления напоподобие стакана коньяку, ни медитации. Перед глазами всё время стояла Лилия, смеющаяся, протягивающая к нему руки, и это было совершенно невыносимо! Савва искусал подушку, прежде чем немного успокоился, и долго стоял под холодными струями душа, глотая слёзы и унимая в груди рыдание...

В четверг он забрал машину Лилии со стоянки в аэропорту Домодедово, отвёз родителей в Малоярославец, появился на работе, получил отпуск и поехал на кладбище. Просидел у могилы полдня. Вернулся домой, чувствуя себя снятым с креста, попил чаю и лёг на диван, не раздеваясь. Забылся

на пару часов. Ночь просидел в кресле перед фотографией Лилии, утром следующего дня поехал в Совбез, обсудил с Петровичем текущие дела, забыв, что находится в отпуске, и снова поехал на кладбище.

Кто-то звонил ему, выражал сочувствие, он благодарил. К вечеру обнаружил, что небрит, тщательно побрился, словно собирался на приём к президенту, вспомнил о Кеше.

Завлаб обрадовался звонку:

– А я боялся тебя потревожить! Как ты?

– Нормально, – сухим голосом ответил Савва. – Выплываю. Сiju дома, перебираю Лилины вещи. Что у тебя? Звонили?

– Был звонок, адресат неизвестен, но никто ничего не спросил. Сiju дома, как и ты, восстанавливаю по памяти текст диссера, собираю второй экземпляр умсорики.

– Обедаешь дома?

– Только утром кофе пью, а так хожу в кафешку неподалёку, к Вовке Баранову в гости заходил.

– Слежки не заметил?

– Н-нет, а что, думаешь, будут следить?

– Ты их огорчил отказом, всё может случиться, подстрахуйся на всякий случай, а если заметишь подозрительную возню – звони мне.

– Лады, – пообещал Кеша.

Мысль заняться поисками заказчиков Рудницкого возникла сразу после разговора с ним, но осуществлять задуманное

манное Савва начал только утром в субботу, двадцать первого августа. Инициировал расследование эпизод с инвалидом, произошедший в торговом центре «Ариэль» на Дмитровке, куда Савва заехал купить кое-каких продуктов; холодильник после похорон опустел напрочь, надо было хоть как-то утолять голод, а по ресторанам одному ходить не хотелось.

Первый этаж торгового центра занимали продовольственные ряды и стенды с напитками.

Савва покидал в тележку пакеты с зеленью и овощами, рис, муку, молоко, выбрал травяной чай с эхинацеей, кофе, взял зачем-то бутылку грузинского вина «Твиши» и закончил поход у ряда касс.

Народу утром в центре было немного, работали все кассы, но только две из них были заняты, отпускали покупателей. Остальные ждали, сучая.

Перед Саввой прошёл, прихрамывая, худенький светло-волосый парнишка в сером плащике на клетчатую рубашку, с рюкзачком за плечами. Одна рука у него была прижата к боку, маленькая и сухая, второй он толкал перед собой тележку, на дне которой сиротливо лежал батон белого хлеба и пакет кефира. Парнишка встал перед Саввой, и тому пришлось переехать к соседней кассе, чтобы не терять время.

И в этот момент к кассе, куда толкнул тележку парнишка-инвалид, подошли двое мужчин специфической наружности, в кожаных чёрных куртках и выгоревших до голубизны джинсах. Один – жилистый мосластый брюнет, заросший

чёрной щетиной, с шапкой курчавых волос, второй – толстомордый шатен, носивший рыжеватые усики, подстриженный особым образом: по вискам ползли дорожки выбритых волос, складываясь в узор, напоминавший иероглифы.

Брюнет сунулся к кассе перед парнишкой, хотя свободных касс хватало, оттолкнул тележку, процедив:

– Подождёшь.

Толстомордый хохотнул.

Тележка поехала в сторону, потянула парня, он споткнулся и упал.

Савва, оглянувшийся на шум, отставил свою тележку, помог парнишке подняться, увидел в голубых светлых глазах боль и недоумение, подошёл к брюнету, сунувшему кассиру бутылку водки и банку с солёными огурцами.

– Эй, гражданин любезный, спешишь?

Кожанки оглянулись.

– Чево? – процедил брюнет сипло.

Савва сцепил зубы, изменил тон.

– Извинись!

В глазах небритого шевельнулись недобрые тени.

– Пошёл ты, чмо!

Дальнейшее произошло в течение секунды.

Савва вскипел: боль и тоска нашли отдушину.

Руки мгновенно согнули брюнета и воткнули головой в основание кассы с двумя рёбрами, так что лоб грубияна (от него невыносимо воняло луком) аккуратно пришёлся в одно

из рёбер. Он акнул и остался на полу в приседе, потеряв сознание.

Спутник брюнета, проводив приятеля мутными глазами, сунул было руку в карман куртки, и Савва сжал ему руку с такой силой, что здоровяк ойкнул.

– Стой тихо, покалечу! Забирай своего фраера и чеши отсюда, пока я вас в полицию не сдал! Повторить?

Толстомордый изменился в лице, наклонился к брюнету, начал его поднимать со словами:

– Вставай, Шалва, пойдём, дорогой, нас не поняли...

– Я... Его... – вяло просипел брюнет.

– Потом сочтёмся, мужик заметный, пошли.

Оба двинулись мимо кассы, не глядя на подошедшего охранника в тёмно-фиолетовом костюме и работника центра в зелёной робе.

– Граждане, оплачивать товар будете? – запоздало окликнула их ошеломлённая кассирша.

Но мужики не обернулись, скрываясь за выходной дверью.

– Извините, – сказал Савва, приходя в себя. – Терпеть ненавижу наглецов! – Подошёл к парнишке. – Ты в порядке?

– Спасибо, – стеснительно ответил паренёк, – я бы их и так пропустил, зачем толкаться?

– Ничего, крепись, не все такие скоты безмозглые.

Савва расплатился в кассе, ловя на себе любопытные взгляды работников магазина, вышел из центра с пакетом в

руке и наткнулся на двух полицейских, спешащих навстречу. Сзади и чуть сбоку шагали давешние кожаные, на ходу что-то толкувая второму полицейскому, с погонами лейтенанта.

Савва внезапно узнал в первом майора Петрова, начальника УВД Норильска, хотя здесь он был в мундире с погонами подполковника.

Полицейские остановились. Савва тоже.

– Он? – спросил Петров брюзгливо, не поворачивая головы.

– Он! – в один голос отозвалась «сладкая» парочка.

– Гражданин, предъявите документы, – скучающим тоном произнёс подполковник.

Савва почуял дуновение холодного ветерка.

Майор Петров не должен был находиться в Москве, да ещё с подполковничьими погонами, он должен был находиться под следствием в Норильске, но к совпадениям подобного рода (Виктория тоже слишком разительно походила на Лилию, чтобы это воспринималось рядовым событием) Савва уже начинал привыкать, а в свете последних событий и вовсе догадался о причинах совпадений. Майор-подполковник Петров являл собой команду ПСП, хотя Фофанов и отзывался о нём некорректно.

– Какая встреча! – сказал Савва с наигранной радостью. – Майор Петров собственной персоной! Я гляжу, вас повысили в звании? Поздравляю.

– Документы, – тем же тоном произнёс подполковник,

как две капли воды похожий на Петрова и на сингапурского «араба»: то же простоватое, рыхлое, широкое лицо, те же голубоватые глазки, та же презрительная складка губ. – Верейский!

Лейтенант картинно бросил руку на кобуру пистолета.

Савва оценивающе глянул на него, встретил ничего не выражающий взгляд и внутренне содрогнулся: так смотреть мог только наркоман либо запрограммированный человек. Не оставалось сомнений, что полицейские являлись не представителями сил правопорядка, а совсем иных сил, проявившихся ещё в Норильске. И всё же Савва сделал попытку разойтись мирным путём.

– А в чём дело, господин Петров? У вас есть ордер на арест? Или в нашем государстве человек уже не имеет права на свободное посещение торгового центра?

– Вы напали на граждан, – заявил лейтенант; зрачки его то сужались, то расширялись, и непонятно было, понимает он сам, что говорит, или нет, – спровоцировали драку.

– Эти граждане? – небрежно кивнул Савва на шатена и брюнета, у которого на лбу вспух красный рубец. – Так они сами повели себя некрасиво. Пойдёмте в центр, вам всё расскажут свидетели – кассирши и охранник.

– Документы! – Пальцы лейтенанта расстегнули пуговку кобуры.

Вокруг стали собираться зеваки, заинтересованные в происходящем. Надо было или подчиняться команде, или пред-

принимать нестандартное решение.

– Майор, майор, – укоризненно покачал головой Савва, – не зря Фофанов отзывался о вас с презрением. Неужели вы думаете, что я в нынешних обстоятельствах хожу один?

Петров мигнул, глянул налево, направо, и Савва добавил «туману», поднося ко рту браслет айкома с мигающей зелёной искоркой:

– Капитан, группу ко входу в торговый центр!

Лейтенант неуверенно посмотрел на подполковника.

«Петров», или кто он там был на самом деле, снова огляделся, заметил подходящих к толпе зевак молодых парней и, видимо, принял их за подчинённых Саввы.

– Возвращаемся.

– Но, товарищ полковник...

– Уходим, я сказал!

Полицейские развернулись, начали протискиваться сквозь разочарованную мирным исходом конфликта толпу к линейке машин у торгового центра.

– Я вас найду в скором времени, майор, – громко пообещал Савва в спину «Петрову».

Подполковника шатнуло, но оборачиваться и отвечать на вызов он не стал.

Полицейские сели в тёмно-серый «Лексус» и уехали.

Исчезли и дебоширы, странным образом отыскавшие на улице защитников, из чего Савва сделал вывод, что за ним следили, а парнишка-инвалид подвернулся бронеу случай-

но. Не будь его, кожаны нашли бы для провокации кого-нибудь другого.

Домой Савва ехал, недовольный своей расслабленностью. В покое его не оставили, следили, возможно, даже прослушивали телефон или установили видеожучки в квартире, и с этим надо было что-то делать. Давая советы Кеше, он сам вёл себя абсолютно безбашенно, непрофессионально, а в свете последних событий и вовсе преступно. Гибель Лилии требовала расследования и мести, да и угрозы в адрес Иннокентия тоже перешли все границы, и Савва дал себе зарок разобраться со всеми непонятками.

Никто за его «Ягуаром» не следил, хотя червячок сомнений оставил свой след в душе и уже не исчезал насовсем.

Наметив план действий, Савва позвонил в Управление внутренних дел Южного административного округа, сотрудники которого занимались расследованием инцидента в аэропорту Домодедово. Ему ответили, что новостей нет, водитель «Лексуса», сбившего Лилию, отпущен под подписку о невыезде и решается вопрос о лишении его водительских прав.

– Да какие права, какая подписка! – взорвался Савва, представляя равнодушное лицо следователя, с трудом собрался. – Извините... с кем имею честь?

– Капитан Орлов.

– Капитан, человек не мог ехать по территории парковки со скоростью больше ста километров в час... Если он не

идиот! Значит, скорость была набрана намеренно! Водитель знал, кого надо было сбить, и следил за жертвой!

– Гражданин Бекасов...

– Майор Бекасов! Служба внутренней безопасности Совбеза! Прошу учесть это обстоятельство!

Следователь сбавил тон.

– Я всё понимаю, товарищ майор, но у нас нет оснований задерживать водителя и помещать его в СИЗО. Эксперты разобрались с ДТП, всё произошло случайно.

– А я утверждаю – не случайно! – Савва стиснул зубы. – Кто водитель?

Следователь замялся.

– Зачем он вам?

– Фамилия, работа, адрес!

– Вообще-то я не имею права...

– Вы адрес Совбеза знаете?

– Ну-у... да...

– Как предпочитаете подъехать к нам – на своём транспорте или за вами прислать наряд?

Тон собеседника снова изменился.

– Ревва Елизар Степанович, тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения, уроженец Ставрополя, водитель владельца торговой сети «Фабрика вкуса».

– Водитель кого?

– Бадри Бедросовича Акунина, владельца «Фабрики вкуса». Я бы не советовал вам с ним...

– Адрес!

– Улица Тополиная, дом три, квартира девять.

Савва вдруг вспомнил, что встретившая его у торгового центра «Ариэль» пара полицейских села в серый «Лексус».

– На какой машине он ездит?

– Кто, Акунин? У него много машин, «Мерседес», «Порше»...

– На какой машине ездит Ревва?

– «Лексус» NX», номер «три шестёрки», сто девяносто девятым регион.

Савва застыл на мгновение: помнилось, что и в номере «Лексуса», на котором уехали полицейские, мелькнули шестёрки. Совпадение или?..

– Благодарю, капитан, крайне обязан за сведения. – Савва оборвал разговор, не слушая ответные слова следователя.

Голова прояснилась. В душе родилось желание изменить положение вещей и сорвать планы неведомых «прогрессоров», затеявших, по словам Кеши, грандиозную перестройку целеполагания человечества. Ликвидация нефтяников являлась лишь верхушкой айсберга, но у Саввы родилось подозрение, что перестройка социума «с благими намерениями» началась раньше – с разрушения Чехословакии, Югославии, Ливии, Ирака, Сирии и Украины. Замысел «перестройщиков», кем бы они ни были, был понятен – подчинить человечество одному «пастуху» и заставить его жить в рамках единой программы «усовершенствования социума» по коман-

дам извне!

Нужен помощник, трезво подумал Савва, в одиночку можно наломать дров. Но кто поможет? Кто поверит во вмешательство «потусторонних сил» в людские дела и согласится бескорыстно послужить делу восстановления справедливости? Старшинин, по старой дружбе? Или сначала обратиться к Шаховой?

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – отреагировал Савва.

– Это я, – сообщил Кешин голос, в котором звучала необычная неуверенность. – Сав, ты просил позвонить, если я увижу подозрительных людей.

– Ты где? – напрягся майор.

– Уже дома, ходил в аптеку в соседнем доме, купил анальгин, голова по вечерам начинает пухнуть и болеть. За мной в аптеку один бомж заглянул, я его потом ещё раз засёк, во дворе. Он высунулся из-за мусорных контейнеров, заметил мой взгляд и смылся.

– Опиши.

– Бомж как бомж: куртка синяя, грязная, штаны чёрные, грязные, кепка на голове, морда вспухшая.

– Никто не звонил?

– Нет.

– Никуда в ближайшее время не собираешься?

– Да вроде нет. В понедельник хотел поехать на работу, отвезти второй умсорик, я собрал недавно.

– Вот и ладно. Жди меня, скоро приеду.

– Х-хорошо, – с облегчением вздохнул Кеша.

На сборы ушло пять минут времени. Звонить Шаховой Савва пока не стал, решив, что лучше сначала посмотрит на ситуацию лично.

К дому Кеша на Лётной улице в Мытищах он подъехал к двенадцати часам дня. Не заезжая во двор, оставил машину на улице, прошёлся вдоль дома, изучая припаркованные автомашины, пересёк двор и почти сразу обнаружил тёмно-серый «Лексус» с номером 666. Именно эта машина и сбила Лилию в аэропорту.

Из-за тонированных стёкол нельзя было разглядеть её пассажиров, но Савве показалось, что их там было трое.

Сердце заработало с ускорением. Словно само провидение подслушало намерения Саввы найти разработчиков замысла, исполнителями которого был некий молодой водила по фамилии Ревва и майор (подполковник) Петров со товарищи. Всё-таки надо было позвонить Старшине, мелькнула запоздалая правильная мысль и пропала. Настало время действовать.

– Ты где? – позвонил он Кеше.

– Дома, тебя жду, – ответил завлаб.

– Похоже, за тобой устроили слежку. Ты случайно не замечал машину – тёмно-серый «Лексус» со «зверским» номером «шестьсот шестьдесят шесть»?

– Не помню... кажется, не видел.

– Я жду во дворе, спускайся и иди направо, за угол дома, моя машина стоит на улице, увидишь. Не оглядывайся и меня глазами не ищи, я сам к тебе подойду.

– Лады.

Кеша вышел из подъезда через десять минут.

И тотчас же мотор «Лексуса» заворчал, машина медленно двинулась вдоль дома за Кешей. Савва последовал за ней, настраиваясь на «поток бессознания», гарантирующий мгновенную реакцию на любое активное действие противника.

Ждать развития событий долго не пришлось.

Кеша не успел завернуть за угол дома, как из приостановившейся машины выбрались... майор Петров (!) и его напарник – лейтенант, догнали творца «теории моделирования» и заставили его остановиться. Что они ему говорили, Савва не слышал, находясь в десятке шагов от угла дома, но Кеша вдруг отпрянул к решетчатой оградке, защищавшей небольшую клумбу с пожухшими цветами, и выставил руку к лейтенанту, направившему на него пистолет.

Туго свистнул ветер в ушах: Савва вошёл в темп.

Секунда – до «сладкой парочки», секунда – на перехват руки лейтенанта и отбор пистолета, секунда – на удар в челюсть, отбросивший полицейского на клумбу. Затихающее стаккато сердца. Ошеломлённый взгляд Петрова, на плечах которого оказались погоны полковника. Вопль лейтенанта, врезавшегося лицом в решётку ограды.

Савва взвесил в руке пистолет («гюрза-15», отечествен-

ный), показалось, что он легче обычного, направил ствол в пах полковнику.

– Добрый день, господин Петров. Утром вы были подполковником, насколько мне помнится, а теперь – полковник. Удивительная карьера! Не поделитесь секретом, как можно повысить звание в течение трёх часов?

По широкому мясистому лицу полковника прошла тень.

– Гражданин Бекасов...

– Майор Бекасов, чёрт возьми! Запомните это на всю оставшуюся жизнь!

Лейтенант дёрнулся к нему, намереваясь ударить ногой, и Савва уложил его обратно на клумбу приёмом «плеть». Падение ознаменовалось новым приглушённым воплем.

Идущие по тротуару вдоль шеренги припаркованных машин жильцы дома стали останавливаться.

Савва боковым зрением отметил движение слева от себя: дверца «Лексуса» отворилась, из него вылез молодой человек с подбритыми висками, одетый в модную курточку цвета аквамарин, украшенную жёлтыми кистями, и поспешил к месту инцидента.

Савва взвесил в руке пистолет, снова удивляясь его воздушности. Впечатление было такое, будто оружие бутафорское, пластмассовое. Вспомнились неосторожные слова Фофанова о кодировании нужных организации людей. Может быть, это и есть программатор-зомбер, с помощью которого «прогрессоры» вербуют себе исполнителей?

Парень в курточке с приятным славянским лицом добежал до угла дома, сунул руку под отворот куртки.

«Петров» оценивающе глянул на него; в глазах полковника стыла угроза, но страха в них не было.

– Отдайте... э-э, пистолет, гражданин... э-э...

Савва отбил ещё один выпад лейтенанта, едва не сломав ему нос, навёл ствол «гюрзы» на застывшего парня.

– Интересно, если я выстрелю, он очнётся или, наоборот, глубже запрограммируется?

– Елик, в машину! – ровным голосом приказал «Петров».

– Семён Петрович...

– В машину!

Парень выдернул руку из-под куртки, отступил на шаг, нехорошо улыбнулся.

– Мы ещё встретимся...

– Обязательно! – подтвердил Савва. – Ревва Елизар Степанович, девяносто шестого года рождения, улица Тополиная, дом шесть, я вас навещу в скором времени.

Парня перекосило, он растерянно глянул на полковника, не менявшего равнодушного выражения лица, попятился, торопливо побежал к «Лексусу».

– Вы усугубляете своё положение, гражданин Бекасов, – сказал «Петров». – Отдайте оружие!

– Майор Бекасов! – оскалился Савва. – Когда вы привыкнете к этой реальности? Или в вашу программу не заложили сведений о возможностях этого звания? Ещё раз увижу

вас в пределах прямой видимости – будете объяснять свой карьерный рост в конторе федералов!

С улицы донёсся визг тормозов, гул двигателя машины, работавшего на форсаже.

В проход между шеренгами машин во дворе ворвался чёрный «Мерседес» с мигалкой на крыше.

«Петров» бросил на него вспыхнувший угрозой и ненавистью взгляд, метнулся к «Лексусу», крикнув:

– Лейтенант, в аппарат!

Второй полицейский бросился за ним, расталкивая прохожих.

Двигатель «Лексуса» взревел, полицейские вскочили в салон уже тронувшегося автомобиля, и он, зацепив стоявшие слева машины, устремился к выезду со двора, перемахнул через заросший травой пятачок земли, скрылся из виду.

Савва опустил пистолет.

«Мерседес» со скрежетом остановился поодаль. Из него выскочили молодой парень в чёрно-фиолетовой форме охранника и Виктория Шахова в привычном для себя брючном костюме.

– Ушли?

Савва кивнул на угол дома.

– Хорошая реакция. А вы как здесь оказались?

– Люди позвонили, – с улыбкой ответила Виктория тоном, каким герой фильма «Белое солнце пустыни» произносил свою знаменитую фразу «стреляли». – Что это у вас?

Савва посмотрел на «гюрзу» в своей руке, нашёл глазами Кешу, продолжавшего стоять в странном ступоре, подошёл, тронул его за плечо.

– Ты как?

Завлаб посмотрел на него чёрными бездонными глазами.

– В голове... кто-то... сидит...

– Дьявол! – Савва оглянулся на Викторию. – Неужели они успели?! – Обнял приятеля. – Держись, поедem в госпиталь, к медикам.

– Дай! – протянула руку Виктория.

Он непонимающе посмотрел на неё.

– Что?

– Пистолет!

– Это...

– Знаю.

Савва протянул пистолет Шаховой. Она быстро вынула из него обойму, в которой оказалось всего два патрона, а точнее – два цилиндра красного цвета, похожие на патроны для охотничьего ружья, вставила обойму обратно, что-то сдвинула на рукояти и... выстрелила Кеше в голову! Савва не успел даже шевельнуться.

Собравшиеся зеваки шарахнулись прочь, увидев пистолет.

Выстрел прозвучал как кошачье мяуканье.

Кеша вздрогнул, шире раскрывая глаза, и мягко опустился на асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.